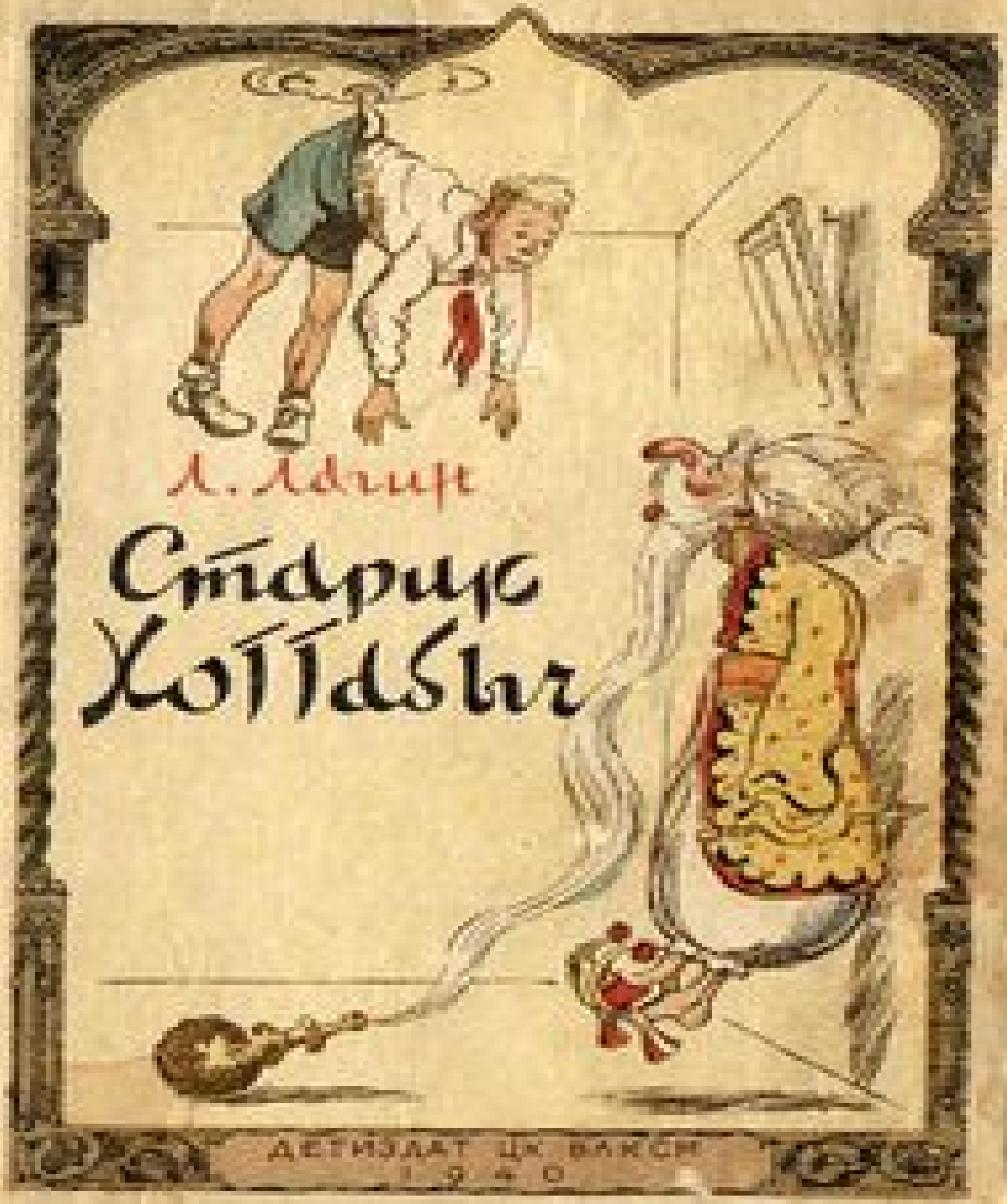
Л. Адлиц
Старик Хоттабыч
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

Annotation

Повесть-сказка об удивительных и смешных приключениях школьников Вольки Костылькова и его друга Жени Богорада, совершенных благодаря чудесному воздействию на них сказочного джинна Гасана Абдуррахмана ибн Хоттаба, или просто – доброго старика Хоттабыча.

Первая редакция 1938 года (первое книжное издание 1940 года).

http://ruslit.traumlibrary.net

- Лазарь Иосифович Лагин
  - Старик Хоттабыч
    - I. Необыкновенное утро
    - II. Таинственная бутылка
    - III. Старик Хоттабыч
    - IV. Испытание по географии
    - V. Хоттабыч действует вовсю
    - VI. Необыкновенное происшествие в кино
    - VII. В парикмахерской
    - VIII. Девятнадцать баранов
    - IX. Вдвоём в парикмахерской
    - X. Беспокойная ночь
    - XI. Не менее беспокойное утро
    - XII. Почему С. С. Пивораки переменил фамилию
    - XIII. Интервью с лёгким водолазом
    - XIV. Намечается полёт
    - XV. В полёте
    - XVI. Опять всё хорошо
    - XVII. «Будьте знакомы»
    - XVIII. Хоттабстрой
    - XIX. Кто самый богатый
    - XX. Один верблюд идёт…
    - XXI. Таинственная история в отделении банка
    - XXII. Старик Хоттабыч и Мей Ланьчжи
    - XXIII. Больница под кроватью

- XXIV. Старик Хоттабыч и гражданин Хапугин
- XXV. Рассказ Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба о том, что с ним произошло после выхода из магазина случайных вещей
- XXVI. Хапугин на горизонте
- XXVII. В вестибюле метро
- XXVIII. Второе приключение в метро
- XXIX. Лишние билетики
- XXX. Сколько надо мячей?
- XXXI. Хоттабыч вступает в игру
- XXXII. Обстановка накаляется
- XXXIII. Примирение
- XXXIV. Случай в отделении милиции
- XXXV. Где искать Омара?
- XXXVI. «Давайте останемся»
- XXXVII. Рассказ проводника международного вагона скорого поезда Москва – Одесса о том, что произошло на перегоне Нара – Малый Ярославец
- XXXVIII. Неизвестный парусник
- XXXIX. На «Любезном Омаре»
- XL. Ковёр-гидросамолёт «ВК-1»
- XLI. Краткое интервью с юным генуэзцем
- XLII. Потерянный и возвращённый Хоттабыч
- XLIII. Пять золотых монет
- XLIV. Сосуд с Геркулесовых столбов
- XLV. «Вот он, этот старик!»
- XLVI. Самая короткая глава
- XLVII. Мечта о «Ладоге»
- XLVIII. Переполох в центральном экскурсионном бюро
- XLIX. Кто самый знатный?
- L. Что мешает спать?
- LI. Риф или не риф?
- LII. Обида старика Хоттабыча
- LIII. «Селям алейкум, Омарчик!»
- LIV. Омар Юсуф показывает свои коготки
- LV. К чему приводят иногда успехи оптики
- LVI. Роковая страсть Хоттабыча

- Эпилог

Лазарь Иосифович Лагин
Старик Хоттабыч

Старик Хоттабыч

I. Необыкновенное утро

В семь часов тридцать две минуты утра весёлый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и устроился на носу ученика пятого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донёсся голос матери:

– Нечего спешить, Алёша. Пусть ребёнок ещё немножко поспит – сегодня у него экзамен.

Волька досадливо поморщился.

Когда же мама перестанет наконец называть его ребёнком? Шуточки – ребёнок! Человеку четырнадцатый год пошёл…

– Ну что за чепуха! – ответил за перегородкой отец. – Парню уже тринадцать лет. Пускай встаёт и помогает складывать вещи. У него скоро борода расти начнёт, а ты всё: ребёнок, ребёнок…

Складывать вещи! Как он мог это забыть!

Волька моментально сбросил с себя одеяло и стал торопливо натягивать штаны. Как он мог забыть! Такой день!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квартиру. Ещё накануне вечером почти все вещи были запакованы. Мама с бабушкой уложили посуду на дно ванночки, в которой когда-то, давным-давно, купали младенца Вольку. Отец, засучив рукава и по-сапожницки набрав полный рот гвоздей, заколачивал ящики с книгами и в спешке заколотил в одном из них учебник географии, хотя даже ребёнку ясно, что без учебника сдавать экзамен невозможно.

– Ладно, – сказал отец, – на новой квартире разберёмся.

Потом все спорили, где складывать вещи, чтобы удобнее было их выносить утром на улицу. Потом пили чай по-походному, за столом без скатерти, сидя на ящиках, а Волька очень удобно устроился на футляре из-под швейной машины. Потом решили, что утро вечера мудренее, и легли спать.

Одним словом, уму непостижимо, как это он мог забыть, что они сегодня утром переезжают на новую квартиру.

Не успели напиться чаю, как в квартиру постучались. Затем вошли двое грузчиков. Они широко распахнули обе половинки двери и

зычными голосами спросили:

– Можно начинать?

– Пожалуйста, – ответили одновременно мать и бабушка и страшно засуетились.

Волька торжественно вынес на улицу, к фургону, диванные валики и спинки. Его сразу окружили ребята, игравшие во дворе.

– Переезжаете? – спросил у него Серёжа Кружкин, весёлый паренёк с чёрными хитрыми глазами.

– Переезжаем, – сухо ответил Волька с таким видом, как будто он переезжал с квартиры на квартиру каждую шестидневку и будто в этом не было для него ничего удивительного.

Подошёл дворник Степаныч, глубокомысленно свернул цигарку и неожиданно завёл с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова. Он с уважением отозвался о сложности дворницкой профессии, потом набрался духу и пригласил Степаныча в гости на новую квартиру. Дворник сказал: «Мерси». Словом, налаживалась серьёзная и положительная беседа двух мужчин, когда вдруг из квартиры раздался раздражённый голос матери:

– Волька! Волька!.. Ну куда девался этот несносный ребёнок?

И сразу всё пошло кувырком. Дворник, еле кивнув Вольке, принялся с ожесточением подметать улицу. Ребята сделали вид, будто безумно увлеклись щенком, которого ещё вчера неведомо откуда притащил Серёжа. А Волька, понурив голову, пошёл в опустевшую квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и пузырьки из-под лекарств.

– Наконец-то! – накинулась на него мать. – Бери твой знаменитый аквариум и срочно влезай в фургон. Будешь там сидеть на диване и держать аквариум на руках. Только смотри не расплескай воду на диван…

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру.

II. Таинственная бутылка

В конце концов Волька устроился в фургоне неплохо. Конечно, в грузовике приятней, но зато вся дорога промелькнула бы чересчур уж быстро. К тому же, что ни говорите, поездка в крытом фургоне куда романтичнее.

Внутри царил таинственный прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было свободно представить, будто едешь не по Настасьинскому переулку, в котором прожил всю свою жизнь, а где-то в Америке, в суровых пустынных прериях, где каждую минуту могут напасть индейцы и с воинственными кликами снять с тебя скальп. За диваном возвышался ставший вдруг необычным перевёрнутый вверх ножками обеденный стол. На столе дребезжало ведро, наполненное какими-то склянками. В углу тускло блестела никелированная кровать. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, удивительно напоминала бочки, в которых пираты старого Флинта держат ром.

Сквозь дыры в стенке фургона проникали тоненькие столбики солнечных лучей.

И вот наконец остановились у подъезда нового дома, где предстояло жить. Грузчики ловко и быстро перетащили вещи в квартиру и уехали в бодро дребезжащем фургоне.

Отец, кое-как расставив вещи, сказал:

– Остальное доделаем после работы.

И ушёл на завод.

Мать совместно с бабушкой принялась распаковывать посуду, а Волька решил тем временем сбегать на реку. Правда, отец предупредил, чтобы Волька без него не смел ходить купаться, потому что тут страшно глубоко, но Волька быстро нашёл для себя оправдание.

«Мне необходимо выкупаться, – решил он, – чтобы была свежая голова. Как это я могу явиться на экзамен с несвежей головой!»

Просто удивительно, как Волька умел всегда придумывать оправдание, когда ему хотелось нарушить обещание, данное родителям.

Это большое удобство, когда речка недалеко от дома. Волька сказал маме, что пойдёт на берег готовиться по географии. Прибежав к речке, он быстро разделся и бросился в воду. Шёл одиннадцатый час, и на берегу не было ни одного человека. В этом обстоятельстве были свои хорошие и плохие стороны. Хорошо было то, что никто не мог ему помешать выкупаться и хорошо поплавать. Обидно было, что по той же причине никто не мог восторгаться тем, как красиво и легко Волька плавает и, в особенности, как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и нанырялся до того, что буквально посинел. Тогда он стал вылезать на берег. Он уже совсем было вылез из воды, но передумал и решил ещё раз нырнуть в ласковую прозрачную воду, до дна пронизанную ярким полуденным солнцем.

И вот в тот самый момент, когда он уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Волька схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках была склизкая, замшелая глиняная бутылка очень странной формы. Горлышко было наглухо замазано каким-то смолистым веществом, на котором было выдавлено что-то отдалённо напоминавшее печать.

Волька прикинул бутылку на вес. Бутылка была тяжёлая, и Волька обмер.

«Клад! – мгновенно пронеслось у него в мозгу. – Клад со старинными золотыми монетами. Вот это здорово!»

Наспех одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать бутылку.

Когда Волька добежал до дому, в его голове уже окончательно сложилась заметка, которая завтра появится во всех газетах. Он даже придумал название. Она должна была называться: «Честный поступок». Текст её должен был быть примерно такой:

«Вчера в 24-е отделение милиции явился пионер Володя Костыльков и вручил дежурному клад из старинных золотых монет, найденный им на дне реки. По сведениям из достоверных источников, Володя Костыльков– прекрасный ныряльщик».

Волька вбежал в квартиру и, проскользнув мимо кухни, где мама с бабушкой готовили обед, юркнул в комнату и прежде всего запер на ключ дверь. Затем вытащил из кармана перочинный нож и, дрожа от волнения, соскрёб печать с горлышка бутылки. В то же мгновение вся

комната наполнилась едким чёрным дымом и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за крюк, на который предполагалось повесить бабушкину люстру.

III. Старик Хоттабыч

Пока Волька, раскачиваясь на крюке, пытался найти мало-мальски правдоподобное объяснение всему приключившемуся, дым понемножку рассеялся, и Волька вдруг увидел, что в комнате, кроме него, находится ещё одно живое существо. Это был тощий старик с бородой по пояс, в роскошной шёлковой чалме, в таком же кафтане и шароварах и необыкновенно вычурных сафьяновых туфлях.

– Апчхи! – оглушительно чихнул неизвестный старик и пал ниц. – Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

– Вы иллюзионист из цирка? – догадался Волька, с любопытством оглядывая сверху незнакомца.

– Нет, повелитель мой, – продолжал старик, – я не иллюзионист из цирка. Знай же, о благословеннейший, что я Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович.

И случилась со мной – апчхи! – удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаз, послужила бы назиданием для поучающихся. Я, несчастный джинн, ослушался Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – я и брат мой Омар Хоттабович. И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и он привёл меня насильно, ведя меня в унижении против моей воли. И Сулейман ибн Дауд – мир с ними обоими! – приказал принести два сосуда: один медный, а другой глиняный, и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего, Омара Хоттабовича, – в медном. Запечатал он оба сосуда, оттиснув на них величайшее из имён Аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня – в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, – апчхи, апчхи! – извлёк меня. Да продлятся дни твои, о… Извиняюсь, как твоё имя, отрок?

– Меня зовут Волька, – ответил наш герой, продолжая раскачиваться под потолком.

– А имя отца твоего, да будет он благословен во веки веков?

– Папу моего зовут Алёша… то есть Алексей.

– Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алёша, что я буду делать впредь всё, что ты мне

прикажешь, ибо ты меня спас из страшного заточения, и я твой раб.

– Почему ты так чихаешь? – осведомился ни с того ни с сего Волька.

– Несколько тысяч лет, проведённых в сырости, без благодатного солнечного света, в глубинах вод, наградили меня, недостойного твоего слугу, хроническим насморком. Но всё это сущая чепуха. Повелевай мной, о мой юный господин! – с жаром закончил Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, задрав вверх голову, но продолжая оставаться на коленях.

– Я желаю немедленно очутиться на полу, – неуверенно промолвил Волька. И в то же мгновение он оказался внизу, рядом со стариком Хоттабычем, как мы будем в дальнейшем величать нашего нового знакомого. Первым делом Волька схватился за штаны. Штаны были абсолютно целы.

Начинались чудеса.

IV. Испытание по географии

– Повелевай мной! – продолжал старик Хоттабыч, глядя на Вольку преданными глазами. – Нет ли у тебя какого-нибудь горя, о Волька ибн Алёша? Скажи, я помогу тебе. Не гложет ли тебя тоска?

– Гложет, – отвечал застенчиво Волька. – У меня сегодня испытание по географии.

– Не беспокойся, о мой повелитель! – возбуждённо заорал старик. – Знай же, что тебе неслыханно повезло, о красивейший из отроков, ибо я больше всех джиннов богат знаниями по географии, я – твой верный раб Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. Мы пойдём с тобой вместе в школу, да будут благословенны её фундамент и крыша! Я тебе буду незримо подсказывать ответы на все вопросы, и ты прославишься среди учеников твоей школы и среди учеников всех школ твоего великолепного города.

– Замечательно! – сказал Волька.

Он уже открыл дверь, чтобы пропустить вперёд Хоттабыча, но тут же снова закрыл её.

– Придётся тебе сменить одежду.

– Разве мои одежды не услаждают твой взор, о достойнейший из Волек? – огорчился Хоттабыч.

– Безусловно услаждают, – дипломатично ответил Волька, – но всё же слишком уж они будут бросаться в глаза в нашем городе. Через две минуты из дома, в котором с сегодняшнего дня проживала семья Костыльковых, вышел наш герой, держа под руку старика Хоттабыча. Хоттабыч был великолепен в новой пиджачной паре из белого полотна, украинской вышитой сорочке и твёрдой соломенной шляпе канотье. Единственной деталью его туалета, которую он ни за что не согласился сменить, были туфли. Ссылаясь на мозоли трёхтысячелетней давности, он остался в вычурных, богато расшитых золотом и серебром туфлях, которые в своё время свели бы, наверное, с ума самого большого модника при дворе калифа Гаруна аль Рашида…

– Костыльков Владимир! – торжественно провозгласили за столом, где сидела комиссия.

Волька нехотя встал из-за парты, неуверенным шагом подошёл к столу и вытащил билет № 14 – «Форма и движение Земли».

– Ну что ж, – сказал директор, – докладывай.

– Так, – сказал разомлевший от жары член комиссии и вытер платком вспотевшее лицо. – Так, так, Костыльков. Что же ты можешь рассказать о горизонте?

Старик Хоттабыч, притаившийся за дверьми в коридоре, услышав этот вопрос, что-то беззвучно зашептал.

А Волька вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила против его желания раскрыла ему рот.

– Горизонтом, о высокочтимый мой учитель, – начал он и тут же облился холодным потом, – я осмелюсь назвать, с твоего позволения, ту грань, где хрустальный купол небес соприкасается с краем Земли.

– Что такое, Костыльков? – удивился экзаменатор. – Как понимать твои слова насчёт хрустального свода небес и края Земли: в переносном или буквальном смысле?

– В буквальном, – прошептал за дверью старик Хоттабыч.

И Волька, чувствуя, что несёт несусветную чепуху, вслед за этим ответил:

– В буквальном, о учитель!

Он не хотел этого говорить, но слова вылетали сами, помимо его желания.

С экзаменатора мгновенно сошло сонное настроение, а ученики, изнывавшие на партах в ожидании своей очереди, встрепенулись и зажужжали, как шмели.

– В переносном, – подсказал ему Серёжа Кружкин трагическим шёпотом.

Но Волька снова громко и внятно произнёс:

– Конечно, в буквальном.

– Значит, как же? – забеспокоился экзаменатор. – Значит, небо – это твёрдый купол?

– Твёрдый, – отвечал убитым голосом Волька, и крупные слёзы потекли по его щекам.

– И, значит, есть такое место, где Земля кончается?

– Есть такое место, – продолжал против своей воли отвечать наш герой, чувствуя, что ноги у него буквально подкашиваются от ужаса.

– Да-а… – протянул экзаменатор и с любопытством посмотрел на Вольку. – А что ты можешь сказать насчёт формы Земли?

Старик Хоттабыч что-то трудолюбиво забормотал в коридоре.

«Земля имеет форму шара», – хотел было сказать Волька, но по не зависящим от него обстоятельствам отвечал:

– Земля, о достойнейший из учителей, имеет форму плоского диска и омывается со всех сторон величественной рекою – Океаном. Земля покоится на шести слонах, а те, в свою очередь, стоят на огромной черепахе. Так устроен мир, о учитель!

Старик Хоттабыч в коридоре одобрительно кивнул головой.

Весь класс помирал со смеху.

– Ты, наверно, болен, Воля? – участливо спросил у него директор школы и пощупал его лоб, мокрый от пота.

– Благодарю тебя, о учитель, – отвечал ему Волька, изнемогая от чувства собственного бессилия. – Благодарю тебя. Я, хвала Аллаху, совершенно здоров.

– Придёшь, когда выздоровеешь, Воля, – мягко сказал ему тогда директор и вывел его под руку из класса. – Придёшь, когда выздоровеешь, и я сам проверю твои знания по географии.

По ту сторону дверей Вольку встретил сияющий Хоттабыч. Он был весел, как жаворонок, очень доволен собой.

– Заклинаю тебя, о юный мой повелитель, – сказал он, обращаясь к Вольке, – потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих?

– Потряс, – ответил, вздохнув, Волька и с ненавистью посмотрел на старика Хоттабыча.

Старик Хоттабыч самодовольно ухмыльнулся.

V. Хоттабыч действует вовсю

Домой идти не хотелось. На душе у Вольки было отвратительно, и хитрый старик почувствовал что-то неладное. Добрых три часа он рассказывал своему спасителю, сидя на скамейке на берегу реки, о разных своих похождениях. Потом Волька вспомнил, что мама дала ему деньги на билет в кино. Предполагалось, что он пойдёт в кино сразу после того, как сдаст географию.

– Знаешь что, старик, – сказал Волька, загоревшись, – сходим в кино!

– Твои слова для меня закон, о Волька ибн Алёша, – смиренно отвечал старик. – Но скажи мне, сделай милость, что ты подразумеваешь под этим непонятным для меня словом: «кино»? Не баня ли это? Или, может быть, это так у вас называется рынок, где можно погулять, побеседовать со своими друзьями?

– Каждый ребёнок знает, что такое кино. Кино – это… – Тут Волька неопределённо поводил в воздухе руками и добавил: – Ну, в общем, придём – увидишь.

Около кинотеатра стояла большая очередь в кассу.

Над кассой висел плакат: «Детям до шестнадцати лет вход воспрещён».

– Что с тобой, о красивейший из красавцев? – всполошился Хоттабыч, увидев, что Волька вдруг снова помрачнел.

– А то со мной, – с досадой ответил Волька, – что из-за твоих россказней мы опоздали на дневной сеанс. Теперь пускают уже только с шестнадцати лет. И потом – видишь, какая очередь. Прямо не знаю, что теперь делать… Домой идти не хочется…

– Ты не пойдёшь домой! – заорал на всю площадь старик Хоттабыч. – Не пройдёт и одного мгновения, как нас пропустят в твоё кино, и мы пройдём в него, окружённые вниманием и восхищением.

«Старый хвастунишка!» – выругался про себя Волька, сжав кулаки. И вдруг обнаружил в правом кулаке два билета в восьмом ряду.

– Ну идём, – сказал старик Хоттабыч, которого буквально распирало от счастья. – Идём. Теперь-то они тебя пропустят.

– Ты уверен в этом? – осведомился Волька.

– Так же, как в том, что тебя ожидает великое будущее. Пусть попробуют не пропустить, – сказал он и подвёл Вольку к зеркалу, висевшему около контроля.

Волька обмер. Из зеркала на него глядело уродливое существо: в коротких штанишках, в пионерском галстуке и с бородой апостола на розовом мальчишеском лице.

VI. Необыкновенное происшествие в кино

Торжествующий Хоттабыч поволок Вольку по лестнице на второй этаж, в фойе.

Наш герой, онемевший от тоски, старательно прикрывал руками продолжавшие бурно расти бороду и усы.

Контролёрша сурово начала:

– Мальчик, детям до шестна…

Но Волька совершенно машинально отнял руки от своего подбородка, и контролёрша поперхнулась.

– Пожалуйста, гражданин, – сказала она и дрожащими от страха руками оторвала контрольные талоны билета.

В фойе было очень душно и жарко.

Переминаясь с ноги на ногу, публика слушала игру джаз-оркестра. До начала сеанса оставалось ещё пятнадцать минут. И казалось, что эти пятнадцать минут никогда не кончатся.

Около самого входа в зрительный зал скучал Женя Богорад, круглолицый, коренастый паренёк, выглядевший значительно старше своих четырнадцати лет. Это был старинный Волькин приятель. Он невыносимо страдал от одиночества. Ему не терпелось рассказать хоть кому-нибудь, как сегодня Волька сдавал испытание по географии. И как назло ни одного приятеля!

Тогда он решил сойти вниз. Авось кого-нибудь судьба пошлёт ему из знакомых. В самых дверях его сшиб с ног старик в канотье и расшитых золотом туфлях, который тащил за руку самого Вольку Костылькова. Волька почему-то прикрывал руками лицо.

– Волька! – крикнул ему Женя и помахал рукой.

Но Костыльков не выказал никаких признаков особой радости. Он даже, наоборот, демонстративно ушёл в самый дальний угол фойе, и Женя обиделся. Он был очень гордый.

«Ну и не надо», – решил он и пошёл в буфет выпить стаканчик ситро.

Поэтому он не видел, как вокруг его приятеля и странного старика начал толпиться народ. Когда же он попытался пробиться к Костылькову, было уже поздно. Вольку и старика Хоттабыча окружала

плотная стена из многих десятков людей. Толпа продолжала расти. Граждане, громыхая стульями, оставляли свои места перед эстрадой. Вскоре оркестр играл перед пустыми стульями. И так он играл до самого начала сеанса.

– Скажите, пожалуйста, в чём дело? – спрашивал Женя, неутомимо работая локтями.

Но ему никто не отвечал. Все стремились в заветный угол фойе, где, сгорая от стыда, притаился Волька Костыльков. Вскоре толпа разгалделась настолько, что стала заглушать звуки оркестра.

Тогда навести порядок решил сам директор кинотеатра. Он откашлялся и громко произнёс:

– Граждане, разойдитесь! Что вы, бородатого мальчика не видели, что ли?

Когда эти слова директора донеслись до буфета, все бросили пить чай и прохладительные напитки и ринулись посмотреть на бородатого мальчика.

– Я погиб, ой, как я погиб! – тихо шептал Волька, с отвращением глядя на Хоттабыча.

Хоттабычу было не по себе. Он не знал, что делать.

– О мой юный повелитель! – нервно сказал он. – Прикажи, и все эти презренные зеваки будут превращены в прах вместе с этим трижды проклятым кино.

– Не надо, – горестно ответил Волька, и крупные слёзы покатились по его щекам и пропали в гуще его бороды.

Эта новость немедленно стала известна всем окружавшим Вольку.

– Бородатый мальчик плачет, – пошёл шёпот по всей толпе.

Потом лицо Костылькова вдруг просветлело. Он быстро повернулся к старику и сказал ему голосом, дрожащим от радостного волнения:

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, слушай мой приказ!

Старик Хоттабыч низко поклонился и ответствовал:

– Слушаю, о мой повелитель! По толпе пробежал шёпот:

– Старик кланяется этому мальчишке… Вы слышали: оказывается, старик поклонился в ноги этому бородатому мальчику! Тут что-то неладно! Очень интересно!..

Волька продолжал:

– Я приказываю тебе, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб: сделай так, чтобы с моего лица пропала эта проклятая растительность.

– Но тебя тогда выгонят из кино, – пытался было возразить старик Хоттабыч. Однако, увидев нетерпеливый жест Вольки, он покорно ответил: – Слушаю и повинуюсь, о красивейший из красавцев!

– Только, пожалуйста, побыстрее! – зло сказал Волька.

– Слушаю и повинуюсь, – повторил Хоттабыч и что-то зашептал, сосредоточенно прищёлкивая пальцами.

Борода и усы на Волькином лице оставались без изменений.

– Ну? – сказал Волька нетерпеливо.

– Ещё один миг, о Волька ибн Алёша, – отозвался старик, нервно продолжая шептать и щёлкать.

Но борода и усы по-прежнему мирно росли на лице несчастного нашего героя.

Старик Хоттабыч безрезультатно пощёлкал ещё немного. Потом, к удивлению и восторгу окружающих, он вдруг повалился на пол и начал, катаясь по пыльному паркету, бить себя в грудь и царапать лицо.

– О, горе мне, – вопил при этом старик Хоттабыч, – о, горе мне! Тысячелетия, проведённые в этой проклятой бутылке, дали себя знать. Отсутствие практики, увы, губительно отразилось на моей специальности. Прости меня, о юный мой спаситель, но я ничего не могу поделать с твоей бородой и твоими усами! О, горе, горе бедному джинну Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу!

– Что ты говоришь, Хоттабыч? – спросил Волька, ничего не разобравший в этих неистовых воплях.

И старик Хоттабыч отвечал ему, продолжая кататься по полу и раздирая на себе одежды:

– О драгоценнейший из отроков, о приятнейший из приятных, не обрушивай на меня свой справедливый гнев… Я не могу избавить тебя от бороды и усов… Я позабыл, как это делается!

Волька прямо-таки закачался от обрушившегося на него нового удара. Потом он со злостью дёрнул самого себя за бороду, застонал и, схватив хныкающего Хоттабыча за руку, поплёлся с ним к выходу сквозь вежливо расступившуюся толпу.

– Куда мы направляем сейчас свои стопы, о Волька? – плаксивым голосом спросил старик.

– В парикмахерскую. Бриться. Немедленно бриться!

VII. В парикмахерской

Парикмахерская районного банно-прачечного треста была переполнена клиентами.

В семь часов двадцать две минуты вечера небритый мастер высунул своё распаренное лицо из мужского зала и крикнул хриплым голосом:

– Очередь!

Тогда из укромного уголка около самой вешалки вышел и уселся в парикмахерском кресле мальчик с лицом, наполовину закутанным в какую-то белую тряпочку.

– Прикажете постричь? – галантно осведомился парикмахер.

– Побрейте меня, – ответил ему сдавленным голосом мальчик и развязал платок, в котором были спрятаны его борода и усы.

«Вот что значит работать в душном помещении в такую жару, – подумал с тоской парикмахер. Он решил, что у него галлюцинация. – Доработался! Эх, охрана труда, охрана труда, где ты?»

– Побрейте меня, – продолжал мальчик. – Только как можно скорее.

Парикмахер понял, что это не галлюцинация, сразу повеселел и, ухмыльнувшись, ответил:

– Я бы на вашем месте, молодой человек, не брил бороду, а поступил бы в цирк. Вы бы там с такой личностью смогли вполне свободно заработать бешеные деньги.

– Да брейте же поскорее! – крикнул Волька, опасливо глядя на соседние кресла.

Парикмахер, глупо хихикая, приступил к делу. Но было уже поздно, потому что все присутствующие в парикмахерской заметили необыкновенного клиента. Мастера бросили свою работу и с бритвами и ножницами в руках устремились к креслу, на котором сидел несчастный Волька. Клиенты с намыленными щеками, с наполовину побритыми затылками, фыркая и подталкивая друг друга локтями, бесцеремонно обменивались мнениями насчёт Волькиной физиономии.

Со своей стороны и мастер, польщённый всеобщим вниманием, не нашёл ничего умнее, как отпускать грубые шуточки по поводу необычайного уродства мальчика.

Старик Хоттабыч еле сдерживал себя, опасаясь повредить Вольке своим преждевременным вмешательством.

Но вот уже последняя полоска мыла снята вместе с волосами с Волькиного лица, и мастер сказал, давясь от смеха:

– Напрасно всё-таки изволили сбривать такую ценность. С такой бородой прямая дорога в цирк. А на худой конец, можно прекрасно подработать на любой ярмарке.

В ответ на эту прощальную реплику вся парикмахерская разразилась таким хохотом, как будто было сказано что-то необыкновенно остроумное. И тогда встал со своего места Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, поднял вверх руки и громовым голосом произнёс:

– Презреннейшие из презреннейших, глупейшие из глупцов! Вы, смеющиеся над чужими несчастиями, подтрунивающие над косноязычными, находящие веселье в насмешках над горбатыми, разве достойны вы носить имя людей!

И он махнул руками.

Через полминуты из дверей парикмахерской выбежали, дробно цокая копытцами, девятнадцать громко блеявших баранов.

VIII. Девятнадцать баранов

Собственно говоря, ничего особенного в парикмахерской не произошло.

Когда разъярённый Хоттабыч начал свою гневную речь и ещё только собирался махнуть руками, Волькин парикмахер, задыхаясь от смеха, гаркнул:

– Это ещё что за чучело гороховое?!

– Ха, ха, ха! Хо, хо, хо! Хи, хи, хи! – грохнула немедленно вся парикмахерская. – Ой, батюшки, уморил! Ай да старичок! Нет, вы на старичка-то посмотрите! Театр, чистый театр!

Хохот стоял такой, что прохожие останавливались, недоуменно заглядывали в окна и двери парикмахерской, собирались кучками у входа и, ещё не зная, в чём дело, смеялись.

– Очередь! – самодовольно провозгласил между тем парикмахер, стараясь перекричать весёлый шум в зале.

Он деловито вытер бритву, положил её в выдвижной ящичек трюмо, обернулся к клиентам и внезапно ослабевшим голосом простонал:

– Ой, мама!

В парикмахерской произошло нечто неслыханное, похожее на дурной сон: все присутствующие, кроме старика Хоттабыча и Вольки, меньше чем в полминуты превратились в баранов.

«Ой, мамочки, что же это такое?» – хотел было прошептать парикмахер-остряк, но изо рта у него на этот раз вылетели не членораздельные слова, а протяжное и пронзительное «мэ-э-э».

Он испуганно посмотрел в зеркало и вместо своей привычной физиономии увидел на редкость глупую баранью морду. Тогда он горько заплакал, встал на все свои новые четыре ноги и, цокая копытцами, выбежал вместе с остальными восемнадцатью баранами из парикмахерской.

Печально блеявшее стадо сразу застопорило всё уличное движение. Возмущённо загудели сирены автобусов и троллейбусов, настойчиво задребезжали трамвайные звонки, пронзительно зазвучали свистки милиционеров. Водители автомашин, высунувшись

из своих кабин, очень нелестно отзывались о внезапно появившемся стаде и его возможных хозяевах. Экстренно выбежали из ворот домов дворники в белых передниках и с метлами в руках.

Неизвестно, сколько продолжался бы этот ералаш, если бы случайно не проходил в это время мимо отец Волькиного приятеля Серёжи Кружкина – Александр Никитич, сотрудник научно-исследовательского института овцеводства. Он был, пожалуй, единственным из взрослых прохожих, который пришёл в восторг от этого стада.

– Вот это бараны! – воскликнул Кружкин с искренним восхищением. – Прелесть какие бараны! Товарищ милиционер, чьи это бараны?

Милиционер в ответ только растерянно развёл руками, и тогда Александру Никитичу пришла в голову дерзкая и не совсем похвальная мысль.

– Позвольте, позвольте… – сказал он, как бы припоминая что-то. – Позвольте, да ведь это, кажется, подопытные бараны, убежавшие сегодня из нашего института! Ну, конечно! Я узнаю вот этого молоденького барашка, я веду над ним наблюдения уже не первый месяц.

Как мы увидим впоследствии, Александр Никитич, сам не зная того, не врал насчёт этого барашка.

Стадо дружно заблеяло. Бараны хотели сказать, что ничего подобного, что они вовсе не подопытные бараны, что они вообще не бараны и что только несколько минут, как они перестали быть людьми, но вместо слов из их широко раскрытых ртов вылетало только печальное «мэ-э-э».

Но так как все они блеяли точь-в-точь как обыкновенные бараны, милиционер, весьма довольный, что нашёлся хозяин этого приблудного стада, отрядил двух дворников, которые погнали девятнадцать горемычных баранов в чистое, высокое и светлое помещение для животных научно-исследовательского института овцеводства.

Любые другие бараны были бы в восторге от этого комфортабельного помещения, от обильного и разнообразного корма, от чистой и вкусной водопроводной воды в чудесных просторных корытах. Но эти бараны шумели, метались, нарочно влезали в корыта с

водой и топали копытами, разбрызгивая воду во все стороны. Принесённый им корм они раскидали по всему полу.

Что касается Александра Никитича, то он наблюдал за поведением баранов спокойно, с большим интересом, что-то прикидывая в уме. Очевидно, он обдумывал какие-то свои планы, связанные с новыми обитателями институтской лаборатории, потому что один раз у него вырвалась фраза:

– М-да! Одного из них придётся, пожалуй, зарезать, чтобы проверить качество мяса…

Услышав эти слова, бараны пришли в такое буйное состояние, что институтским служащим с большим трудом удалось их приковать цепями за ноги к стойлам.

Уже в городе давно загорелись яркие, весёлые огни фонарей, чудесная ночная прохлада спустилась на раскалённый асфальт мостовой, а Александр Никитич всё ещё никак не мог налюбоваться на баранов.

Да и было чем любоваться учёному-овцеводу! Это были превосходные бараны какой-то неведомой породы. И в этом нет ничего удивительного. Ибо ясно, что Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб знал баранов только той породы, с которой он встречался до своего рокового столкновения с Сулейманом ибн Даудом, то есть около трех тысяч лет назад.

Кружкин-старший покинул помещение института поздно ночью, решив посвятить своей счастливой находке большую статью в журнале «Прогрессивное овцеводство».

Полный самых приятных мыслей, он отпер дверь своей квартиры. Навстречу ему вышла его жена Татьяна Ивановна.

– Знаешь, Танюша… – начал Александр Никитич с воодушевлением и вдруг заметил, что у жены заплаканное лицо. – В чём дело, Татьяна?

– Шура… – сказала Татьяна Ивановна, и слёзы покатились по её лицу. – Серёженька… наш Серёжа…

Одним словом, Серёжа Кружкин как ушёл утром в школу, так до сих пор домой и не возвращался.

IX. Вдвоём в парикмахерской

– Неплохо сработано, а? – горделиво спросил старик Хоттабыч, с удовлетворением поглядывая на выбегавших из парикмахерской баранов. – Да позволено будет мне по этому случаю признаться тебе, о прелестный Волька ибн Алёша: я не сразу решил, что мне делать с ними. Поверишь ли, мне стыдно об этом вспомнить – сначала я хотел поразить их громом с неба. Ведь это дурной тон – поражать людей громом с неба. Это ведь каждый может сделать.

Старик явно напрашивался на комплименты.

Но Волька, у которого от всего виденного мороз продирал по коже, нашёл всё-таки в себе мужество, чтобы вступиться за науку.

– Удар грома, – сказал Волька, еле сдерживая дрожь, – никого поразить не может. Поражает людей разряд атмосферного электричества – молния. А гром не поражает. Гром – это звук.

– Не знаю, – сухо ответил старик, не желавший опускаться до споров с мальчишкой. Но тут же он понял, что взял не тот тон, который нужно было, и его морщинистое лицо расплылось в простодушной улыбке. – Не могу без смеха вспомнить, о мудрейший из отроков, как эти люди превращались в баранов! Сколь забавно это было, не правда ли?

Волька не находил в происшедшем ничего забавного. Его страшила судьба новоявленных баранов. Их свободно могли зарезать на мясо. Их могло раздавить автобусом, вообще с ними могли случиться самые разнообразные неприятности. Словом, старик явно перестарался. Вполне достаточно было бы поместить про них фельетон в «Пионерской правде» или в «Крокодиле», не упоминая, конечно, про его бороду. Можно было, на худой конец, публично обругать их баранами. Но превращать людей в баранов – это уже слишком.

Волька окинул грустным взором опустевшую парикмахерскую. Ещё дымилась на полу намоченная в кипятке салфетка, которую несчастный мастер собирался приложить в виде компресса к побритым щекам не менее несчастного клиента. Вокруг кресел валялись в беспорядке ножницы, бритвы, кисти для бритья, машинки

для стрижки волос. В мыльницах сиротливо белела пышно взбитая мыльная пена.

– Знаешь ли ты, о прелестный зрачок моего глаза, – продолжал между тем петушиться Хоттабыч, – я давно уже не колдовал с таким удовольствием! Разве только когда я превратил одного багдадского судью-взяточника в медную ступку и отдал её знакомому аптекарю. Аптекарь с самого восхода солнца и до полуночи толок в ней пестиком нарочно самые горькие и противные снадобья. Не правда ли, здорово, а?

– Очень здорово, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб! Прямо замечательно!

На сей раз Волька говорил совершенно искренне.

– Я так и знал, что тебе это понравится, – сказал с достоинством старик и добавил: – Ну, а теперь пойдём прочь, подальше от этой отвратительной цирюльни.

И потащил Вольку к выходу.

– А касса? А инструменты? А мебель? – воскликнул наш юный герой, упираясь.

Старик обиделся:

– Не хочешь ли ты предложить мне, старому джинну Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу, украсть эти кресла и бритвы? Только прикажи мне, и у тебя будет сколько угодно роскошных кресел, мыльниц, ножниц и бритвенных приборов, которыми не пренебрёг бы и сам Сулейман ибн Дауд, да будет мир с ними обоими!

– Да нет же, – сказал тогда с досадой Волька. – Совсем наоборот: я боюсь, что мы уйдём, а парикмахерскую обворуют.

– И пусть обворуют, – жёстко ответил Хоттабыч, – так этим смешливым бездельникам и надо.

– Фу-ты, чепуха какая! – вконец возмутился Волька. – Парикмахерская ведь государственная, старый ты балда!

– Да позволено будет мне узнать, что ты, о бриллиант моей души, подразумеваешь под этим неизвестным мне словом «балда»? – осведомился с любопытством старик Хоттабыч.

Волька от смущения покраснел, как помидор.

– Понимаешь ли… как тебе сказать… э-э-э… ну, в общем, слово «балда» означает «мудрец».

Тогда Хоттабыч запомнил это слово, чтобы при случае блеснуть им в разговоре.

А Волька решительно защёлкнул дверь парикмахерской на английский замок, предварительно заперев кассу и убрав на место валявшиеся инструменты. А в окошке он повесил первую попавшуюся под руку табличку. На табличке было написано: ЗАКРЫТО НА ОБЕД

X. Беспокойная ночь

Как раз в это время стадо баранов, подгоняемое озабоченными дворниками, потянулось по направлению к научно-исследовательскому институту овцеводства. Уличная пробка немедленно стала рассасываться, и несколько десятков автобусов, грузовиков, легковых машин, трамваев и троллейбусов сразу тронулись с места. Зажглись притушенные фары, сердито зафыркали и запыхтели моторы, загудели сирены, раздражённо задребезжали трамвайные звонки. Тогда Хоттабыч страшно изменился в лице и громко возопил:

– О горе мне, слабому и несчастному джинну! Джирджис, могучий и беспощадный царь шайтанов и ифритов, не забыл нашей старинной вражды! И вот он наслал на меня страшнейших своих чудовищ!

С этими словами он стремительно отделился от тротуара, уже где-то высоко, на уровне третьего или четвёртого этажа, снял свою соломенную шляпу, помахал ею Вольке и медленно растаял в воздухе, крикнув на прощание:

– Я постараюсь разыскать тебя, о Волька ибн Алёша! Пока!

Между нами говоря, Волька даже обрадовался исчезновению старика. Было не до него. У Вольки буквально подкашивались ноги при одной мысли, что ему сейчас предстоит возвратиться домой.

На новой квартире дым стоял коромыслом. Мебель была расставлена кое-как, на диване лежала куча всякой одежды, которая почему-то никак не влезала в шкаф. Столовая была загромождена ящиками с книгами и всякой домашней утварью. Бабушка стряпала вместе с матерью ужин для отца, который только недавно вернулся с работы и с места в карьер принялся вколачивать в стенки гвозди для портретов. Словом, у взрослых было столько забот, что они не имели никакой возможности присмотреться к тому, как выглядят Волькины щёки. Наспех отругав его за полуночничание, они вновь занялись своими делами. А Волька, которому пережитое за день основательно отшибло аппетит, отказался от ужина и, сказавшись усталым, завалился спать.

Он лежал один в своей тёмной комнате. Время от времени он щупал свои бритые щёки и горестно стонал. А в это время было слышно, как за стеной отец, развесив наконец портреты, начал распаковывать ящики с книгами. Потом донеслись голоса бабушки и матери, звон посуды, ножей и вилок, прекратился стук молотка и скрежет открываемых ящиков: родители сели ужинать.

– Воля! – крикнула сыну мать из столовой. – Может быть, всё-таки придёшь поужинать?

– Нет, мамочка, мне что-то не хочется, – скорбно ответил Волька и вдруг почувствовал, что ему очень хочется кушать. Терзаемый голодом, он ворочался с боку на бок, пока в квартире не погасили свет и не затихли разговоры. Прождав ещё некоторое время и убедившись, что старшие действительно уснули, он осторожно слез с кровати и босиком, на цыпочках пробрался в столовую. Его привыкшие к темноте глаза уже различили в синем полумраке заветную дверцу буфета, когда вдруг тишину квартиры прорезала дробная трель телефонного звонка.

Проклиная телефон и его изобретателя, Волька опрометью бросился в свою комнату и, осторожно улёгшись на кровати, стал выжидать того счастливого момента, когда он сможет беспрепятственно добраться до буфета.

– Да, это я, – донёсся в это время заспанный голос Алексея Алексеевича, подошедшего к телефону. – Да… Здравствуйте, Николай Никандрович… Что?.. Нет, нету… Да, дома… Пожалуйста. До свиданья, Николай Никандрович.

– Это кто звонил? – заинтересовалась Волькина мать из спальни, и Алексей Алексеевич ответил:

– Это отец Жени Богорада. Волнуется, что Женя до сих пор не вернулся домой. Спрашивал, не у нас ли Женя и дома ли Волька…

– В мои годы, – вмешалась в разговор бабушка, – так поздно возвращались домой только гусары… Но чтобы ребёнок…

Минут десять прошло, пока, судя по всем признакам, старшие наконец уснули, и тогда Волька с теми же мерами предосторожности опять отправился в свою тайную экспедицию за съестным. Вот он благополучно добрался до самого буфета и уже раскрыл дверцу, когда снова раздался оглушительный телефонный звонок. И снова Волька вынужден был, голодный и злой, позорно бежать из столовой.

На этот раз звонила Татьяна Ивановна, мать Серёжи Кружкина. Она тоже справлялась, не у них ли засиделся её сын и нельзя ли в крайнем случае узнать о нём у Вольки.

– Пожалуйста, – любезно согласился Алексей Алексеевич и, приоткрыв дверь Волькиной комнаты, окликнул сына.

Тут немедленно вмешалась бабушка:

– Как тебе не стыдно, Алёша! Ребёнок устал после экзаменов, а ты его будишь!

– Хорош ребёнок, – проворчал Алексей Алексеевич. – У этого ребёнка скоро борода начнёт расти.

И он вернулся к телефону, не подозревая даже, насколько близок он был к истине, когда говорил насчёт бороды.

Долго, очень долго ждал Волька, когда прекратятся наконец разговоры старших насчёт Жени и Серёжи, и, так и не дождавшись, незаметно заснул сам.

Поздно ночью пошёл дождь. Он весело стучал в окна, лихо шумел в густой листве деревьев, деловито журчал в водосточных трубах. Временами он затихал, и тогда слышно было, как крупные дождевые капли солидно и увесисто падали с карнизов в бочку, стоявшую под окном. Потом, как бы набравшись сил, дождь снова начинал лить густыми потоками. Под такой дождь очень приятно спать, он действует убаюкивающе даже на людей, страдающих бессонницей, а Волька никогда не жаловался на бессонницу.

К утру, когда небо почти прояснилось от туч, кто-то осторожно тронул несколько раз нашего крепко спавшего героя за плечо. Но Волька продолжал спать. И тогда тот, кто тщетно пытался разбудить Вольку, печально вздохнул, что-то пробормотал себе под нос и, шаркая туфлями, направился в уголок комнаты, где на специальной тумбочке стоял Волькин аквариум с золотыми рыбками. Затем раздался еле слышный всплеск воды, и снова воцарилась сонная тишина.

XI. Не менее беспокойное утро

Утро наступило чудесное, солнечное.

В половине седьмого бабушка, тихо приоткрыв дверь, прошла на цыпочках к окну и распахнула его настежь. В комнату сразу ворвался бодрящий, прохладный воздух и вместе с ним радостный хор птиц, автомобилей и человеческих голосов. Начиналось городское утро, шумное, весёлое и хлопотливое. Но Волька не проснулся бы, если бы одеяло не соскользнуло с него на пол.

– Батюшки, – заволновался он, посмотрев на будильник, стоявший рядом на столике, – опоздал! Ей-богу, опоздал! Серёжка уже добрый час ждёт меня на реке удить рыбу.

Волька огорчённо шлепнул себя по щеке и, наколовшись на выросшую за ночь щетину, сразу вспомнил про вчерашние события и понял, что находится в совершенно безвыходном положении. Тогда он снова забрался под одеяло и начал, уныло похныкивая, думать, что ему делать.

– Воля, а Воля! Ты уже встал? – услышал он донёсшийся из столовой голос отца, но решил лучше не отвечать. – Воля, ну вставай же, пора завтракать, – продолжал отец. – Не понимаю, как можно спать, когда на дворе такое замечательное утро.

Он говорил это, очевидно, бабушке, потому что в ответ раздался её сварливый голос:

– Вот заставить бы тебя самого, Алёша, сдавать экзамены да потом разбудить бы тебя ни свет ни заря.

Бабушка всё время вела примиренческую линию по отношению к своему единственному внуку.

– Ну и пускай его спит! – пробурчал отец, принимаясь за завтрак. – Небось захочет есть, сразу проснётся.

Каково Вольке было слышать эти слова! Он буквально изнемогал от голода и иногда ловил себя на том, что яичница с куском чёрного хлеба его сейчас волнует больше, чем рыжая щетина на его щеках. Но здравый смысл взял всё-таки верх над чувством голода, и Волька пролежал в постели до тех пор, пока отец не ушёл на работу, а мать не отправилась с кошёлкой на рынок.

Прошло два часа, а Волька так и не придумал выхода из своего трагического положения.

«Была не была! – решил он тогда. – Расскажу всё бабушке. Авось вместе что-нибудь изобретём».

И чтобы отрезать себе путь к отступлению, он тут же крикнул:

– Бабушка, а бабушка!

– Ишь ты, проснулся всё-таки, – обрадовалась бабушка, которой было скучно одной в квартире. – Иду, иду, полуночник.

Её лёгкие шаги послышались уже совсем близко, когда Волька, рассеянно взглянувший на свой аквариум, вдруг быстро подскочил к двери и закрыл её на ключ.

– Я скоро, бабушка, я только оденусь и сам приду в столовую, – сказал он и, чем-то очень взволнованный, подбежал к аквариуму.

Это был совсем обычный маленький аквариум, но Волька, посмотрев на него в это беспокойное утро, всполошился недаром. Дело в том, что по сравнению со вчерашним днём в этом аквариуме произошли серьёзные изменения, никак не объяснимые с точки зрения естественных наук и полные поэтому таинственного смысла: за ночь население аквариума увеличилось. Вчера было четыре рыбки, а сегодня стало пять! Появилась ещё одна, новая, толстая золотая рыбка, важно шевелившая своими пышными ярко окрашенными плавниками. Когда изумлённый Волька прильнул к толстому стеклу аквариума, ему показалось, что она несколько раз хитро подмигнула ему.

– Что за ерунда! – пробормотал озадаченный Волька и сунул руку в воду, чтобы схватить загадочную рыбку, но она сама, сильно ударив хвостом по воде, выскочила из аквариума на пол и в мгновение ока превратилась в старика Хоттабыча.

– Уф! – сказал Хоттабыч, отряхиваясь и вытирая полой пиджака свою мокрую бороду. – Я всё утро ожидаю чести выразить тебе своё почтение. Но ты не просыпался, как я ни старался разбудить тебя. И мне пришлось переночевать в аквариуме, о счастливейший Волька ибн Алёша!

– Как не стыдно смеяться надо мной! – разозлился Волька. – Только в насмешку можно назвать счастливцем мальчика с бородой.

XII. Почему С. С. Пивораки переменил фамилию

Ничего не произошло бы, если бы Степан Степанович Пивораки не решил в это очаровательное утро совместить сразу два удовольствия: он захотел побриться, наслаждаясь одновременно живописным видом на реку. Поэтому он придвинул к самому окну столик, на котором расположил бритвенные принадлежности, и принялся, мурлыча под нос весёлую песенку, тщательно намыливать себе щёки.

Мы позволим себе использовать время, которое Степан Степанович употребляет для намыливания своей физиономии, и вкратце расскажем о нашем новом знакомом.

По странному совпадению обстоятельств, его фамилия полностью соответствовала одной из двух основных его слабостей: он любил пить пиво и закусывать его аппетитными красными раками.

Второй его слабостью была излишняя словоохотливость, из-за которой он, человек, вообще говоря, неглупый и начитанный, нередко становился в тягость даже самым близким своим друзьям.

При этом он был превосходным парнем и большим мастером своего дела. Он был лекальщиком.

Закончив намыливать свои щёки, Степан Степанович взял в руку бритву и принялся с необыкновенной лёгкостью водить ею по щекам. Затем он с наслаждением обрызгал себя из пульверизатора цветочным одеколоном «Орхидея» и принялся вытирать бритву, когда вдруг неожиданно рядом с ним, неизвестно каким путём, возник старичок в канотье и расшитых золотом и серебром туфлях.

– Ты брадобрей? – сурово спросил старичок у опешившего Степана Степановича.

– Во-первых, – вежливо ответил ему Пивораки, – я попрошу вас не тыкать. А во-вторых, вы, очевидно, хотели сказать «парикмахер»? Нет, я не профессионал-парикмахер. Хотя, с другой стороны, я могу сказать про себя, что да, я парикмахер. Потому что, не будучи парикмахером, или, как вы выразились, брадобреем, я могу всё же заткнуть за пояс любого парикмахера-профессионала, или, как вы

выразились, брадобрея, тогда как ни один парикмахер не может заткнуть за пояс меня. А почему? Да потому, что я в уме…

Старик очень невежливо прервал разговорившегося Пивораки на полуслове:

– Сумеешь ли ты отлично побрить отрока, которому ты недостоин даже целовать пыль под его стопами?

– Я бы вторично просил вас не тыкать, – снова возразил Степан Степанович. – Что же касается существа затронутого вами вопроса…

Он хотел было продолжать свою речь, но старик молча собрал все бритвенные принадлежности, ухватил за шиворот продолжавшего ораторствовать Степана Степановича и, не говоря худого слова, вылетел с ним через окошко в неизвестном направлении.

Несколько лётных минут, и они через окошко же влетели в знакомую нам комнату, где, пригорюнившись, сидел на своей кровати Волька Костыльков, изредка со стоном поглядывая в зеркало на свою бородатую физиономию.

– Счастье и удача сопутствуют тебе во всех твоих начинаниях, о юный мой повелитель! – провозгласил торжественно старик, не выпуская из своих крепких рук пытавшегося вырваться Степана Степановича. – Я совсем было отчаялся найти тебе брадобрея, когда увидел в окне сего болтливого мужа, и я захватил его с собою, и вот он перед тобою со всеми инструментами, необходимыми для бритья… А теперь, – обратился он к Пивораки, который таращил глаза на бородатого мальчика, – разложи, как это подобает, свои инструменты и побрей этого отрока так, чтобы его щёки стали гладкие, как у юной девы.

– Я попросил бы не тыкать, – нерешительно ответил гордый Степан Степанович, но вступать в продолжительную дискуссию не счёл целесообраз-ным, безропотно намылил Волькины щёки, и бритва заблестела в его руке.

Вскоре Волькины щёки стали гладкими.

– А теперь, – сказал старик Степану Степановичу, который буквально осунулся за последние полчаса, – сложи свои инструменты и приходи сюда через окно завтра рано утром. Тебе придётся снова побрить этого отрока, да славится его имя среди всех отроков этого города!

– Я попросил бы не тыкать, – устало возразил Степан Степанович и после непродолжительного молчания добавил: – Завтра я не смогу. Завтра я работаю в ночную смену.

Хоттабыч посмотрел на него так многозначительно, что Степан Степанович еле смог вьдавить из себя вопрос:

– А, извините за назойливость, как часто мне придётся лазить по утрам через окошко к этому молодому товарищу?

– Пока у него не перестанет расти борода, – сурово ответил старик, и Степан Степанович с тоской подумал, что борода у этого молодого человека, очевидно, ещё только начала расти и вряд ли перестанет расти до самой его смерти.

Тогда у Степана Степановича от горя подкосились ноги, он тяжело упал на стул и пролепетал:

– В таком случае, мне придётся перейти на такое предприятие, где работают в одну смену.

– Меня это не касается, – сухо ответил старик.

– Разрешите второй вопрос, – сказал Степан Степанович, с трудом ворочая языком, – может быть, всё-таки лучше будет вам попробовать средство для удаления волос, которое можно будет приобрести в любой аптеке? Это избавило бы нашего молодого товарища от необходимости бриться каждый день.

– Я не завидую твоей судьбе, если ты нам врёшь про это средство, – зловеще проговорил Хоттабыч и, отпустив перепуганного насмерть Степана Степановича, отправился в ближайшую аптеку.

Вскоре он вернулся с аккуратно завязанным пакетиком.

– Мы испробуем это средство, когда закатится солнце, о благородный отрок, – сказал он повеселевшему Вольке, который поджидал его у подъезда, уписывая за обе щеки огромный кусок пирога с капустой.

Что же касается Степана Степановича Пивораки, который больше уже не появится в нашей глубоко правдивой повести, то доподлинно известно, что он после описанных выше злоключений совершенно изменился.

Раньше болтливый, он стал сейчас скуп на слова и каждое из них тщательно взвешивает, перед тем как произнести. Недавно ещё большой любитель выпить, он решительно прекратил после этого дня потреблять алкогольные напитки и даже, если верить слухам,

переменил фамилию Пивораки на более соответствующую его теперешнему настроению фамилию – Ессентуки.

XIII. Интервью с лёгким водолазом

Всю ночь родители Серёжи Кружкина и Жени Богорада провели на ногах. Они звонили по телефону всем своим знакомым, объездили на такси все отделения милиции, все больницы, побывали в уголовном розыске и даже в городском морге. И всё безрезультатно. Ребята как в воду канули.

Наутро директор школы вызвал к себе и лично опросил всех одноклассников Серёжи и Жени, в том числе и Вольку Костылькова. Волька честно рассказал про вчерашнюю встречу с Женей Богорадом в кино, благоразумно умолчав, конечно, про бороду. При этом он страшно волновался, как бы директор или кто-нибудь из присутствующих не обратил внимания на его бритые щёки. Но директору было не до Волькиных щёк.

Одна из девочек, немного поплакав, вспомнила, что часов около восьми вечера она встретила Серёжу на Пушкинской улице. Серёжа был в превосходном настроении и спешил домой обедать. Такие же показания дали ещё несколько учеников, но ни одно из них не помогло найти нити для дальнейших поисков.

Уже школьники, задумчивые и невесёлые, собирались разойтись по домам, когда вдруг один мальчик вспомнил, что Серёжа с Женей собирались после школы пойти купаться. И тогда все похолодели от страшной мысли. Ну, конечно, ребята пошли купаться и утонули.

Через полчаса все наличные силы Освода были брошены на розыски юных утопленников. Сотрудники спасательных станций старательно обшарили баграми всю реку в пределах черты города, но ничего не нашли. Водолазы добросовестно обходили русло реки, подолгу прощупывая омуты, и также ничего не обнаружили. Так они и доложили своему начальнику. Началь-ник снял свою форменную фуражку, вытер носовым платком лоб, вспотевший от жары и забот, и приказал продолжать поиски вплоть до наступления темноты.

Уже спускалась над рекой огненная стена заката, слабый ветер доносил из Парка культуры низкие звуки сирены – знак того, что в летнем театре начинался вечерний спектакль, а на реке ещё виднелись тёмные силуэты осводовских лодок, разыскивающих Серёжу и Женю.

В этот прохладный и тихий вечер не сиделось дома. Тем более что Волька только что натёр свои щёки средством для удаления волос, и лицо действительно стало почти совсем гладким.

– Ничего, о Волька ибн Алёша, – успокоил его Хоттабыч, – на сегодня вполне достаточно, а завтра к вечеру истечёт срок колдовства, и тогда растительность на твоём лице исчезнет, как будто её и не было вовсе. Ибо, к счастью, я заколдовал тебя малым колдовством.

– Пойдём погуляем, что ли, – сказал Волька, и вскоре они уже шагали вдоль широкой асфальтированной набережной.

– Что это за люди со странными головами стоят в этих утлых судёнышках? – спросил старик, указывая на осводовские лодки.

– Это лёгкие водолазы, – печально отвечал Волька, вспомнив о своих пропавших друзьях.

– Мир с тобою, о достойный лёгкий водолаз! – величественно обратился тогда Хоттабыч к одному из водолазов, высаживавшемуся из лодки на берег. – Что ты разыскиваешь здесь, на дне этой прохладной реки?

– Утонули два мальчика, вот мы их и ищем, – ответил водолаз и быстро взбежал по ступенькам в помещение спасательной станции.

– Я не имею больше вопросов, о высокочтимый лёгкий водолаз, – промолвил ему вслед Хоттабыч.

Затем он вернулся к Вольке, низко поклонился и произнёс:

– Целую землю у ног твоих, о достойнейший из учащихся неполной средней школы!

– В чём дело?

– Правильно ли я понял этого лёгкого водолаза, что он разыскивает двух отроков, имеющих высокую честь быть твоими товарищами?

Волька вместо ответа молча кивнул головой.

– И один из них лицом круглолиц, телом коренаст, носом курнос, и волосы его подстрижены не так, как это подобает отроку?

– Да, это Женя. У него причёска «бокс». Он был большой франт, – сказал Волька и очень грустно вздохнул.

– Мы его видели вчера в кино? Это он что-то тебе кричал и ты был опечален, что он всем расскажет о твоей бороде?

– Да, верно. Откуда ты узнал, что я об этом подумал?

– И теперь ты боишься, что найдут твоего приятеля Женю? – продолжал старик, не отвечая на Волькин вопрос– Так не бойся же этого.

– Неправда! Совсем не то, – обиделся Волька. – Совсем я не этим опечален. Мне, наоборот, очень грустно, что Женя утонул.

Хоттабыч с сожалением посмотрел на Вольку и, победоносно ухмыльнувшись, сказал:

– Он не утонул.

– Как не утонул?! Откуда ты знаешь?

– Мне ли не знать! – сказал тогда, торжествуя, Хоттабыч. – Я подстерёг его вчера, когда он выходил из кино, и продал в рабство в Индию. Пусть он там кому хочет рассказывает о твоей бороде…

XIV. Намечается полёт

– То есть как это – в рабство?! – переспросил потрясённый Волька.

Старик понял, что опять что-то получилось не так, и его лицо приняло кислое выражение.

– Очень просто, обыкновенно, как всегда продают в рабство! – нервно огрызнулся он. – Взял и продал в рабство. Чтобы не болтал.

– И Серёжку ты тоже продал?

– Вот уж кого не продавал, того не продавал. Кто это такой Серёжка, о прелестнейший?

– Он тоже пропал. Женя пропал, и он пропал.

– Я не знаю мальчика по имени Серёжка, ' о величайший в мире балда!

– Это кого ты назвал балдой? – полез Волька в амбицию.

– Тебя, Волька ибн Алёша, ибо ты не по годам мудр, – сказал Хоттабыч, очень довольный, что ему удалось так кстати ввернуть слово, которое он впервые услышал от Вольки в парикмахерской.

Волька сначала хотел обидеться, но вовремя вспомнил, что обижаться в данном случае нужно только на самого себя. Он покраснел и, стараясь не смотреть в честные глаза старика, попросил Хоттабыча не называть его балдой, ибо он не заслуживает этого звания.

– Хвалю твою скромность, бесценный Волька ибн Алёша, – молвил Хоттабыч и устало добавил: – А теперь не говори мне больше ничего об этом Серёжке, ибо я ослаб от множества вопросов и умолкаю.

Тогда Волька сел на скамейку и заплакал от бессильной злобы. Старик всполошился, он не понял, в чём дело. Робко усевшись на самый край скамейки, он умоляюще заглянул в Волькины заплаканные глаза и прошептал:

– Что означает этот плач, тебя одолевший? Отвечай же, не разрывай моего сердца на куски, о юный мой господин!

– Верни, пожалуйста, обратно Женю. Хоттабыч внимательно посмотрел на Вольку, пожевал губами и задумчиво произнёс,

обращаясь больше к самому себе, нежели к Вольке:

– Я сам себе удивляюсь. Что бы я ни сделал, всё тебе не нравится. В другое время я бы тебя давно наказал за твою строптивость. Мне для этого стоило бы лишь двинуть пальцем. А теперь я не только не наказываю тебя, но даже чувствую себя в чём-то виноватым. Интересно, в чём дело? Неужели в старости? Эх, старею я…

– Что ты, что ты, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, ты ещё очень молодо выглядишь! – сказал сквозь слёзы Волька.

Действительно, старик для своих трёх с лишним тысяч лет сохранился совсем неплохо. Ему нельзя было дать на вид больше ста, ста десяти лет. Скажем прямо: любой из нас выглядел бы в его годы значительно старше.

– Ну, уж ты скажешь – «очень молодо», – самодовольно ухмыльнулся Хоттабыч и, доброжелательно взглянув на Вольку, добавил: – Нет, вернуть сюда Женю я, поверь мне, не в силах…

У Вольки снова появились слёзы.

– Но, – продолжал Хоттабыч многозначительно, – если ты не возражаешь, мы можем за ним слетать…

– Слетать?! В Индию? На чём?

– То есть как это на чём? Конечно, на ковре-самолёте. Не на птицах же нам лететь, – ехидно отвечал старик.

– Когда можно вылететь? – всполошился Волька.

И старик ответил:

– Хоть сейчас!

– Тогда немедля в полёт! – сказал Волька и тут же спохватился: – Вот только не знаю, как быть с родителями. Они будут волноваться, если я улечу, ничего им не сказав. А если скажу, то не пустят.

– Пусть это тебя не беспокоит, – отвечал старик, – я сделаю так, что они тебя ни разу не вспомнят за время нашего отсутствия.

– Ну, ты не знаешь моих родителей!

– А ты не знаешь Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба.

XV. В полёте

В одном уголке ковра-самолёта ворс был в неважном состоянии – это, наверное, постаралась моль. В остальном же ковёр отлично сохранился, а что касается кистей, украшавших его, то они были совсем как новые. Вольке показалось даже, что он уже где-то видел точно такой ковёр, но никак не мог вспомнить где. Не то на квартире у Серёжи, не то в учительской, в школе.

Старт был дан в саду при полном отсутствии публики. Хоттабыч взял Вольку за руку и поставил его рядом с собой на самой серединке ковра. Затем он вырвал три волоса из своей бороды, дунул на них и что-то зашептал, сосредоточенно закатив глаза. Ковёр затрепетал, один за другим поднялись вверх все четыре угла с кистями, потом выгнулись и поднялись вверх края ковра, но середина его продолжала покоиться на траве под тяжестью пассажиров. Потрепетав немножко, ковёр застыл в неподвижности. Старик сконфуженно засуетился:

– Прости меня, о любезный Волька. Случилось недоразумение. Я это всё сейчас исправлю.

Хоттабыч с минутку подумал, произведя какие-то сложные вычисления на пальцах. Очевидно, на сей раз он пришёл к правильному решению, потому что лицо его сразу прояснилось. Он бодро выдрал из своей бороды ещё шесть волосинок, половинку одной из них оторвал и выбросил как лишнюю, а на остальные, как и в первый раз, подул и произнёс, закатив глаза, заклинания; теперь ковёр выпрямился, стал плоским и твёрдым, как лестничная площадка, и стремительно рванулся вверх, увлекая на себе улыбающегося Хоттабыча и Вольку, у которого голова кружилась не то от восторга, не то от чувства высоты.

Ковёр поднялся выше самых высоких деревьев, выше самых высоких домов, выше самых высоких фабричных труб и поплыл над городом, полным сияющего мерцания огней. Снизу доносились приглушённые человеческие голоса, автомобильные сирены, пение гребцов на реке, отдалённые звуки духового оркестра.

Вечерняя темнота окутала город, а здесь, наверху, ещё виден был багровый солнечный диск, медленно катившийся за горизонт.

– Интересно, – промолвил Волька задумчиво, – интересно, на какой мы сейчас высоте?

– Локтей шестьсот-семьсот, – отвечал Хоттабыч, продолжая что-то высчитывать на пальцах.

Между тем ковёр лёг на курс, продолжая одновременно набирать высоту, и Вольке надоело стоять неподвижно. Он осторожно нагнулся и попытался сесть, поджав под себя ноги, как это сделал Хоттабыч, но никакого удовлетворения, а тем более удовольствия от этого способа сидения не испытал. Тогда, зажмурив глаза, чтобы побороть противное чувство головокружения, Волька уселся, свесив ноги с ковра. Так сидеть было удобнее, но зато немилосердно дуло в ноги, их относило ветром в сторону. Ковёр вошёл в полосу облаков. Из-за пронизывающего тумана Волька еле мог различать своего спутника, хотя тот сидел рядом с ним. Ковёр, кисти ковра, Волькина одежда и всё находившееся в его карманах набухло от сырости.

– У меня есть предложение, – сказал Волька, щёлкая зубами.

– М-м-м? – вопросительно промычал Хоттабыч.

– Я предлагаю набрать высоту и вылететь из полосы тумана.

– С любовью и удовольствием, любезный Волька. Сколь поразительна зрелость твоего ума!

Ковёр, хлюпая набухшими кистями, тяжело взмыл вверх, и вскоре над ними уже открылось чистое тёмно-синее небо, усеянное редкими звёздами, а под ними покоилось белоснежное море облаков с застывшими округлыми волнами.

Теперь наши путешественники уже больше не страдали от сырости, они теперь страдали от холода.

– Х-х-хор-рро-шо б-было б-бы сейчас д-достать чего-нибудь т-тёпленького из одежды, – сказал Волька, у которого зуб на зуб не попадал.

– П-по-по-жалуйста, о блаженный Волька ибн Алёша, – ответствовал Хоттабыч и прикрыл свернувшегося калачиком Вольку неведомо откуда появившимся халатом. Халат был из чудесной тонкой материи, превосходной расцветки и имел только один – правда, довольно существенный – недостаток. Он был рассчитан на пользование им в Багдаде или в Дамаске, и поэтому при температуре в четыре градуса мороза он не столько заменял собою одеяло, сколько создавал красивую, но не греющую видимость его. И всё же Волька

уснул. Он спал, а ковёр-самолёт неслышно пролетал над горами и долинами, над полями и лугами, над реками и ручейками, над сёлами и городами. Всё дальше и дальше на юго-восток, всё ближе и ближе к таинственной Индии, где томился в цепях юный невольник Женя Богорад.

Волька проснулся через два часа, когда ещё было совсем темно. Его разбудили стужа и какой-то тихий мелодичный звон, походивший на звон ламповых хрустальных подвесков. Это звенели сосульки на бороде Хоттабыча и обледеневшие кисти ковра. Вообще же весь ковёр покрылся противной, скользкой ледяной коркой. Это немедленно отразилось на его лётных качествах и в первую очередь на скорости его полёта. Кроме того, теперь при самом незначительном вираже этого сказочного средства передвижения его пассажирам угрожала смертельная опасность свалиться в пропасть. А тут ещё начались бесчисленные воздушные ямы. Ковёр падал со страшной высоты, нелепо вихляя и кружась. Волька и Хоттабыч хватались тогда за кисти ковра, невыносимо страдая одновременно от бортовой и килевой качки, от головокружения, от холода и, наконец, просто от страха.

Старик долго крепился, но после одной особенно глубокой воздушной ямы пал духом и робко начал:

– О отрок, подобный обрезку луны, одно дело было забросить твоего друга в Индию. Для этого потребовалось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до десяти. Другое дело – лететь на ковре-самолете. Видишь, мы уже сколько летим, а ведь пролетели едва одну десятую часть пути. Так не вернуться ли нам обратно, чтобы не превратиться в кусочки льда?

– Ну, знаешь, я тебя просто не узнаю, старик. Как это у тебя язык поворачивается предложить оставить друга в беде?

С этими словами Волька укутался в халат и снова уснул. Через некоторое время его разбудил Хоттабыч, посиневший от холода, но чем-то очень довольный.

– Неужели нельзя дать человеку спокойно поспать? – проворчал Волька и снова накрылся с головой.

Но старик сорвал с него халат и крикнул:

– Я пришёл к тебе с радостью, о Волька! Нам незачем лететь в Индию. Ты меня можешь поздравить: я уже снова умею расколдовывать. Бессонная ночь на морозе помогла мне вспомнить,

как снимать заклятия. Прикажи возвращаться обратно, о юный мой повелитель.

– А Женя?

– Не беспокойся, он вернётся домой одновременно с нами или даже чуть раньше.

– Ну, тогда я не возражаю, – ответил Волька. И вот продрогшие, но счастливые пассажиры ковра-самолёта финишировали наконец в том же месте, откуда они вчера отправились в свой беспосадочный перелёт.

– Волька, это ты? – услышали они тотчас же мальчишеский голос, доносившийся из-под старой развесистой яблони.

– Женька! Ой, Женька! Боже мой, ведь это Женя! – закричал Волька Хоттабычу и побежал к своему приятелю. – Женя! Это ты?

– Я, а то кто же? Конечно, я.

– Ты из Индии?

– А то откуда? Ясное дело, из Индии.

– Ой, как это интересно, Женька! Скорее иди расскажи, что с тобой там было.

И тут же под яблоней Женя Богорад рассказал своему старинному приятелю Вольке Костылькову о своих приключениях на чайной плантации в одном из заброшенных уголков Индии. Поверьте автору на слово, что Женя вёл себя там так, как надлежит вести себя в условиях жестокой эксплуатации юному пионеру.

Автор этой глубоко правдивой повести достиг довольно преклонного возраста и ни разу не обострил своих отношений с вице-королём Индии. Ему поэтому не хотелось бы испортить эти с таким трудом наладившиеся отношения. А рассказ Жени Богомаза, совсем ещё юного гражданина Советского Союза, о том, что он видел в Индии, придирчивые дипломаты могли бы определить как вмешательство во внутренние дела жемчужины британской короны.

Аллах с ней, с этой жемчужиной! Вернёмся лучше к нашим баранам.

XVI. Опять всё хорошо

Примерно в то время, когда возвращавшийся ковёр-самолет был уже где-то в районе Серпухова, безутешные родители пропавших ребят снова собрались на квартире у Кружкиных и в тысячу первый раз обдумывали, что бы такое им ещё предпринять.

Чай в стаканах давно остыл. Разговор не клеился. Иногда кто-нибудь произносил со вздохом что-нибудь вроде:

– Подумать только, наш подрался как-то с ребятишками – они на него напали, он пришёл домой ободранный и расцарапанный. А я ему говорю: «Почему это на меня не нападают мальчишки?» Не правда ли, глупо? И снова наступала томительная тишина. Похудевший за эти три дня Александр Никитич нервно шагал по комнате из угла в угол. Он так тяжело переживал исчезновение сына, что Татьяна Ивановна не выдержала наконец и сказала:

– Знаешь что, Шура: сходил бы ты в институт, проведал бы своих баранов. И для работы польза, и отвлёкся бы немножко.

Минут через десять после его ухода раздался телефонный звонок, и Татьяна Ивановна услышала в трубке неуверенный мальчишеский голос:

– Это квартира Кружкиных?

– Да, – ответила Татьяна Ивановна, – Кружкиных. А в чём дело?

– У вас здесь нет случайно кого-нибудь из Богорадов?

– Есть. А кто их спрашивает?

– Передайте им, пожалуйста, что их просит Женя.

– Какой Женя?

– То есть как это какой Женя?! Обыкновенно какой. Их сын Женя.

– Женечка, миленький, дорогой мой Женечка… – залепетала тогда Татьяна Ивановна в трубку. – Разве ты не утонул? То есть, Боже мой, что это я говорю! Ну, конечно, ты не утонул. Как я рада, Женечка, что ты не утонул! А где мой Серёжа?

– Не знаю, – донёсся издали голос, – я его сам три дня уже не видел.

– Как же это так? – едва выдавила из себя, глотая слезы, Татьяна Ивановна.

Но тут подбежал побледневший от волнения Николай Никандрович, вырвал у неё из рук трубку и закричал страшным голосом:

– Женька, это ты?

– А кто ж ещё?

– Где же ты, разбойничья твоя душа, пропадал?

– Я… я… я гостил у одного товарища… в Можайске…

– В Можайске?! – залился счастливым смехом Богорад-старший. – Ах ты, такой-сякой, по гостям разъезжать задумал! Скажите, пожалуйста, какой мистер Пиквик! Ну мы, Женечка, сейчас придём домой. Смотри сиди и жди нас, не вздумай снова уезжать в свой Можайск.

Наскоро попрощавшись с ещё более погрустневшей Татьяной Ивановной, Богорады помчались домой. Как раз к этому моменту Александр Никитич входил в ворота своего института. Постепенно невесёлые мысли о сыне вытеснились, и он стал мечтать о молниеносной научной славе. Он с удовольствием вспомнил, что за три дня всё ещё не объявился хозяин баранов. Ещё денёчка два наблюдений, и можно приступать к статье.

С этими приятными мыслями Александр Никитич направился к лаборатории.

Но что случилось? Из здания доносился гул человеческих голосов и громкий прерывистый лязг цепей.

«Воры!» – промелькнула в мозгу Александра Никитича тревожная мысль.

Дрожавшими от волнения руками он отпер двери, ворвался внутрь помещения и застыл как поражённый громом. Бараны бесследно исчезли!

Вместо баранов в стойлах металось около двух десятков мужчин, прикованных цепями за ноги к стене.

– По-позвольте, – грозно закричал тогда Александр Никитич, – а где же бараны?

– Это мы и есть бараны, – зло ответил ему мужчина лет сорока пяти с наполовину побритым лицом. – То есть, вообще говоря, мы, конечно, не бараны, а, конечно, как вы видите, люди, а вот вы нас трое суток держите в этих дурацких стойлах. Да снимите вы наконец эти

идиотские цепи с наших ног! – заорал он без всякого перехода, и со всех сторон к Александру Никитичу понеслись возмущённые голоса:

– Это безобразие! Мы жаловаться будем!

– Человеку не дают спокойно побриться! Обязательно превращают его в барана!

– Дома волнуются, а нас тут на пробу резать собираются!

– Снимите немедленно цепь, а то я тут всё разнесу!

Ничего не понимавший и изрядно перетрусивший Александр Никитич извлёк из шкафа ключи от замков, которыми были скреплены цепи. Но в это время из последнего в ряду стойла донёсся очень знакомый голос:

– Папа! Папочка!

– Серёжа! Сынок мой милый! – закричал, не веря своему счастью, Александр Никитич и бросился тормошить и обнимать сына. – Вот это здорово! Нет, это просто здорово! Как ты сюда попал, а? Мы тебя ищем по всему городу, а ты, оказывается, здесь, под самым моим носом, и даже виду не показываешь!

– Я же ещё третьего дня на улице прыгал вокруг тебя, – оправдывался Сережа, – ты даже сказал тогда милиционеру, что уже давно ведёшь наблюдения над этим молодым барашком – надо мной, значит. Вот я и думал, что ты меня узнал.

– Да нет же, – отвечал счастливым голосом Александр Никитич, – я тогда, сказать тебе правду, здорово врал.

Но, тут же поняв, что выставляет себя перед сыном в невыгодном свете, он смущённо закашлял и сказал:

– Вот мама-то обрадуется! Побегу позвоню ей. Так и не сняв цепи с Серёжиной ноги, он побежал к выходу. Тогда остальные пленники, с интересом наблюдавшие драматическую встречу отца и сына Кружкиных, подняли такой гвалт, что Александр Никитич, торопливо произнося неуклюжие извинения, бросился отпирать замки на цепях и, чтобы показать свою полную беспристрастность, освободил Серёжу самым последним.

– Где тут у вас жалобная книга? – приставал в это время к Александру Никитичу мужчина с наполовину выбритым лицом, которого Кружкин, кстати говоря, освободил первым. – Нет, я вас категорически спрашиваю, где жалобная книга?

Посоветовавшись немного, жертвы Хоттабыча решили дело замять и взяли друг с друга торжественные клятвы, что никто никогда никому и ни под каким видом не расскажет об удивительном об удивительном их превращении из людей в баранов.

– Как ты попал в эту компанию? – спросил Александр Никитич у Серёжи, когда они возвращались домой. – Ты разве тоже был в этой злосчастной парикмахерской?

– Да нет же, – отвечал Серёжа, крепко держась за руку отца, – я как раз проходил мимо. Вдруг слышу – внутри парикмахерской люди прямо помирают со смеху. Я, конечно, полез в парикмахерскую смотреть, в чём дело, почему смеются. И уже сам смеюсь. Засунул я голову в зал, смотрю, а там только два человека нормальных – Волька Костыльков и какой-то старичок в смешных туфлях. А остальные все – и мастера, и остальные граждане – ну прямо на моих глазах превращались в баранов. Тут я, как дурак, ещё громче стал смеяться и в ладоши хлопать. И вдруг я слышу – что-то не тот звук получается. Смотрю, а у меня вместо рук – копыта, и сам я уже не человек, а барашек! Только ты, пожалуйста, папа, никому не рассказывай.

– Ладно, ладно, – сказал Александр Никитич. – Видишь, Серёжа, во-о-он мама спешит!

Серёжа бросился навстречу Татьяне Ивановне.

Как будто сговорившись, никто не напоминал Александру Никитичу про его первую и последнюю попытку добиться научной славы без упорного и добросовестного труда.

XVII. «Будьте знакомы»

Рано утром следующего дня друзья были уже в сборе.

– Будьте знакомы, – сказал официальным голосом Волька и представил Хоттабычу Серёжу и Женю.

– Очень приятно, – сказали в один голос и Хоттабыч и обе его недавние жертвы.

А Хоттабыч подумал немножко, пожевал губами и добавил:

– Нет границ моему счастью познакомиться с вами. Друзья моего юного повелителя – лучшие мои друзья.

– Повелителя? – удивились Серёжа и Женя.

– Да, повелителя и спасителя.

– Вашего спасителя? – не удержались и фыркнули ребята.

– Напрасно смеётесь, – строго взглянул на них Волька, – тут ничего смешного нет, – и вкратце рассказал о всех приключениях за последние трое суток.

Ребята помолчали, подавленные необыкновенностью своего нового знакомого. Молчание прервал Женя:

– А знаете, товарищи, наш дом скоро будут сносить.

– Прошу прощения, превосходнейший отрок, не скажешь ли ты мне, что значит «сносить дом»? – осведомился Хоттабыч.

– Ну, сломают.

– А зачем, прости мне мою назойливость, будут ломать твой дом?

– То есть как зачем? Чтобы построить на его месте новый дом, дом-дворец. Это не только наш дом ломать будут, – добавил он с гордостью, – в нашем переулке сразу четырнадцать домов ахнут. Заодно уж и переулок расширят. Давно пора.

– А тебе жалко дом? – сочувственно спросил старик.

– А то не жалко! Конечно, жалко, я к нему во как привык! Мы в нём одиннадцатый год живём. И ребята кругом все знакомые…

XVIII. Хоттабстрой

Около четырёх часов утра два подвыпивших гражданина возвращались домой после товарищеской пирушки. Они шли, крепко обнявшись.

Вдруг один из них, тот, который повыше, почувствовал, что сверху ему что-то капнуло на нос. Это при совершенно безоблачном небе! Удивлённый гражданин поднял свои глаза вверх, потом торопливо зажмурил их. Он явно чего-то испугался, но решил не показывать виду.

– Вася, дорогой мой, – сказал он деланно равнодушным голосом, – посмотри, сделай милость, наверх…

Вася послушно посмотрел на небо, тоже испуганно заморгал глазами, тоже сделал равнодушное лицо и отвечал более или менее спокойным голосом:

– Так что я, Никитушка, ни-ничего не вижу. Они так и не сознались, что видели, как по небу один за другим пронеслись четырнадцать многоэтажных домов. Под каждым домом тоненькими, еле заметными усиками болтались обрывки телефонных и электрических проводов и торчали обломки водопроводных труб. Из труб ещё капала вода. Одна из капель как раз и упала на нос Никитушке.

Примерно в это же время Николай Никандрович Богорад проснулся от какого-то резкого толчка, спросонок решил, что уже пора вставать, и направился на кухню умываться. Но вода из крана не текла. Тогда он решил зажечь свет, чтобы сподручней было поправить водопровод, но свет не зажёгся.

– Пробка перегорела, – догадался Николай Никандрович.

Притащил из коридора стремянку и полез проверить пробку, но пробка была в полной исправности.

– Что за безобразие! – возмутился он и снял телефонную трубку, чтобы сообщить управдому, что сразу испортились и электричество и водопровод.

Но и телефон бездействовал. Тогда Николай Никандрович решил пойти разбудить управдома, чтобы сообщить ему о странных авариях.

Открыв двери парадного, он увидел, что дом стоит не в Первом Строительном переулке, как обычно, а в совершенно неизвестном месте, где-то далеко за городом.

Было не больше четырёх часов утра, когда Вольку разбудило лёгкое прикосновение чьей-то руки. Он недовольно хмыкнул, повернулся на другой бок и, натянув на голову одеяло, попытался снова заснуть. Это ему, однако, сделать не удалось. Неизвестно каким путём пробравшийся в комнату сильный ветер сдул с него одеяло.

Тогда Волька огорчённо открыл глаза и увидел прямо над собой торжествующее лицо Хоттабыча.

– В чём дело? – сварливо спросил Волька. – Не мешай, пожалуйста, спать. Это просто не по-товарищески – будить человека чуть свет…

Старик сделал вид, что не заметил упрёка. Он важно разгладил руками свою бороду и низко-низко поклонился:

– Если ты, к искренней моей радости, чувствуешь себя здоровым, то соблаговоли встать и почтить своим присутствием Первый Строительный переулок.

– В такую рань?

– Ты осчастливил бы меня, если бы выполнил мою покорнейшую просьбу, не откладывая её.

– Скажи хоть, в чём дело?

– Да позволено будет мне не ответить на этот вопрос, ибо я осмелился приготовить тебе, о Волька, скромный сюрприз.

– Ну, разве что сюрприз, – сурово сказал Волька и, позёвывая и потягиваясь, начал одеваться.

Спустя несколько минут они вышли из дома и зашагали по широкому пустынному тротуару. Одинокие шаги далёких пешеходов звонко раздавались в утренней тишине. Город ещё спал. Румяное солнце лениво поднималось из-за крыш, расталкивая толпившиеся у горизонта жёлтые, розовые и оранжевые облака. Высоко в небе еле слышно гудел самолёт, и его крылья на солнце тоже были розовые.

По мере приближения к месту событий Хоттабыч проявлял всё большие и большие признаки волнения. Он то забегал вперёд, то отставал, непрерывно утюжа свою бороду. Канотье он сдвинул на самый затылок и был теперь похож на старомодного гуляку.

Но вот они наконец свернули в переулок, и старик, сделав широкий гостеприимный жест правой рукой, произнёс:

– Соблаговоли, о мой повелитель, осмотреть дворцы.

– Какие дворцы? – удивился Волька. – Где дворцы?

Но, сделав ещё несколько шагов, он восторженно воскликнул:

– Ух ты! Вот это да! Это ты сделал?

– Да, это сделал я, смиренный твой слуга, – скромно, но с достоинством ответил Хоттабыч и, с трудом сдерживая горделивую улыбку, повёл Вольку в глубь переулка.

Ещё полчаса назад по левую сторону его стояли четырнадцать мрачноватых, серых многоэтажных домов, похожих на огромные кирпичные ящики. Сейчас на их месте возвышались сверкающие громады четырёх белых мраморных дворцов. Богатая колоннада украшала их фасады. На плоских крышах зеленели роскошные сады, на клумбах алели, желтели и синели невиданные цветы. Капельки воды, бившей из роскошных фонтанов, играли в лучах восходящего солнца, как драгоценные камни.

У входа в каждый дворец стояло по два чёрных великана с громадными кривыми мечами в руках. Завидев Вольку, великаны, как по команде, пали ниц и громоподобными голосами приветствовали его. При этом из их ртов вырвались огромные языки пламени, и Волька невольно вздрогнул.

– Да не страшится мой юный повелитель этих существ, – успокоил его Хоттабыч, – это мирные ифриты, поставленные мною у входов для большего великолепия. Они готовы служить тебе до последнего своего вздоха.

Великаны снова пали ниц и, изрыгая пламя, покорно проревели:

– Повелевай нами, о могучий наш господин!

– Встаньте, пожалуйста. Я вас прошу немедленно встать, – смущённо забормотал Волька. – Ну куда это годится – падать на колени! Прямо феодализм какой-то… Да встаньте вы наконец, и чтобы этого больше не было, этого пресмыкательства! Стыдно! Честное пионерское, стыдно!

Ифриты, недоуменно поглядывая друг на друга, поднялись на ноги и молча вытянулись в прежней напряжённой позе.

– Ну то-то, – сказал Волька, всё ещё сконфуженный. – Пойдём, Хоттабыч, посмотрим твои дворцы. – И, перепрыгивая сразу через

несколько ступенек, он вошёл внутрь дворца.

– Это не мои дворцы. Это твои дворцы, – почтительно возразил старик, следуя за Волькой. Но Волька не обратил на его слова никакого внимания.

Первый дворец был из драгоценного розового мрамора. Его восемь тяжёлых резных дверей, изготовленные из сандалового дерева, были украшены серебряными гвоздями и усыпаны серебряными звёздами и ярко-алыми рубинами.

Второй дворец был из голубоватого мрамора. В нём было десять дверей из редчайшего эбенового дерева. Они были украшены золотыми гвоздями и усыпаны алмазами, сапфирами и изумрудами.

Посреди третьего дворца был просторный бассейн, а в нём плескались золотые рыбы, каждая величиной с доброго осетра.

– Это вместо твоего маленького аквариума, – застенчиво объяснил Хоттабыч. – Мне кажется, что только таким аквариумом ты можешь пользоваться, не роняя своего высокого достоинства.

«Д-да, – подумал про себя Волька, – попробуй-ка взять в руки этакую золотую рыбку – без рук останешься».

– А теперь, – сказал победоносно Хоттабыч, – окажи мне честь и окинь благосклонным взором четвёртый дворец.

Они вошли в четвёртый дворец, блиставший таким великолепием, что Волька ахнул:

– Да ведь это вылитое метро! Ну прямо станция «Киевский вокзал»!

– Ты ещё не всё видел, о благословенный Волька, – оживился тогда Хоттабыч.

С этими словами он вывел Вольку на улицу. Великаны взяли немедленно мечи на караул, но Хоттабыч, не обращая на них внимания, указал мальчику на полированные золотые доски, украшавшие сверху входы во дворцы. На каждой из них была вычеканена одна и та же надпись, от которой Вольку бросило сначала в жар, а потом в холод.

> «Дворцы эти принадлежат благороднейшему и славнейшему из отроков этого города, красавцу из красавцев, умнейшему из умных, преисполненному неисчислимых достоинств и совершенств, необоримому и

непревзойденному знатоку географии и прочих других наук, первейшему из ныряльщиков, искуснейшему из пловцов и волейболистов, непобедимому чемпиону комнатного бильярда всех систем – царственному юному пионеру Вольке ибн Алёше, да славится во веки веков имя его и имя его достойных родителей».

– С твоего позволения, – сказал Хоттабыч, которого распирало от гордости и счастья, – я хотел бы, чтобы ты, поселившись в этих дворцах вместе с твоими прекрасными родителями, уделил бы и мне уголок, дабы твоё новое местожительство не отдаляло меня от тебя и я имел бы возможность во всякое время выражать тебе своё глубокое уважение и преданность.

– Так вот, – ответил Волька после некоторого молчания, – во-первых, в этих надписях маловато самокритики, а во-вторых, вывески вообще надо заменить другими.

– Я понимаю тебя и не могу не обвинить себя в недомыслии, – смутился старик. – Конечно, надо было сделать надписи из драгоценных камней. Ты этого вполне достоин.

– Ты меня неправильно понял, милый Хоттабыч. Видишь ли, в нашей стране не принято, чтобы дворцы принадлежали частным лицам. Пусть эти дворцы принадлежат МКХ (*Московское коммунальное хозяйство*).

– Я не знаю, кто такой этот МКХ, – произнёс Хоттабыч с горечью в голосе, – и вполне допускаю, что он достойный человек. Но разве МКХ освободил меня из страшного заточения в бутылке? Нет, это сделал не МКХ, а ты, прекраснейший отрок, и именно тебе или никому будут принадлежать эти дворцы.

– Но пойми же…

– И не хочу понимать. Или тебе, или никому.

Волька ещё никогда не видел Хоттабыча таким разъярённым. Его лицо побагровело, глаза, казалось, метали молнии. Видно было, что старик еле удерживается, чтобы не обрушить свой гнев на мальчика.

– Значит, ты никак не согласен, о кристалл моей души?

– Конечно, нет. Зачем они мне – эти дворцы? Что я – учреждение какое-нибудь или детский сад?

– Иэхх! – горестно воскликнул тогда Хоттабыч и взмахнул руками.

В то же мгновение дворцы расплылись в своих очертаниях, заколыхались и растаяли в воздухе, как туман, развеянный ветром. С воплями взвились вверх и исчезли великаны.

Два подвыпивших гражданина, которые ещё не успели добраться домой, снова увидели, как по небу пронеслись четырнадцать многоэтажных домов. Только на этот раз в обратном направлении.

А Николай Никандрович, который перед тем, как будить соседей, зашёл на минутку к себе, чтобы накинуть пиджак, вдруг обнаружил, что в квартире горит свет. На кухне весело и домовито журчала вода из водопроводного крана.

– Что за чудеса! – поразился Богорад-старший. – А ну давай посмотрим – может быть, и телефон сам исправился?

Недоверчиво улыбаясь, он снял с рычажка телефонную трубку. Послышался обычный непрерывный гудок низкого тона. Телефон был в полной исправности.

Николай Никандрович посмотрел на часы. Часы показывали без четверти пять. Он подошёл к окну, распахнул его настежь, высунулся из него, чтобы глотнуть свежего воздуха, и увидел, что дом снова находится на своём обычном месте, а в нескольких шагах от тротуара стоит Волька и какой-то чудаковато одетый старичок. Волька был чем-то расстроен.

XIX. Кто самый богатый

Пять дней Хоттабыч обижался на Вольку и отсиживался в аквариуме. На шестой день, с удовлетворением убедившись, что мальчик тяжело переживает их размолвку, старик вылез наконец из воды.

– Пойдём погуляем, что ли, о кристалл моей души, – сказал он таким тоном, как будто между ними ничего не произошло.

– Только при одном условии, – твёрдо заявил Волька, – при условии, что ты не будешь больше шарахаться от каждого автобуса, как деревенская лошадь. Хотя я напрасно обидел деревенских лошадей: они уже давно перестали бояться машин. Да и тебе, пожалуй, пора привыкнуть, что это не джирджисы какие-нибудь, а двигатели внутреннего сгорания.

– Слушаю и повинуюсь, о Волька ибн Алёша, – покорно отвечал старик.

– В таком случае, повторяй за мной: я больше не буду бояться…

– Я больше не буду бояться… – повторил с готовностью Хоттабыч.

– …автобусов, троллейбусов, грузовиков, трамваев, самолётов…

– …автобусов, троллейбусов, грузовиков, трамваев, самолётов…

– …автомашин, прожекторов, экскаваторов, пишущих машинок…

– …автомашин, прожекторов, экскаваторов, пишущих машинок…

– …телефонов, патефонов, радиорупоров, пылесосов…

– …телефонов, патефонов, радиорупоров, пылесосов…

– …электрических выключателей, примусов, дирижаблей, вентиляторов и резиновых игрушек «уйди-уйди».

– …электрических выключателей, примусов, дирижаблей, вентиляторов и резиновых игрушек «уйди-уйди».

– Ну вот, как будто и всё, – сказал Волька.

– Ну вот, как будто и всё, – машинально повторил вслед за ним Хоттабыч, и оба рассмеялись.

Чтобы закалить стариковы нервы, они раз двадцать пересекли пешком самые оживлённые городские перекрёстки, проехали на трамвае много остановок и наконец, утомлённые, но довольные, залезли в автобус.

Они ехали, блаженно покачиваясь на кожаных подушках сиденья. Волька углубился в чтение «Пионерской правды», старик о чём-то думал, изредка благожелательно поглядывая на своего юного спутника. Потом лицо Хоттабыча расплылось в довольной улыбке. Он, очевидно, придумал что-то приятное.

Автобус довёз их почти до самого дома. Вскоре они уже были в Волькиной комнате.

– Знаешь что, о достойнейший из учащихся неполной средней школы, – начал Хоттабыч сразу, как только они закрыли за собой дверь, – ты должен был бы, на мой взгляд, быть холоднее и сдержаннее в обращении с юными обитателями твоего двора. Поверишь ли, сердце разрывается у меня на части, когда я слышу, как они встречают тебя криками: «Эй, Волька!», «Здорово, Волька!» – и тому подобными, явно недостойными тебя возгласами. Прости мне мою резкость, благословеннейший, но ты совершенно напрасно распустил их. Ну какая они ровня тебе – богатейшему из богачей.

– Ну вот ещё! – возразил ему Волька. – Насчёт моего богатства ты жестоко ошибаешься.

– Нет, это ты ошибаешься, о опахало моей души! – торжествующе вскричал тогда Хоттабыч и подвёл Вольку к окну. – Смотри и убеждайся в правоте моих слов!

Перед глазами Вольки предстала удивительная картина.

XX. Один верблюд идёт…

Во дворе было полным-полно тяжело нагруженных слонов, верблюдов и ослов. В раскрытые ворота продолжали прибывать всё новые и новые караваны. Крики чернокожих погонщиков, одетых в белоснежные бурнусы, сливались с трубными звуками, которые издавали слоны, с воплями верблюдов, рёвом ослов, топотом сотен копыт, мелодичным позвякиванием колокольчиков и бубенцов.

Коротенький, до черноты загорелый человечек в богатой шёлковой одежде слез со своего слона, вышел на середину двора, троекратно ударил палочкой о не остывший ещё от полуденного зноя асфальт, и из мостовой забил мощный фонтан. Сейчас же погонщики с кожаными вёдрами в руках озабоченно выстроились в длинную очередь, и вскоре двор заполнился сопением, чмоканьем и пофыркиваньем жадно пивших животных.

– Смотри же, о Волька! – воскликнул Хоттабыч, стараясь перекричать гам, стоявший за окном. – Смотри, как высоко я ценю оказанную тобой услугу! Всё это – твоё!

– Что – всё? – спросил оглушённый шумом Волька.

– Всё. И слоны, и верблюды, и ослы, и всё золото и драгоценности, груженные на них, и люди, состоящие при этих грузах и животных. Всё это твоё.

День ото дня становилось не легче. Пятидневку тому назад Волька чуть не стал домовладельцем. А сейчас он становился сразу несметным богачом, скотовладельцем и даже рабовладельцем! Нечего сказать, недурной заголовок для заметки в «Пионерской правде»: «Вырвать с корнем пионеров-рабовладельцев!», или: «Богачам-рабовладельцам, слоновладельцам и верблюдовладельцам не место в рядах пионеров!»

Первой мыслью было упасть на колени перед Хоттабычем и умолять его убрать эти ценные дары, пока ещё никто их не заметил.

Но Волька сразу же вспомнил историю с дворцами. Если бы он тогда тактичнее повёл разговор, можно было сделать так, чтобы дворцы остались украшать собой город без ущерба для Волькиного пионерского достоинства.

Одним словом, нужно было выиграть время для размышлений и выработки оперативного плана.

– Знаешь что, Хоттабыч, – сказал он, стараясь говорить как можно непринуждённей, – а не покататься ли нам на верблюде, пока рабы управятся с караваном?

– С радостью и удовольствием, – доверчиво отвечал старик.

Через минуту двугорбый корабль пустыни, величественно покачиваясь и надменно оглядываясь по сторонам, вышел на улицу, неся на своей спине взволнованного Вольку и Хоттабыча, который чувствовал себя как дома и томно обмахивался шляпой.

– Верблюд! Верблюд! – обрадовались ребятишки, выскочившие на улицу одновременно и в таком количестве, как будто у них было принято ожидать в это время появления верблюдов. Они тесным кольцом окружили невозмутимое животное, возвышавшееся над ними, как двухэтажный троллейбус над тележками с газированной водой. Какой-то мальчишка, имевший бесспорные задатки будущего поэта, скакал на одной ноге и восторженно вопил:

Едут люди
На верблюде…
Едут люди
На верблюде…

Верблюд подошёл к перекрёстку как раз тогда, когда на светофоре загорелся красный свет. Он хладнокровно переступил жирную белую черту на мостовой, хотя около неё было большими буквами написано: «Стоп!» Напрасно Волька старался удержать животное. Корабль пустыни, спокойно перебирая ногами, продолжал свой путь прямо навстречу милиционеру, который приготовился к достойной встрече и уже вытащил из сумки квитанционную книжку для взимания штрафа.

Но тут вдруг раздался громкий рёв сирены, зловеще заскрежетал тормоз, и под самым носом флегматически посапывавшего верблюда остановилась голубая машина. Из машины выскочили шофёр и два пассажира и с места в карьер принялись честить опешивший экипаж невозмутимого верблюда.

Действительно, ещё одна секунда – и произошла бы непоправимая катастрофа.

– Попрошу поближе к тротуару, – спокойно сказал милиционер и приложил руку к козырьку своего белого шлема.

Вольке с трудом удалось заставить верблюда подчиниться этому распоряжению.

Собравшаяся толпа была настроена резко отрицательно к нашим героям. До слуха сразу поскучневшего Вольки доносились отдельные малоутешительные реплики:

– Ездиют тут на верблюдах…

– Да, чуть-чуть несчастье не приключилось.

– Тут, я так полагаю, главное не мальчишка. Тут, я так полагаю, главное – старичок, который за мальчишкой сидит…

– Да, сидит и шляпой обмахивается. Прямо как граф какой-нибудь.

– Чего смотреть! В отделение – и весь разговор.

– И откуда только люди сейчас верблюдов достают, уму непостижимо!

– Эта животная краденая.

– Ничего, в отделении разберутся.

Волька, почувствовав, что он влип в неприятную историю, свесился с верблюда и принялся неловко извиняться перед милиционером:

– Товарищ милиционер, я больше не буду, отпустите нас, пожалуйста. Нам верблюда кормить пора. Ведь в первый же раз…

– Ничего не могу поделать гражданин, – сухо отвечал милиционер, – в таких случаях все говорят, что в первый раз.

В это время Волька вдруг почувствовал, что Хоттабыч дёрнул его за рукав.

– О юный мой повелитель, – сказал он, и это были первые его слова за всё время этого прискорбного инцидента. – О юный мой повелитель, мне грустно видеть унижения, на которые ты идёшь, для того чтобы избавить меня от неприятностей. Все эти люди недостойны целовать твои пятки. Дай же им понять пропасть, отделяющую их от тебя.

Волька в ответ досадливо отмахнулся. Но вдруг он снова почувствовал, что не волен над своей речью.

Он хотел сказать:

«Товарищ милиционер, но я очень прошу вас, отпустите меня. Я обещаю вам до самой смерти никогда не нарушать правил уличного движения».

Но вместо этой смиренной просьбы он вдруг неожиданно для самого себя заорал на всю улицу:

– Как ты смеешь, презренный, задерживать меня?! На колени! Немедленно на колени передо мной, или я тебя тотчас же разорву на куски!

Хоттабыч при этих словах удовлетворённо осклабился и тщательно расправил пальцами усы. Что же касается милиционера и окружающей толпы, то все они от неожиданности были даже не столько возмущены этими наглыми речами, сколько ошарашены.

– Я попрошу вас повторить произнесённые вами слова, – обратился к Вольке милиционер, стараясь сохранить спокойствие.

– Я самый выдающийся отрок этого города! – продолжал Волька орать, изнывая от чувства собственного бессилия. – Вы недостойны целовать мои пятки! Я красавец! Я ум-ни-ца! А ну, попробуйте-ка поцеловать мои пятки! На колени передо мной, о вы, недостойные сыны Адама!

– Ладно, – хмуро ответил милиционер, – там в отделении разберутся насчёт пяток тоже. За пятки вы, гражданин, ответите отдельно.

«Что со мной будет?! Ой, ой, ой, что со мной будет?!» – ужасался Волька, в то время как из его рта вылетали грозные слова:

– Остановись и замолчи, недостойный страж! Смирись и жди, пока не получишь заслуженного наказания из моих рук! Ух, ты!

В это время что-то отвлекло внимание Хоттабыча. Он перестал нашёптывать Вольке свои высокомерные слова, и Волька, к которому на короткое время вернулась самостоятельность, умоляюще забормотал, низко свесившись с верблюда и жалостливо заглядывая своим слушателям в глаза:

– Товарищи… граждане… Вы меня, пожалуйста, не слушайте… Разве это я говорю? Это вот он, этот старый болван, говорит. Я за эти слова не отвечаю.

Но тут Хоттабыч снова взял нить разговора в свои руки, и Волька, не переводя дыхания, закричал:

– Трепещите же и не выводите меня из себя, ибо я страшен в гневе! Ух, как страшен! Честное пионерское!

Он уже прекрасно понимал, что его слова никого не пугают, а только возмущают, а некоторых даже смешат, но ничего сделать не мог. Между тем недоумение сменилось у тех, кто слушал Вольку, лёгким беспокойством и даже сочувствием.

– Вот мы, граждане, ругаем этого мальца, смеёмся над ним, а он, может быть, сумасшедший, то есть я хотел выразиться: ненормальный, – сказал проникновенно один старичок.

И, как бы перекликаясь с этими словами, вдруг раздался взволнованный голос какой-то женщины:

– Граждане! Что я вижу! У него же сильный жар! Мальчик ведь прямо дымится!

– А ну молчать, если хотите со мной разговаривать! – проревел им в ответ Волька и вдруг с ужасом почувствовал, что вместе со словами из его рта вылетают большие клубы чёрного дыма.

Кто-то испуганно вскрикнул, кто-то побежал в аптеку вызвать «скорую помощь», и Волька, воспользовавшись создавшейся сумятицей, шепнул Хоттабычу:

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб! Приказываю тебе немедленно перенести верблюда вместе с нами подальше от этого места… Лучше всего за город.

– Слушаю и повинуюсь, – также шёпотом ответил старик.

И в ту же секунду верблюд со своими седоками взвился в воздух и исчез, оставив всех в глубочайшем недоумении.

А через минуту он плавно снизился на окраине города, где и был навсегда оставлен своими неблагодарными пассажирами. Он, очевидно, и по сей день пасётся где-то в окрестностях города. Его очень легко узнать, если он вам попадётся на глаза: у него уздечка вся усыпана бриллиантами и изумрудами.

XXI. Таинственная история в отделении банка

Когда Волька с Хоттабычем вернулись домой, было уже часов одиннадцать вечера. Несмотря на все пережитые за день неприятности, у Вольки было приподнятое настроение. Он наконец придумал, что ему сделать с несметными богатствами, свалившимися ему как снег на голову.

Прежде всего он справился у Хоттабыча, может ли он сделать всех этих погонщиков с их слонами, верблюдами, ослами и всей поклажей невидимыми для постороннего глаза.

– Только прикажи, о богатейший из богачей, – с готовностью отвечал Хоттабыч.

– Очень хорошо, – сказал Волька. – В таком случае, сделай их, пожалуйста, пока что невидимыми, и давай ложиться спать. Завтра нам придётся встать с восходом солнца.

– Слушаю и повинуюсь.

И вот зеваки, собравшиеся во дворе, чтобы поглазеть на шумный и необычный караван, внезапно увидели, что двор абсолютно пуст, и, поражённые, разошлись по домам.

Волька, наскоро поужинав, с удовольствием разделся и улёгся в кровать, прикрывшись по случаю жары одной только простыней.

А Хоттабыч, решивший свято соблюдать старинные традиции джиннов, превратился в невидимку и улёгся у самого порога, чтобы охранять покой своего юного господина. Он совсем было уже собрался завести степенную беседу, когда дверь неожиданно раскрылась, и бабушка, пришедшая, как всегда, чтобы попрощаться на ночь со своим внуком, споткнулась о невидимого Хоттабыча и с громким криком шлёпнулась на пол.

– Ты понимаешь, тут только что что-то лежало у порога! – испуганно сообщила она прибежавшему на шум Алексею Алексеевичу.

– Где оно лежало, это что-то? – спросил её Алексей Алексеевич. – И, кстати, как оно, это что-то, выглядело?

– Никак оно не выглядело, Алёшенька, – ответила старушка и сама смутилась.

– Что ж ты это, мама, о пустое место споткнулась, что ли? – облегчённо рассмеялся Волькин отец, довольный, что бабушка нисколько не пострадала при падении.

– Выходит, что о пустое место, сынок, – растерянно отвечала старуха и, в свою очередь, сконфуженно рассмеялась.

Она пожелала Вольке спокойной ночи и ушла вместе с Алексеем Алексеевичем, так и не поняв, обо что это она споткнулась.

С помощью Вольки Хоттабыч прекрасно устроился под кроватью.

Некоторое время оба наши героя лежали молча. Волька никак не мог решить, как приступить к предстоящему щекотливому разговору.

– Спокойной ночи, – доброжелательно произнёс Хоттабыч из-под кровати, и Волька понял, что пора начинать.

– Хоттабыч, – сказал он, свесив голову с кровати, – мне нужно с тобой немножко поговорить.

– Уж не насчёт ли сегодняшних моих даров? – опасливо осведомился Хоттабыч и, получив утвердительный ответ, тяжело вздохнул.

– Видишь ли, мне хотелось бы знать, имею ли я право распоряжаться твоим подарком так, как мне заблагорассудится.

– Бесспорно, о благословенный богач.

– И как бы я им ни распорядился, ты не будешь на меня в обиде?

– Не буду, о Волька. Смею ли я обидеться на человека, столь много сделавшего для меня!

– Если тебе нетрудно, Хоттабыч, то, пожалуйста, поклянись.

– Клянусь! – глухо сказал из-под кровати Хоттабыч, понимавший, что это всё неспроста.

– Ну, вот и хорошо! – обрадовался Волька и даже присел от волнения на кровати. – Значит, ты не обидишься, если я тебе скажу, что не могу принять твой подарок, Хотя очень-очень-очень благодарен тебе за твою щедрость.

– О горе мне! Почему ты отказываешься от моих даров? Это ведь не дворцы. Ты видишь, о Волька, я тебе больше не дарю дворцов.

– Но мне совершенно ни к чему все эти тюки золота, серебра и драгоценных камней.

– Если они тебе не нужны, – огорчённо отвечал Хоттабыч, – то отдай их в рост тем, кто в них нуждается, и ты станешь тогда владыкой над всеми бедняками твоей страны.

– Стать ростовщиком! – возмущённо воскликнул Волька. – Пионер – и вдруг ростовщик! Да знаешь ли ты, что у нас в стране уже давным-давно нет ростовщиков?! Ты меня очень насмешил, Хоттабыч.

– Тогда, – продолжал обиженно Хоттабыч, – накупи на это золото побольше товаров и открой собственные лавки во всех концах города. Ты станешь именитым купцом, и все будут тебя уважать и воздавать тебе почести.

– Торговлей у нас занимается государство и кооперация.

Волька с удовлетворением слушал собственные слова. Ему нравилось, что он такой политически грамотный.

– У вас очень странная и непонятная для моего разумения страна, – буркнул Хоттабыч из-под кровати и замолчал.

На рассвете следующего дня телефонный звонок поднял с постели заведующего районным отделением Государственного банка. Заведующего экстренно вызывали в учреждение. Взволнованный таким ранним звонком, он примчался к месту работы и увидел во дворе дома, где помещалось отделение банка, множество слонов, верблюдов и ослов, гружённых тяжёлыми тюками.

– Тут один гражданин хочет внести вклад, – сообщил ему растерянный дежурный.

– В чём дело? – спросил тогда заведующий. – Разве вы не знаете, что приём вкладов производится только с десяти часов утра?

В ответ на это дежурный молча протянул заведующему исписанный неровным мальчишеским почерком листок из ученической тетради. Заведующий прочитал бумажку и попросил дежурного ущипнуть его за руку. Дежурный с охотой выполнил эту просьбу. Заведующий поморщился от боли, снова посмотрел на листок и промолвил:

– Невероятно! Просто невероятно! Гражданин, пожелавший остаться неизвестным, подарил Государственному банку на любые нужды, по усмотрению последнего, двести сорок шесть тюков золота, серебра и драгоценных камней общей стоимостью в три миллиарда четыреста шестьдесят семь миллионов сто тридцать пять тысяч семьсот три рубля восемнадцать копеек.

Три золотые монеты Волька оставил у себя, чтобы заказать для бабушки несколько золотых коронок.

Самым удивительным во всей истории этого необычного вклада было то, что животные, на которых привезли сокровища, и люди, сопровождавшие их, мгновенно исчезли, как только ценности были сданы под расписку заведующему отделением.

XXII. Старик Хоттабыч и Мей Ланьчжи

На старика было просто жалко смотреть. Он никуда не выходил и отсиживался в аквариуме, ссылаясь на то, что у него якобы разыгрался ревматизм. Конечно, это было нелепой мотивировкой, ибо глупо с ревматизмом забираться в воду.

Хоттабыч лежал на дне аквариума, лениво шевеля плавниками, и вяло глотал ртом воду. Когда к аквариуму подходили Волька, Серёжа или Женя, он уплывал к задней стенке, весьма невежливо поворачиваясь к ним хвостом. По ночам, когда все в доме спали, он вылезал из воды, чтобы немножко размяться, и до утренней зари еле слышно шаркал туфлями по комнате и что-то бормотал. Хоттабыч обдумывал какое-то важное решение.

Так продолжалось несколько суток, пока наконец в один прекрасный день Хоттабыч не вылез из аквариума. Отжимая воду из бороды и усов, он сдержанно сказал обрадованному Вольке:

– Ты меня очень обидел, о сладчайший Волька, отказом от моего скромного подарка. Твоё и моё счастье, что я обещал тебе не обижаться, в противном случае я сделал бы с тобой нечто непоправимое, о чём сам в дальнейшем весьма бы сожалел. Ибо я полюбил тебя всей душой и особенно не могу не ценить прекрасное бескорыстие твоей дружбы. Но больше ты богатства от меня и не ожидай. Я всегда буду делать всё, что ты мне прикажешь, но ты впредь не получишь на руки ни одного золотого.

– Ну вот и чудесно, – отвечал с некоторым сожалением Волька. – Тут у меня с ребятами имеется к тебе одно интересное предложение. Мы давно собираемся попросить тебя пойти с нами в цирк.

– С удовольствием, – сказал Хоттабыч. – Если хочешь, мы можем поехать туда на верблюдах.

– Нет, что ты, не стоит тебе затрудняться, – возразил Волька с подозрительной поспешностью. – Давай лучше, если ты не боишься, поедем в трамвае.

– А чего тут бояться! – обиделся старик. – Трамвай как трамвай, дело обыкновенное.

– Значит, поехали, – засуетился Волька.

И через полчаса Волька, Женя, Серёжа и Хоттабыч были уже в Парке культуры и отдыха, у входа в цирк-шапито.

Старик принципиально возражал против покупки билетов. Он попытался даже усмотреть в этом некую недооценку своего могущества.

– Нет, вы не знаете ещё Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, – сказал он с лёгкой горечью и, попросив ребят подождать где-нибудь неподалёку, подошёл к будке администратора, около которой гудела длинная очередь жаждавших получить контрамарку.

Время от времени из окошечка высовывалась взъерошенная голова администратора, он сердито кричал:

– Напрасно дожидаетесь, граждане! Контрамарок нет и не будет! Цирк набит до отказа.

Но очередь не двигалась с места, и администратор в сердцах с треском захлопывал окошечко.

Хоттабыч в очередь не полез, а, встав в сторонке, что-то зашептал, сосредоточенно глядя в стенку, за которой притаился администратор, обессилевший от суровой борьбы с контрамарочниками.

Он глядел так, не моргая глазами, до тех пор, пока из окошечка не высунулся администратор с белым листочком бумаги в руке.

– Кто здесь товарищ Хотапченко? – выкрикнул он с заговорщическим видом.

– Я тот человек, которого ты ищешь, – сказал старик с достоинством, и только успел взять в руки контрамарку, как окошечко с шумом захлопнулось, чуть не прищемив ему пальцы.

– Безобразие! – заволновались в очереди. – Тут люди ожидают с шести часов вечера! Сами говорят, что не будем выдавать пропусков, и сами же выдают без очереди! Подавай сюда директора! Мы так этого дела не оставим.

Администратор не вытерпел, открыл окошко и выкрикнул:

– Товарищ Хотапченко – командировочный! – и снова захлопнул окошко, на сей раз уже окончательно.

– Все мы командировочные! – заорали неуверенными голосами из очереди и стали постепенно расходиться, так как уже прозвенел третий звонок.

Хоттабыч с ребятами вошёл в цирк, залитый светом множества ярких электрических ламп.

В одной из лож, около самой арены, было как раз четыре свободных стула, но Хоттабыч категорически отказался занять эти места.

– Я не могу согласиться, – сказал он важно, – чтобы хоть кто-нибудь в этом помещении сидел выше меня и моих глубокочтимых друзей. Это было бы ниже вашего и моего достоинства.

Спорить со стариком было совершенно бесполезно, и ребята скрепя сердце уселись на самой верхотуре, в последнем ряду амфитеатра.

Вскоре выбежали униформисты в ярких, расшитых золотом костюмах и выстроились по обе стороны выхода на арену. Шпрехшталмейстер зычным голосом объявил начало представления, и «первым номером обширной программы» выехала на арену наездница, вся усеянная блёстками, как ёлочный Дед-Мороз.

– Ну как, нравится? – спросил Волька у Хоттабыча.

– Не лишено интереса и для глаз приятно, – осторожно ответил старик.

За наездницей последовали акробаты, за акробатами – клоуны, за клоунами – дрессированные собачки, вызвавшие сдержанное одобрение Хоттабыча, за собачками – жонглёры и прыгуны. Выступлением прыгунов закончилось первое отделение, и наши друзья пошли погулять.

Когда после сигнала все снова уселись по своим местам, к Хоттабычу подошла девушка в кокетливом белом переднике, с большим подносом на руках.

– Эскимо не потребуется? – спросила она у старика, и тот, в свою очередь, вопросительно посмотрел на Вольку.

– Возьми, Хоттабыч, это очень вкусно. Попробуй.

Хоттабыч попробовал, и ему понравилось. Он угостил ребят и купил себе ещё одну порцию, потом ещё одну и наконец, разохотившись, откупил у обомлевшей продавщицы сразу все сорок три кругленьких, покрытых нежной изморозью пакетика с мороженым. Девушка обещала потом прийти за подносом и ушла вниз, то и дело оборачиваясь на своего удивительного покупателя.

– Ого! – сказал Женька и подмигнул своим приятелям. – Старик дорвался-таки до эскимо.

В какие-нибудь пять минут Хоттабыч уничтожил все сорок три порции. Он ел эскимо, как огурцы, сразу откусывая большие куски и смачно похрустывая. Последний кусок он проглотил как раз в тот момент, когда в цирке снова зажглись все огни и шпрехшталмейстер, выйдя на середину арены, торжественно провозгласил:

– Мировой… комбинированный… аттракцион – китайский артист Мей Ланьчжи!

Все в цирке зааплодировали, оркестр заиграл туш, и на арену, улыбаясь и раскланиваясь во все стороны, вышел немолодой уже китаец в расшитом драконами синем халате. Это и был Мей Ланьчжи.

Пока его ассистенты раскладывали на маленьком столике всё, что было необходимо для первого фокуса, он продолжал раскланиваться и улыбаться. При улыбке у него ярко поблёскивал во рту золотой зуб.

– Замечательно! – прошептал завистливо Хоттабыч.

– Что замечательно? – спросил Волька, энергично хлопая в ладоши.

– Замечательно, когда у человека растут золотые зубы.

– Ты думаешь? – рассеянно спросил Волька, внимательно следя за начавшимся номером.

– Я убеждён в этом, – ответил Хоттабыч. – Это очень красиво и богато.

Мей Ланьчжи кончил свой первый номер.

– Ну как, знаменито? – спросил Волька у Серёжи таким тоном, будто это он сам проделал фокус.

– Спрашиваешь! – восторженно ответил Серёжа, и Волька тут же громко вскрикнул от удивления: у Серёжи оказался полный рот золотых зубов.

– Ой, Волька, что я тебе скажу, – прошептал в то же время Серёжа, – ты только не пугайся: у тебя все зубы стали золотые!

– Ребята, помолчите, не мешайте смотреть, – повернулся к ним Женя Богорад, и приятели увидели, что и у него во рту блестели тридцать два золотых зуба.

– Это, наверное, работа Хоттабыча, – сказал с тоской Волька.

И действительно, старик, прислушивавшийся к разговору приятелей, утвердительно кивнул головой и простодушно улыбнулся,

открыв при этом, в свою очередь, два ряда крупных, ровных золотых зубов.

– Даже у Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – не было во рту такой роскоши, – хвастливо сказал он. – Только не благодарите меня. Уверяю вас, вы достойны этого небольшого сюрприза с моей стороны.

– Да мы тебя и не благодарим! – сердито возразил ему Женя, но Волька, испугавшись, как бы старик не разгневался, дёрнул Женю за руку.

– Понимаешь ли, Хоттабыч, – начал он дипломатично, – это слишком будет бросаться в глаза, если сразу у всех нас четверых, сидящих рядом, все зубы окажутся золотыми. На нас будут смотреть, и мы будем очень стесняться.

– И не подумаю стесняться, – сказал Хоттабыч.

– Да, но вот нам всё-таки как-то будет не по себе…

– Ну и что же? – спросил нетерпеливо Хоттабыч.

– Так вот, мы все тебя просим, чтобы до тех пор, пока мы не вернёмся домой, у нас были бы во рту обычные, костяные зубы.

– Восхищаюсь вашей скромностью, о юные мои друзья, – сказал немного обиженно старик, и ребята с облегчением почувствовали, что зубы у них во рту потеряли свой металлический привкус и обрели прежний вид.

– А когда вернёмся домой, они снова станут золотыми? – с беспокойством спросил Женя, но Волька раздражённо ответил:

– Ладно, потом увидим! Может, старик про них позабудет.

И он с увлечением принялся смотреть на головокружительные фокусы Мей Ланьчжи и хлопать вместе со всеми зрителями, когда тот из совершенно пустого ящика вытащил сначала голубя, потом курицу и, наконец, мохнатого весёлого белого пуделя.

Только один человек сердито, не выказывая никаких признаков одобрения, смотрел на фокусника. Это был Хоттабыч.

Ему было очень обидно, что фокуснику хлопали по всякому пустяковому поводу, а он, проделавший со времени освобождения из бутылки столько чудес, ни разу не услышал не только аплодисментов, но ни одного искреннего слова одобрения.

Поэтому, когда снова раздались аплодисменты и китаец, перед тем как перейти к следующему номеру, начал раскланиваться во все

стороны, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб огорчённо крякнул и, невзирая на протесты зрителей, полез через их головы на арену.

Одобрительный рокот пошёл по всему цирку, а какой-то солидный гражданин громким шёпотом сказал своей соседке:

– Я тебе говорил, милочка, что этот старик – Рыжий. Это, вероятно, очень опытный клоун. Смотри, как он себя потешно держит. Они нарочно сначала сидят среди публики…

К счастью для говорившего, Хоттабыч ничего не слышал, целиком поглощённый наблюдениями за Мей Ланьчжи. Тот как раз в это время начал самый эффектный из своих номеров.

Прежде всего знаменитый фокусник зажёг несколько очень длинных разноцветных лент и запихал их в горящем виде себе в рот. Потом он взял в руки большую, ярко раскрашенную миску с каким-то веществом, похожим на очень мелкие древесные опилки. До отказа набив себе рот этими опилками, Мей Ланьчжи стал быстро размахивать перед собой красивым большим веером. Сначала опилки во рту затлели, потом появился небольшой дымок, и, наконец, когда в цирке, по заранее разработанному плану, погасили электричество, все увидели, как в темноте изо рта знаменитого фокусника посыпались тысячи искр и даже показалось небольшое пламя.

Казалось, что цирк обрушился от взрыва аплодисментов. И тогда среди бури рукоплесканий и криков «браво» раздался вдруг возмущённый голос старика Хоттабыча.

– Вас обманывают! – орал он надрываясь. – Вас нагло обманывает этот старый бездельник! Это никакие не чудеса! Это – обыкновенная ловкость рук!

– Вот это Рыжий! – восхищённо воскликнул кто-то из публики. – За-ме-ча-тель-ный Рыжий! Браво, Рыжий! – закричал он, и все зрители, кроме Вольки и обоих его друзей, дружно зааплодировали Хоттабычу.

Старик не понимал, о каком «Рыжем» ему кричат, и, терпеливо переждав, когда кончатся вызванные его появлением рукоплескания, иронически продолжал:

– Разве это чудеса?! Ха-ха!

Он отодвинул оторопевшего фокусника в сторону и для начала изверг из своего рта один за другим пятнадцать огромных

разноцветных языков пламени, да таких, что по цирку сразу пронёсся явственный запах серы.

С улыбкой выслушав аплодисменты, Хоттабыч схватил Мей Ланьчжи за шиворот и меньше чем в одну минуту превратил его последовательно в кролика, осла, носорога и в бочку с водой.

Потом он вернул несчастного фокусника в его обычное состояние, но тут же щёлкнул пальцами, и вместо одного фокусника по манежу побежали семьдесят два маленьких, похожих на него как две капли воды. Затем они слились в одного большого Мей Ланьчжи, как сливаются в одну каплю много маленьких капелек ртути.

С публикой творилось нечто невообразимое. Люди хлопали в ладоши, топали ногами, стучали палками, вопили истошными голосами: «Браво!», «Бис!», «Замечательно!», «Изумительно!», «Как его фамилия?», «Почему его фамилии нет на афишах?», «Я таких фокусов сроду не видал!» и многое другое, чего нельзя было разобрать в поднявшемся невероятном шуме и гаме.

– Это ещё не всё! – прокричал громовым, не-человеческим уже голосом Хоттабыч, разгорячённый всеобщим одобрением, и стал вытаскивать из-под полы своего пиджака целые табуны разномастных лошадей.

Лошади испуганно ржали, били копытами, мотали головами, развевая при этом свои роскошные шелковистые гривы. Потом, по мановению руки Хоттабыча, лошади пропали, из-под полы пиджака выскочили один за другим, грозно рыча, четыре огромных берберийских льва и, несколько раз пробежав вокруг арены, исчезли.

В это время в действие вмешались двое молодых людей. По приглашению администрации они ещё в начале представления вышли на арену, чтобы следить за фокусником. На этом основании они уже считали себя специалистами циркового дела и тонкими знатоками чёрной и белой магии.

Один из них развязно подбежал к Хоттабычу и с возгласом: «Я, кажется, понимаю, в чём дело!» – попытался залезть к нему под пиджак, но тут же бесследно исчез под гром аплодисментов ревевшей от восторга публики.

Такая же бесславная участь постигла и второго развязного молодого человека.

Дальше Хоттабыч действовал уже под сплошные и непрерывные рукоплескания.

Вот он махнул рукой, и всё, что было на арене: и ассистенты Мей Ланьчжи, и разнообразный многочисленный его реквизит, и нарядные, молодцеватые униформисты, – всё это в одно мгновение взвилось вверх и, проделав несколько прощальных кругов над восхищёнными зрителями, тут же растаяло в воздухе.

Тридцать три оркестранта вдруг сгрудились в одну кучу, огромным комом скатились со своей площадки на арену. Этот ком катился по барьеру, постепенно уменьшаясь в своём объёме, пока наконец не достиг величины горошины. Тогда Хоттабыч поднял его, положил себе в правое ухо, и из уха понеслись сильно приглушённые бравурные звуки марша.

Затем старик, который еле держался на ногах от возбуждения, как-то по-особому щёлкнул сразу пальцами обеих рук, и все зрители один за другим стали со свистом срываться со своих мест и пропадать где-то далеко под куполом.

И вот наконец в опустевшем цирке остались только четыре человека – Хоттабыч, устало присевший на барьере арены, и Волька со своими приятелями, кубарем скатившиеся со своих мест к старику на арену.

– Ну как? – вяло спросил Хоттабыч, с трудом приподнимая голову и глядя на ребят странными, помутившимися глазами. – Это вам не Мей Ланьчжи, а?..

– Куда этому жалкому фокуснику до тебя! – отвечал Волька, сердито моргая своим друзьям, которые всё порывались попросить о чём-то старика.

– А какие были рукоплескания! – с удовольствием вспоминал Хоттабыч.

– Ещё бы! А ты мог бы вернуть всех на прежние места? Чтобы всё было так, как было раньше? Это, наверное, очень трудно?

– Нет, не трудно… То есть для меня, конечно, не трудно, – горделиво отвечал еле слышным голосом Хоттабыч, поблескивая золотыми зубами. Из уст ребят вырвался вздох облегчения.

– А мне почему-то кажется, что тебе это чудо не под силу, – коварно сказал Волька, явно подзадоривая старика.

– Под силу. Но я что-то очень устал.

– Ну вот, я и говорил, что тебе не под силу. Вместо ответа Хоттабыч, кряхтя, приподнялся на ноги, вырвал у себя из бороды тринадцать волос, мелко их изорвал, выкрикнул какое-то странное слово «лехододиликраскало» и, обессиленный, опустился прямо на опилки, покрывающие арену.

Тотчас же из-под купола со свистом примчались и расселись, согласно купленным билетам, беспредельно счастливые зрители. На манеже, как из-под земли, выросли Мей Ланьчжи со своими ассистентами и реквизитом и униформисты во главе со своим бравым шпрехшталмейстером.

Оркестр горошинкой выкатился из правого уха Хоттабыча, быстро вырос в огромный ком человеческих тел, вопреки закону земного притяжения покатился наверх, на свою площадку, рассыпался там на тридцать три отдельных человека, расселся по своим местам, и грянул туш.

Крики восторга, гром аплодисментов, казалось, разнесут сейчас помещение цирка на куски.

– Разрешите, граждане… Попрошу вас пропустить… – проталкивался к Хоттабычу сквозь тесно обступившую его восторженную толпу худощавый человек в больших круглых роговых очках.

Наконец он пробился, потеряв все до единой пуговицы своего пиджака, и, задыхаясь от непривычной физической работы, проговорил, обращаясь к Хоттабычу:

– Я… из управления госцирков… очень прошу вас в кабинет директора цирка… Нам нужноэкстренно переговорить с вами об ангажементе… Турне по СССР! Турне по Западной Европе! Турне по Северной Америке! Согласны на любое ваше условие…

– Оставьте старика в покое! – сказал с досадой Волька. – Вы разве не видите – он болен, у него повышенная температура.

Действительно, у Хоттабыча был сильный жар.

Старик здорово объелся мороженым.

XXIII. Больница под кроватью

Тот, кто никогда не возился с заболевшим джинном, не может даже себе представить, какое это утомительное и хлопотливое дело.

Во-первых, возникает вопрос: где его держать? В больницу его не положишь, и дома на виду его тоже держать нельзя.

Во-вторых, как его лечить? Медицина рассчитана на лечение людей. При лечении джиннов медицина бессильна.

В-третьих, заразны ли для людей болезни джиннов?

Все эти вопросы были тщательно обсуждены ребятами, когда они на такси увозили бредившего Хоттабыча из цирка. Было решено:

1. Хоттабыча в больницу не везти, а держать его со всеми возможными удобствами у Вольки под кроватью, предварительно предложив ему для безопасности сделаться невидимым.

2. Лечить его, как лечат людей от простуды. Давать на ночь аспирин, поить чаем с малиновым вареньем, чтобы он хорошенько пропотел.

3. Болезни джиннов людям, очевидно, не передаются.

К счастью, дома никого не было, и Хоттабыча удалось спокойно уложить под кроватью. Женька с Серёжей побежали в аптеку и в гастроном за аспирином и малиновым вареньем, а Волька пошёл на кухню подогреть чай.

– Ну, вот и чай готов! – весело сказал он, через пять минут возвращаясь из кухни с кипящим чайником в руке. – Будем пить чай, а, старина?..

Ответа не последовало.

«Умер!» – ужаснулся Волька и вдруг почувствовал, что, несмотря на все неприятности, которые уже успел доставить Хоттабыч, ему будет очень жалко, если старик умрёт.

– Хоттабыч, миленький… – залепетал он и, встав на коленки, полез под кровать.

Но старика под кроватью не оказалось.

– Вот проклятый старик! – рассвирепел тогда Волька, сразу позабыв о своих нежных чувствах. – Только что был здесь и уже успел куда-то запропаститься!

Неизвестно, какие ещё горькие слова произнёс бы Волька по адресу старика, если бы в комнату в это время не ввалились Женька и Серёжа, с шумом волоча за собой Хоттабыча. Старик упирался и бормотал себе под нос что-то несвязное.

– Вот чудак!.. Нет, ты подумай только, что за чудак! – возмущался на всю квартиру Женька, помогая укладывать больного на место. – Возвращаемся это мы сюда, смотрим, а Хоттабыч-то твой стоит на углу с мешком золота и всё норовит всучить его прохожим. Я у него спрашиваю: «Что ты делаешь здесь на улице с повышенной температурой?» А он мне отвечает…

– Нет, это он мне отвечает, – вмешался Серёжа.

– А он нам отвечает: «Я, мол, чувствую приближение смерти. Я, мол, хочу по этому случаю раздать милостыню». Тут мы ему говорим: «Чудак ты, чудак! Кому же ты собираешься раздавать милостыню, раз у нас нищих давным-давно нет? Расхватают у тебя золото жулики, и всё». А тогда мне…

– Нам, – поправил Серёжа.

– А тогда мне, – продолжал Женька раздражённо, – а он тогда мне и говорит: «В таком случае, я пошёл домой». Вот я его…

– Мы его!

– Вот мы его и привели. Лежи, лежи, старичок, поправляйся. Умереть всегда успеешь.

Хоттабычу дали лошадиную дозу аспирина, скормили ему с чаем всю банку малинового варенья и, укутав получше, уложили спать.

Старик, полежав некоторое время спокойно, вдруг заволновался и собрался вставать, чтобы пойти к покойному Сулейману ибн Дауду извиняться за какие-то давнишние обиды. Потом он заплакал и стал просить Вольку, чтобы тот сбегал в Средиземное море и в Индийский океан, разыскал там на дне медный сосуд, в котором заточён его дорогой братик Омар ибн Хоттаб, освободил его из заточения и привёл сюда.

– Мы бы так чудно зажили здесь все вместе, – бормотал он в бреду, заливаясь горючими слезами.

Через полчаса старик пришёл в сознание и проговорил слабым голосом из-под кровати:

– О юные мои друзья, вы не можете себе вообразить даже, как я вам благодарен за вашу любовь и дорогое ваше внимание! Окажите

мне, прошу вас, ещё одну услугу: завяжите мне покрепче руки, а то я во время горячки такое наколдую, что потом и сам ничего не смогу поделать.

Старика связали, и он моментально уснул как убитый.

На утро Хоттабыч проснулся совершенно здоровым.

– Вот что значит вовремя поданная медицинская помощь! – удовлетворённо сказал Женя.

Надо заметить, что Женя давно мечтал по окончании школы поступить учиться на медицинский факультет.

XXIV. Старик Хоттабыч и гражданин Хапугин

– Благословенный Волька, – сказал спустя три дня Хоттабыч, блаженно греясь на солнышке, – всё время я делаю тебе подарки, по моему разумению ценные, и каждый раз они тебе оказываются не ко двору. Может быть, сделаем так: ты мне сам скажешь, что бы тебе и твоим достойным молодым друзьям хотелось от меня получить, и я почёл бы за счастье и честь немедленно доставить вам желаемое.

– Подари мне, пожалуйста, большой морской бинокль, – ответил, не задумываясь, Волька.

– С радостью и любовью, о превосходный Волька…

– Нам тоже бинокль, если можно, – застенчиво сказали одновременно Женя и Серёжа.

– Бесспорно можно, – радушно отвечал Хоттабыч, и они всей компанией пошли в магазин случайных вещей.

Магазин, расположенный на шумной и узкой улице в самом центре города, буквально кишел покупателями.

Хозяйственные горожане уже примеряли зимние вещи, хотя июнь был ещё в самом разгаре. Наши друзья с трудом протиснулись к прилавку, за которым торговали настолько случайными и разнообразными предметами, что их никак нельзя было распределить по отделам, потому что тогда пришлось бы на каждую вещь заводить особый прилавок.

– Покажи мне, о Волька, как они выглядят, эти бинокли, угодные твоему сердцу, – весело сказал Хоттабыч и вдруг побледнел и затрясся мелкой дрожью.

Он горестно взглянул на своих ничего не понимающих молодых спутников, заплакал, гробовым голосом сказал им: «Прощайте, друзья мои» – и, направившись к пожилому покупателю, стоявшему около самого прилавка, растолкал локтями публику и бухнулся перед ним на колени.

– Приказывай мне, ибо я твой покорный и смиренный раб! – сказал он, глотая слёзы и порываясь поцеловать полы его пиджака.

– Не лезьте ко мне, – замахал пожилой гражданин руками, – не лезьте, а то я вам съезжу по физиономии! Ишь ты, к карману

подбирается, бумажник свистнуть хочет! Жулик!

– Ты ошибаешься, о мой повелитель. Я жду твоих приказаний, чтобы исполнить их немедленно и беспрекословно, – отвечал убитым голосом старик, всё ещё стоя на четвереньках.

– Стыдно, гражданин, нищенствовать в наше время, – укоризненно сказал Хоттабычу продавец из-за прилавка. – А ещё прилично одетый.

– Значит, сколько за колечко? – нервно продолжал пожилой гражданин разговор, прерванный Хоттабычем.

– Всего-навсего три рубля сорок одна копейка, гражданин Хапугин, – ответил продавец. – Вещица, конечно, случайная.

Продавцы магазинов случайных вещей хорошо знали гражданина Хапугина, бывшего частника, а теперь помощника заведующего хозяйством кустарной артели «Красный пух».

Каждый день после службы Хапугин обходил один за другим магазины в надежде воспользоваться неопытностью продавцов и отхватить за бесценок какую-нибудь ценную вещицу. Совсем недавно ему удалось купить за десять рублей какую-то особенную фарфоровую чашечку, и вот сейчас, как раз тогда, когда перед ним бухнулся на колени Хоттабыч, он приценивался к потемневшему от времени колечку, которое продавец полагал серебряным, в то время как Хапугин сразу определил его как платиновое.

– Д-да-а, – иронически протянул гражданин Хапугин, протягивая продавцу через минуту кассовый чек, – по цене и колечко.

Получив свою покупку, он сразу спрятал её в свой старомодный кожаный кошелёк и быстро вышел на улицу. Вслед за ним поспешил и Хоттабыч, утирая кулаками слёзы, обильно тёкшие по его лицу. Пробегая мимо своих друзей, он едва успел бросить им на ходу:

– Увы, в руках этого почтенного Хапугина я только что увидал волшебное кольцо Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – а я раб этого кольца и должен следовать за тем, кто им владеет. Прощайте же, друзья мои, я всегда буду вспоминать о вас с благодарностью и любовью…

Только теперь, безвозвратно расставшись с Хоттабычем, ребята поняли, как они к нему привыкли. Печальные и молчаливые вышли они из магазина, даже не взглянув на бинокли, и отправились на речку, где привыкли последние дни собираться для задушевной

беседы. Они долго лежали на берегу у того самого места, где ещё так недавно Волька нашёл знаменитую глиняную бутылку с Хоттабычем. Они припомнили смешные, но милые повадки старика и всё больше убеждались, что у него был очень приятный и добродушный характер.

– Скажем прямо: не ценили мы старика, – сказал самокритически Серёжа и сокрушённо вздохнул.

Вслед за ним тяжело вздохнули и оба его приятеля.

– Да! – прошептал задумчиво Волька. – Раз у этого самого Хапугина кольцо Сулеймана, то Хоттабычу, выходит, труба. Помните, ребята, такой же случай приключился в своё время с Алладином и его волшебной лампой?

– Как не помнить, конечно, помним, – нехотя согласились Серёжа и Женя.

– Дались нам эти морские бинокли! Тьфу! Волька повернул голову, чтобы удобнее было плюнуть, но не плюнул, а быстро вскочил на ноги и бросился вперёд с пронзительным победным кличем:

– Урра! Хоттабыч вернулся! Урра!

Действительно, к ребятам быстрой, чуть суетливой стариковской походкой приближался Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. На плече у него болтались на длинных ремешках три твёрдых кожаных футляра с большими морскими биноклями.

XXV. Рассказ Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба о том, что с ним произошло после выхода из магазина случайных вещей

– Знайте же, о юные мои друзья, что повесть моя удивительна и похождения мои диковинны, и я хочу, чтобы вы посидели подле меня, пока я расскажу вам мою историю и поведаю, почему я здесь.

Случилось так, что когда Хапугин вышел из лавки, он пошёл вперёд столь быстро, что я еле мог угнаться за ним. И я догнал его уже на другой улице и упал перед ним на колени и сказал: «Повели мне следовать за собой, о господин мой».

Но он, не слушая меня и продолжая свой путь, оставил меня одного коленопреклонённым на середине улицы. И я догонял его восемнадцать раз, и восемнадцать раз падал я перед ним ниц, и восемнадцать раз он не слушал меня и оставлял меня посреди улицы, восклицая: «Пошёл вон, старый болван!»

И он бил меня ногами, и я ничего не мог ему сделать, ибо в его руках было волшебное кольцо Сулеймана, и я боялся его прогневать. И я не ведал, как избежать того, чтобы не пойти за ним, и я следовал за ним по пятам, а он думал, что я прошу у него денег, и кричал, что у него нет ни копейки и что он нищий, хотя я знал, что у него много денег, и он знал, что я это знаю.

И он бил меня каждый раз, когда никто этого не видел. И тогда меня охватил сильный испуг, и у меня высохла слюна от сильного страха, и я отчаялся в том, что буду жив. И я заплакал тогда сильным плачем, так что промочил слезами свою одежду, и молвил: «Пожалей меня, несчастного своего раба!» И тогда Хапугин изменился в лице, побледнел и сказал, что он уже второй месяц член профсоюза и уже два года как он не пользуется наёмным трудом, и что плакали какие-то его денежки (как будто деньги могут плакать!), и что у него было четыре чудных магазина, и что их, увы, никогда не будет.

А пока он говорил, мы дошли до дверей его дома, и я хотел войти туда вслед за ним, но Хапугин толкнул меня рукой в грудь и прокричал мне ужасающим голосом: «Не смей лезть ко мне в квартиру!»

И я спросил у него, неужели мне стоять у его дверей до самого вечера. И он ответил: «Хоть до будущего выходного».

И я остался тогда стоять около его дверей, ибо слова человека, который владеет кольцом Сулеймана, для меня закон. И я стоял так некоторое время, пока не услышал над моей головою сильный шум и не растворилось над моей головою окошко. Тогда я посмотрел вверх и увидел, что в окошке показалась толстая женщина, а за её спиной я увидел огорчённое лицо Хапугина, и женщина сказала ему, издеваясь: «Эх ты, Феоктист Кузьмич! Не умеешь отличить дрянное серебряное колечко от платинового!»

И она выбросила колечко на мостовую и захлопнула окно, а я увидел это и упал без чувств, потому что если презрительно бросают наземь кольцо Сулеймана, то могут произойти ужасающие несчастья. Но потом я открыл глаза и увидел, что я жив и что не произошло кругом никакого несчастья, и тогда я обрадовался великой радостью, ибо я заключил из этого, что могу считать себя счастливым.

И я вскочил тогда на ноги, благословляя свою судьбу. Я схватил кольцо и помчался к вам, мои друзья, купив попутно желательные вам подарки. И вот всё, что я могу вам рассказать.

– Вот это здорово! – восхищённо воскликнул Женька, когда старик закончил свой рассказ. – А можно мне подержать это колечко?

– С любовью и удовольствием, – любезно ответил Хоттабыч. – Надень его на свой указательный палец и затем поверни его, громко произнеся при этом своё желание. Оно немедленно исполнится.

– Вот это знаменито! – снова восхитился Женька, надел кольцо, повернул его и громко произнёс: – Хочу, чтобы у меня тут же немедленно оказался велосипед!

Все застыли в ожидании. Однако велосипед не появлялся.

Женька повторил ещё громче:

– Хочу, чтобы у меня немедленно появился велосипед! Чтобы сию же минуту!..

На этот раз опять безрезультатно прождали целую минуту.

– Что-то, вероятно, заело в этом кольце, – озабоченно сказал Волька и, забрав его у Жени, стал тщательно разглядывать.

– Тут что-то внутри написано, – сказал он и медленно, по складам прочитал: – «Носи, Катя, на здоровье. Вася Кукушкин. 2/V. 1916 г.».

Старик напрасно поднял шум в магазине. Это кольцо не имело ничего общего с волшебным кольцом Сулеймана.

XXVI. Хапугин на горизонте

– Всякий может ошибиться, – великодушно сказал Волька, сочувственно посмотрев на сконфуженного старика. – В конце концов, может быть, даже лучше, что кольцо оказалось обыкновенным. А за подарки большое спасибо.

Деликатно не обращая внимания на Хоттабыча, ребята извлекли из футляров свои бинокли и насладились их неоспоримыми достоинствами. Далёкие дома сразу оказались совсем рядом, крохотные точки превратились в шагающих людей, а мчавшаяся вдалеке машина, казалось, вот-вот сшибёт с ног. О большем приближении нельзя было и мечтать.

Вскоре еле слышный крик привлёк внимание наших друзей.

– Хоттабыч, – пролепетал растерянно Волька, – на, посмотри, кто к нам бежит.

С этими словами он передал бинокль старику, и Хоттабыч увидел, как, неуклюже перебирая ногами и ежесекундно вытирая вспотевшее лицо большим носовым платком, к ним бежал Феоктист Кузьмич Хапугин.

– Стой! – вопил он, бестолково размахивая руками. – Стой! Ни с места! Или я за себя не отвечаю!

Пока Хапугин бежит, мы можем вкратце объяснить, почему он снова появился в нашей повести.

А дело в том, что гражданка Хапугина, закрывая окошко, обратила внимание на необычного старичка, который подобрал выброшенное ею на улицу кольцо и бросился со всех ног улепётывать.

– Вот чудной старичок! – сказала она мужу. – Не по годам резвый. Цапнул колечко и удрал.

– О, это очень вредный старикашка, – отвечал ей Хапугин. – Пристал, понимаешь, ко мне ещё в магазине, тащился за мной до самого дома и, представь себе, всё время падал передо мной на коленки. «Я, – кричит, – твой раб, а кольцо, – кричит, – Сулеймана!» Я ему: «Врёшь, это моё кольцо». А он мне: «Сулеймана, Сулеймана, да к тому же волшебное». А я ему: «Нет, платиновое». А он всё своё: «Волшебное, волшебное», и лезет будто бы целовать мне полу

пиджака, а сам, чувствую, на бумажник целится. Ух, и бил же я его! – улыбнулся самодовольно Феоктист Кузьмич. – Даже сейчас приятно вспомнить. Сумасшедший, совсем сумасшедший старик, – убеждённо добавил он и замолк. Гражданка Хапугина с минуту удивлённо смотрела на своего мужа, потом машинально перевела глаза в сторону, и её взгляд упал на книжный шкаф, в котором чинно стояли аккуратные томики «Тысячи и одной ночи». Какая-то внезапная мысль так поразила её при этом, что она тяжело опустилась на стул и горьким шёпотом промолвила:

– Боже мой, как мне не везёт в жизни с этим человеком! Немедленно беги за этим стариком и ото-бери у него кольцо, пока ещё не поздно!

– Да на что оно тебе, дрянное серебряное колечко?

– Он ещё спрашивает, на что оно мне! На что мне волшебное кольцо Сулеймана? Да понимаешь ли ты, старый растяпа, что по этому кольцу можно, не выходя из дома, бесплатно и без всякой очереди получать чего угодно и сколько угодно?

– Что ты, милая! Где это ты видела волшебные кольца?

– А где ты видел, чтобы в наше время человек хлопался перед другим на колени, да ещё лез при этом целовать ему руку?

– Не руку, а пиджак.

– Тем более. Беги, Феоктист, забирай у старика колечко.

И когда Феоктист Кузьмич уже был на улице, жена ему из окна угрожающе крикнула вдогонку:

– Смотри же, Феоктист, без кольца не возвращайся!

Вот Хапугин и прибежал, ни жив ни мёртв, по горячим следам Хоттабыча, схватил его за лацканы пиджака и прохрипел:

– Отдавай кольцо! Живо!

– С любовью и удовольствием, – кротко ответил, нисколько не обижаясь, Хоттабыч и вручил кольцо Хапугину, тяжело дышавшему, как опоенная лошадь.

Сразу лицо Феоктиста Кузьмича стало холодным и надменным.

– Эй ты, старик, – процедил он сквозь зубы, – пойди-ка сюда поближе. Да поживей там поворачивайся!

Наглый тон его возмутил наших юных друзей. Они подались вперёд и уже было раскрыли рты, чтобы дать ему достойный отпор, но Хоттабыч предостерегающе замахал на них руками и покорно

приблизился к Хапугину, опасливо рыскавшему по сторонам своими трусливыми, шакальими глазками.

– А ну, старик, – приказал он Хоттабычу, – растолкуй мне, как пользуются волшебными кольцами.

– Это проще простого, о высокочтимый господин мой, – отвечал ему Хоттабыч и низко поклонился. – Ты берёшь волшебное кольцо, надеваешь его на палец, поворачиваешь и произносишь при этом своё пожелание.

– И оно тут же исполняется?

– Тут же.

– И какое угодно?

– Бесспорно.

– Ах так? – вскричал тогда победоносно Феоктист Кузьмич и повернул кольцо на своём пальце: – Хочу, чтобы немедленно сто тысяч наличными!

– Держи карман пошире! – фыркнул Волька и подмигнул Женьке и Серёже. – Дорвался до «волшебного» колечка! «Носи, Катя, на здоровье»!

– Хочу, чтобы немедленно сто тысяч наличными! – повторил упавшим голосом Хапугин.

Он был огорчён. Деньги не появлялись. Ребята смотрели на него победоносно и презрительно.

– Я не вижу денег! Где мои деньги? – заревел он, покраснев от злости, и тут же упал без чувств, оглушённый неизвестно откуда свалившимся тюком.

Пока он приходил в себя, поражённые ребята вскрыли тюк. Сто аккуратно перевязанных цветных пачек распирали его полотняные бока. В каждой пачке было по сто червонцев.

– Какое-то странное кольцо, – обронил Серёжа с досадой, – одному велосипеда не хочет давать, а другому ни за что ни про что сто тысяч дарит. Вот тебе и «Носи, Катя, на здоровье»!

– Действительно, ничего не понятно, – согласились Волька и Женя.

Феоктист Кузьмич между тем раскрыл глаза, увидел деньги, вскочил на ноги, тут же пересчитал пачки, и лицо его расплылось в довольной улыбке. Но улыбка недолго держалась на его багровой физиономии. Только он успел дрожащими от волнения руками

завязать драгоценный мешок, как глаза его загорелись алчным огнём. Он снова повернул на пальце кольцо и запальчиво крикнул:

– Немедленно чтобы было мне сто миллионов! Живо!

Он едва успел отпрыгнуть в сторону, как на траву с глухим шумом грохнулся огромный мешок весом в добрые десять тонн. От удара мешок треснул по всем швам. На траве вырос большой холм из ста тысяч пачек червонцев. В каждой пачке было по сто штук. Побледневший от волнения и торжествующий Хапугин залез на вершину бесценного холма и выпрямился, как монумент. Волосы у Феоктиста Кузьмича растрепались, глаза горели сумасшедшим блеском, руки дрожали от жадности, сердце бешено стучало в груди.

– А теперь я желаю побольше золотых часов, бриллиантов, золотых портсигаров, брошек, отрезов на костюмы, на пальто, сто пар ботинок, сто пар полуботинок, сто кроватей, тысячу буфетов, пятьсот комодов красного дерева! – орал он уже без перерыва, еле успевая уклоняться от падавших на него богатств.

Он стоял среди них оцарапанный и обессиленный, испепеляемый жадностью и стяжательством, вызывая отвращение у стоявших в почтительном отдалении ребят и Хоттабыча.

– На первое время, пожалуй, хватит, – сказал наконец Хапугин хриплым голосом, озабоченно подсчитывая свои неисчислимые богатства. Но не прошло и минуты, как он снова заорал: – Желаю, чтобы немедленно у меня появилось десять больших дач под Москвой!

– Да позволено будет мне осведомиться у тебя, о, Хапугин, зачем тебе десять дач? – тихо спросил, еле сдерживая раздражение, старик Хоттабыч.

– То есть как это зачем? Я буду сдавать комнаты дачникам на лето.

– А не хватит ли и без того у тебя богатств?

– Молчать! – заорал Хапугин и в бешенстве затопал ногами. – Как ты смеешь спорить со мною, с обладателем волшебного кольца? Молчи, презренный раб, или я тебя искалечу!

– Катись ты отсюда, паршивый хапуга! – не выдержал Волька и бросился на Хапугина с кулаками.

– Да будет так, – сурово подтвердил Хоттабыч Волькины слова.

В то же мгновение как сквозь землю провалились горы червонцев, тюки мануфактуры, золота и обуви, огромные ящики с мебелью – словом, всё то, что ещё только что принадлежало Феоктисту Кузьмичу. А сам он вдруг повалился наземь и быстро-быстро покатился в том направлении, откуда так недавно прибежал. Меньше чем через минуту он пропал в отдалении, оставив за собой густое облако пыли.

Когда ребята немного пришли в себя от всего происшедшего, Волька сказал:

– Ничего не понимаю… Какое же это, в конце концов, кольцо – волшебное или простое?

– Конечно, простое, о кристалл души моей, – сурово ответил Хоттабыч.

– Почему же оно, в таком случае, исполняло желания Хапугина?

– Это не оно исполняло, о прекраснейший из учащихся неполной средней школы, это я исполнял.

– Ты? А зачем?

– Из вежливости, о пытливейший из отроков. Мне было неудобно перед этим человеком. Я беспокоил его в магазине, я приставал к нему, когда он шёл к себе домой, я морочил ему голову, и мне было неловко не выполнить несколько его пожеланий. Но жадность его, особенно по сравнению с твоим похвальным бескорыстием, не могла не отвратить от него моё сердце.

Они пошли по аллее, со смехом вспоминая вытянувшуюся физиономию Хапугина, когда тот, сразу лишившись всех своих несметных богатств, вдруг покатился к себе домой.

По дороге Хоттабыч наступил на какой-то маленький круглый предмет. Это было кольцо «Носи, Катя, на здоровье». Хапугин потерял его, когда, катясь, пытался ухватиться руками за траву.

Старик поднял кольцо, вытер его и молча надел на безымянный палец правой руки.

XXVII. В вестибюле метро

В этот весёлый и солнечный летний день, когда наши друзья отправились на футбольный матч, приключения начались ещё в вестибюле метро.

– Не понимаю, к чему стоять в очереди у кассы, когда можно свободно воспользоваться автоматом, – сказал своим друзьям Волька и побежал разменять трёхрублёвку на пятиалтынные.

На четырёх человек полагалось восемь пятнадцатикопеечных монет, по две за билет.

В парфюмерном киоске Вольке просто отказали; гражданка, торговавшая мороженым, объяснила ему, что мелочь нужна ей самой для сдачи; продавец в кондитерском киоске страшно заинтересовался, зачем мальчику нужны обязательно пятиалтынные, и, узнав, в чём дело, посоветовал ему купить билеты в кассе, у которой сейчас как раз нет ни одного человека.

Но Волька из принципа всё-таки стал в очередь у нарзанного киоска и минут через десять, выпив стакан тепловатой воды со сладким сиропом, получил наконец всю сдачу пятнадцатикопеечными монетами.

– Ну вот, видите, как всё просто, и совсем не нужно стоять в очереди у билетной кассы, – бодро кинул он своим друзьям и выдал каждому из них на руки по два пятиалтынных. Уже Волька, Женя и Серёжа давно держали в руках вкусно пахнущие типографской краской продолговатые кусочки картона, а Хоттабыч всё ещё возился у своего автомата. Он без устали опускал в щель свои пятиалтынники, и они тотчас же со звоном вываливались оттуда, откуда должен был выпасть, но никак не выпадал билет. Старик даже вспотел от усердия; он сдвинул свою шляпу на затылок и трудолюбиво продолжал свои попытки, но каждый раз всё с тем же печальным результатом. Наконец он не выдержал, сдался и сокрушённо промолвил:

– Увы, о достойнейшие мои друзья, вам придётся поехать без меня, ибо я бессилен против этого красивого железного ящика. Он заколдован и непрестанно выплёвывает обратно деньги вашего

смиренного слуги. Уверяю вас, всё это происки моего заклятого врага Джирджиса.

– Ох и дался же тебе этот Джирджис! – улыбнулся в ответ Волька, с интересом наблюдавший за тщетными усилиями Хоттабыча. – Дай-ка мне твои монетки, сейчас я их опущу в автомат, и всё будет в порядке.

С этими словами он опустил два пятиалтынных в щель ближайшего автомата, и билет тотчас же появился.

– Ты велик и могуч, о Волька! – сказал ему тогда старик с благоговением. – Я преклоняюсь перед твоими поистине неизъяснимыми способностями.

– И совсем не могуч, – великодушно ответил Волька, – просто надо пользоваться исправными автоматами.

– Всё равно ты велик, – убеждённо повторил Хоттабыч. – Ты велик, ибо сразу, никого не расспрашивая, разгадал, какой из этих ящиков исправен, а какой не работает.

Ребята готовы были рассмеяться, услышав эти наивные слова, но вовремя вспомнили, что старик неграмотен и поэтому не мог прочитать надпись, гласившую, что аппарат не работает.

– Учиться тебе надо, Хоттабыч, вот что, – серьёзно сказал старику Волька.

XXVIII. Второе приключение в метро

Против всяких ожиданий, Хоттабыч очень спокойно отнёсся к спуску на эскалаторе. Он с любопытством ступил на движущуюся бесконечную ленту, которая тут же превратилась в лестницу с красивыми металлическими рёбрами, и уже внизу, на перроне, скромно сказал своим молодым спутникам:

– Движущаяся лестница – это ведь очень просто. Если тебе, о Волька ибн Алёша, это доставит удовольствие, я сегодня же превращу в движущуюся любую лестницу твоего дома, да будут благословенны его фундамент, крыша и в особенности надстройка, в которой ты столь счастливо проживаешь.

– Потом поговорим, – уклонился Волька от прямого ответа. Он сомневался, получится ли что-нибудь путное из предложения Хоттабыча. – Я подумаю.

Но подумать не пришлось, потому что как раз в это время из чёрной глубины тоннеля донёсся глухой грохот приближающегося поезда, в темноте засверкали прожекторы головного вагона, предостерегающе загудела сирена, и к перрону с лязгом подкатил нарядный, ярко освещенный голубой поезд.

– Айда, ребята, во второй вагон! – скомандовал Волька и тут же обнаружил, что Хотттабыч исчез.

Тогда они ринулись сквозь толпу с тревожными криками: «Хоттабыч, Хоттабыч! Куда ты девался, Хоттабыч?»

– Я здесь, о друзья мои! Я здесь, ваш несчастный слуга! – донёсся откуда-то издали печальный голос пропавшего старика.

Через минуту они увидели Хоттабыча. Он пытался выбежать на улицу по тому самому эскалатору, который только что доставил их на перрон. Все старания Хоттабыча ни к чему не приводили, потому что пока он делал ослабевшими от страха ногами несколько шагов вверх, лестница на такое же расстояние спускалась вниз. И получалось, что старик перебирал ногами, оставаясь на одном месте, как белка в колесе.

– Слезай с эскалатора! – крикнул ему снизу Волька.

Но старик, очевидно, никак не мог догадаться, как это сделать.

Пришлось Вольке взбежать по эскалатору, подымавшемуся вверх, чтобы спуститься затем к топтавшемуся на месте Хоттабычу.

Волькин билет стал недействительным, но покупать новый билет было некогда, так как старик мог за это время окончательно выбиться из сил.

– Я только что снизу, – сказал Волька, запыхавшись, контролёрше. – Видите, во-он там у меня старик застрял!

– Наверно, провинциал? – сочувственно спросила контролёрша и пропустила Вольку со старым билетом.

Через несколько секунд Волька добрался до Хоттабыча, повернул его лицом к перрону и благополучно спустился с ним вниз.

– Чего ты удрал, чудак-человек? – раздражённо спросил он у старика.

– Я увидел, повелитель мой, как из подземелья выползало гремучее чудовище с огненными глазами, и я не мог не бежать. Я не труслив, но укажи мне хоть одного джинна, который бы не испугался, увидев эти страшные глаза.

– Ну что это такое, в самом деле! – огорчённо сказал Волька. – Ну ты же сам клялся мне, что не будешь бояться метро.

– Нет, не клялся, о прекраснейший из прекрасных. Я обещал тебе не бояться и действительно не боюсь уже автобусов, троллейбусов, грузовиков, трамваев, самолётов, автомашин, прожекторов, эскалаторов, пишущих машинок, телефонов, патефонов, радиорупоров, пылесосов, электрических выключателей, примусов, дирижаблей, вентиляторов и резиновых игрушек «уйди-уйди». А про метро даже разговора не было.

Старик был прав. Про метро Волька тогда забыл.

– Никакое это не чудовище, это обыкновенный поезд метро, и давай, пожалуйста, не задерживай нас больше твоими глупыми страхами!

Они побежали по перрону к только что прибывшему поезду и, работая локтями, стали пробираться внутрь вагона. Народу было много, поезд шёл переполненный, и, когда издали донёсся голос начальника поезда: «Готов!», автоматические двери вагонов бесшумно закрылись, и поезд ушёл, оставив на опустевшей платформе старика Хоттабыча.

Он опоздал буквально на одну секунду, так как хотел посмотреть, кто это кричит: «Готов!»

Пришлось ребятам возвращаться за ним.

XXIX. Лишние билетики

В дни футбольных матчей всё население Москвы разбивается на два не понимающих друг друга лагеря. В одном из лагерей – энтузиасты футбола. В другом – загадочные люди, абсолютно равнодушные к этому увлекательному виду спорта.

Первые ещё задолго до начала матча устремляются со всех концов города к высоким воротам стадиона «Динамо». На тех, кто направляется в это время в обратную сторону, в центр, они смотрят с чувством превосходства.

Остальные москвичи, в свою очередь, недоумённо пожимают плечами, видя, как сотни переполненных трамваев, автобусов, троллейбусов и тысячи легковых машин медленно плывут в бурном и шумном море пеших болельщиков.

Но и лагерь болельщиков, столь единый для посторонних наблюдателей, раздирается на самом деле в эти дни глубочайшими и почти неразрешимыми противоречиями. Это не видно, пока болельщики находятся ещё в пути, но у заветных ворот стадиона эти противоречия выступают сразу во всей своей остроте и непримиримости. Тогда вдруг оказывается, что у одних граждан есть билеты, а у других билетов нет. Те, у кого есть билеты, солидно и спокойно проходят на стадион. А остальные озабоченно шныряют взад и вперёд и кидаются на приближающихся граждан с жалостливыми возгласами: «Лишнего билетика не найдётся?», «Гражданин, у вас нет лишнего билетика?»

Но лишних билетиков, как правило, оказывается очень мало, а нуждающихся в них так много, что Волька и его друзья так и остались бы ни при чём, если бы Хоттабыч не пустил в ход своё искусство.

– С радостью и удовольствием, – промолвил он в ответ на Волькину просьбу. – Сейчас у вас будет сколько угодно билетов.

И точно, не успел он договорить, как у него в руках оказалась целая пачка зелёных, голубых, розовых и жёлтых билетов.

– Достаточно ли тебе будет, о прелестный Волька, этих разноцветных листочков бумаги? Если не хватит, то я…

Он помахал при этих словах билетами, и это чуть не стоило ему жизни.

– Ой, лишние билетики! – обрадованно крикнул один из болельщиков и изо всех сил рванулся к Хоттабычу.

Через несколько секунд добрая сотня возбуждённых людей прижала Хоттабыча к бетонному забору стадиона, так что старик тут бы и кончился, если бы Волька, отбежав чуточку в сторону, не крикнул изо всех сил:

– Граждане, кому лишние билетики? Налетайте, граждане!

При этих магических словах все, кто только что наседал на яростно сопротивлявшегося Хоттабыча, бросились к Вольке, но тот нырнул в толпу и как сквозь землю провалился.

А ещё через минуту Волька, Серёжа, Женя и старик Хоттабыч предъявили контролёру, стоявшему у северных ворот, четыре билета и прошли на стадион, оставив позади себя тысячи людей, которым так и не суждено было в этот день попасть на матч.

XXX. Сколько надо мячей?

Между тем стадион бурлил той особой, праздничной жизнью, которая кипит на нём всегда во время решающих футбольных состязаний. Играл оркестр; восемьдесят с лишним тысяч человек, сидя на своих местах, с жаром обсуждали возможный исход матча, и от этого обсуждения в воздухе всё время стоял ровный, ни с чем не сравнимый гул человеческих голосов. Все с нетерпением ждали начала матча.

И вот наконец на изумрудно-зелёном поле появился судья со своими помощниками. В руках у судьи был мяч, которому суждено было в этот день вынести немало ударов, проделать по земле и в воздухе не один километр, с тем чтобы, попав несколько лишних раз в чьи-то ворота, решить, какой из команд достанется в этот день победа. Судья положил мяч в самом центре поля, обе команды выбежали из люка и построились друг против друга. Капитаны пожали друг другу руки, бросили жребий, какой команде играть против солнца. Этот печальный удел выпал на долю команды спортивного общества «Зубило», к великому удовольствию команды общества «Шайба» и части болельщиков.

– Не сочтёшь ли ты, о Волька, возможным объяснить твоему недостойному слуге, что будут делать с мячом эти двадцать два столь симпатичных мне молодых человека? – почтительно осведомился Хоттабыч, но Волька в ответ только нетерпеливо отмахнулся: сейчас всё сам поймёшь.

Как раз в этот момент форвард «Зубила» звонко ударил носком бутсы по мячу, и матч начался.

– Неужели этим двадцати двум приятным молодым людям придётся бегать по этому обширному полю, терять силы, падать и толкать друг друга только для того, чтобы иметь возможность несколько мгновений погонять этот невзрачный кожаный мячик? – недовольно спросил Хоттабыч через несколько минут.

Но Волька, увлечённый игрой, и на этот раз ничего старику не ответил. Было не до Хоттабыча: нападение «Шайбы» завладело мячом и было уже у самых ворот «Зубила».

– Знаешь что, Серёжка, – шепнул своему приятелю Женя Богорад, – мне кажется, наше счастье, что Хоттабыч ничего не понимает в футболе. А то бы он тут таких дров наколол, что ой-ой-ой!

– И мне так кажется, – кивнул утвердительно Серёжа и тут же, ахнув, вскочил со своего места.

Одновременно с ним вскочили на ноги и, взволнованные, загудели все восемьдесят тысяч зрителей. Пронзительно прозвучала сирена судьи, но игроки и без того замерли на месте.

Откуда-то сверху, с неба, звеня, упали и покатились по полю двадцать два ярко раскрашенных во все цвета радуги мяча, изготовленных из превосходного сафьяна.

– Это безобразие! Неслыханное хулиганство! Вывести со стадиона того, кто позволяет себе такие возмутительные шутки! – возбуждённо кричали на трибунах.

Конечно, следовало немедленно вывести со стадиона и даже предать суду виновника этого переполоха, но никто не в силах был его обнаружить. Только четыре человека из восьмидесяти с лишним тысяч зрителей знали, кто этот виновник.

– Что ты наделал?! – зашептал Волька Хоттабычу на ухо. – Ты остановил всю игру и лишил шайбовцев первого гола.

Насчёт неудачи шайбовцев Волька, впрочем, сказал без особого огорчения, так как он «болел» за «Зубило».

– Я хотел, чтобы было лучше, – также шёпотом оправдывался смущённый Хоттабыч.

– Ну что мне прикажешь с тобой делать? – развёл Волька руками, усадил старика на место и наспех объяснил ему основные принципы футбола. – Вот жалко только, что «Зубилу» приходится играть против солнца, а во втором тайме, когда команды поменяются местами, солнце уже успеет закатиться. Получается, что шайбовцы ни за что ни про что находятся в лучших условиях, – выразительно сказал напоследок Волька. Он не без основания надеялся, что Хоттабыч учтёт его слова.

– Действительно несправедливо, – согласился старик, и в то же мгновение солнце скрылось за лёгким облачком и так уже и не появлялось до самого конца матча.

Между тем с поля убрали все лишние мячи, судья зачёл время, ушедшее на ликвидацию инцидента, и игра продолжалась.

После Волькиных объяснений Хоттабыч стал следить за состязанием со всё большим и большим интересом. Шайбовцы, лишившиеся в результате истории с двадцатью двумя мячами верного гола, нервничали, «мазали», и старик чувствовал себя виноватым перед ними и терзался угрызениями совести.

XXXI. Хоттабыч вступает в игру

Так роковым образом разошлись пути и симпатии Вольки Костылькова и Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба. Когда первый сиял от удовольствия (а это бывало каждый раз, когда кто-нибудь из команды «Шайба» бил мимо ворот противника), старик сидел мрачнее тучи. Зато, когда нападение «Зубила» било мимо ворот «Шайбы», картина резко менялась: Хоттабыч заливался счастливым смехом, а Волька страшно злился:

– Не понимаю, Хоттабыч, что ты находишь в этом смешного? Чуть-чуть не было гола.

– Чуть-чуть не считается, о драгоценнейший, – иронически отвечал ему Хоттабыч где-то подслушанной фразой.

Старик, впервые столкнувшийся с футболом, не знал ещё, что бывают болельщики. Волькино огорчение по поводу солнца, бившего **в** глаза команде «Зубило», он воспринял как простую заботу мальчика о справедливости. О том, что он сам стал болельщиком, он, конечно, и не подозревал, как не подозревал об этом и Волька. Это прискорбное обстоятельство и послужило причиной необыкновенных событий, приключившихся в этот день на стадионе.

Началось с того, что в один особенно напряжённый момент, когда нападение «Зубила» приближалось к воротам «Шайбы», Волька, таинственно нагнувшись к Хоттабычу, доверчиво ему прошептал:

– Хоттабыч, миленький, пододвинь, пожалуйста, чуточку ворота «Шайбы», когда зубиловцы будут по ним бить.

Старик насупился и впервые с момента их знакомства вместо беспрекословного согласия спросил:

– А какая, осмелюсь я осведомиться, польза будет от этого «Шайбе»?

– «Шайбе» и не надо. От этого «Зубилу» польза будет! – с жаром ответил Волька.

Старик промолчал. Зубиловцы снова промазали. А через две-три минуты дюжий молодец из нападения «Шайбы» под одобрительный рёв толпы забил классический мяч в ворота «Зубила».

– Егорушка, ты только не вздумай, пожалуйста, надо мной смеяться, – сказал вполголоса вратарь «Зубила» одному из запасных игроков, когда игра на короткое время перешла на поле «Шайбы», – но я готов поклясться, что штанга моих ворот подыгрывает шайбовцам…

– Что-о-о-о?!

– Понимаешь, когда они били по воротам, я ясно видел, как правая штанга отодвинулась сантиметров на пятьдесят в сторону и пропустила мяч…

– Температуру мерил? – иронически спросил запасной игрок.

– Чью – штанги?

– Нет, свою. У тебя, наверно, сильный грипп.

– Тьфу! – плюнул обиженно вратарь и заметался в воротах.

Шайбовцы, ловко обводя защиту, приближались к воротам «Зубила» стремительно, как лавина.

Бац! Второй гол за три минуты. Причём оба раза по совершенно не зависящим от вратаря «Зубила» причинам. Вратарь дрался как лев. Но что он мог поделать, когда в самый момент удара по воротам верхняя их планка сама по себе приподнялась ровно настолько, чтобы мяч свободно мог пролететь, чуть задев кончики пальцев поднятых вверх рук вратаря?!.

Кому сказать об этом? Кто поверит? Вратарю стало грустно и страшно, как маленькому мальчику, попавшему ночью в дремучий лес.

– Видел? – спросил он безнадёжным голосом у Егорушки.

– К-к-к-кажется, видел, – заикаясь, ответил запасной игрок. – Только никому не скажешь. Всё равно никто не поверит.

– То-то и оно, что никто не поверит, – грустно согласился вратарь «Зубила».

А в это время в восьмом ряду северной трибуны разгорался тихий скандал.

– Ты всё перепутал, – сказал Волька Хоттабычу, когда «Зубилу» забили первый гол. – Я тебя просил помочь зубиловцам, а ты почему-то подыграл шайбовцам. Нужно быть внимательней. Слышишь?

– Слышу, – сухо ответил старик и тут же в ажиотаже так сильно стукнул Вольку по коленке, что тот прямо взвыл от боли. Это Хоттабыч обрадовался, что шайбовцы забили второй мяч.

– Ну, вот видишь, – сказал позеленевший от огорчения Волька, – опять шайбовцы ликуют и всё из-за твоей рассеянности.

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб никогда не страдал рассеянностью, – загадочно промолвил Хоттабыч, кинув на Вольку недружелюбный взгляд. Но тот снова ничего не понял.

Приближался конец первого тайма, и счастье как будто обратилось наконец лицом к «Зубилу». Игра перешла на поле «Шайбы», зубиловцы, что называется, землю рыли, и вскоре лучший их форвард с невероятной силой подал мяч в верхний угол ворот «Шайбы».

Все восемьдесят с лишним тысяч зрителей в неописуемом волнении привскочили со своих мест, затаив дыхание. Этот верный гол должен был размочить «сухой» счёт «Зубила». Волька, Серёжа и Женя, дружно болевшие за «Зубило», радостно подмигнули друг другу, но тут же разочарованно вздохнули и грустно уселись на свои места: был верный мяч, а ударился в верхнюю штангу, да ещё с такой силой, что звон пошёл по всему стадиону.

Звон мяча, кстати говоря, слился с громким воплем, который издал вратарь «Шайбы»: стремительно опустившаяся на одно мгновение штанга спасла вратаря от гола, но зато пребольно ударила его по голове.

Теперь Волька наконец догадался, что Хоттабыч не ошибается, а действует совершенно сознательно. Тогда он ужаснулся.

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, – сказал он дрожащим голосом, – что же это такое? Ты же знаешь, что мы все – и я, и Серёжа, и Женька – болеем за «Зубило», а ты, выходит, совсем наоборот – болеешь за «Шайбу»?

– Увы, о благословенный, это так, – удручённо ответил старик.

– Разве я не спас тебя из заточения в глиняной бутылке? – горько продолжал Волька.

– Это верно, как то, что сейчас день, и как то, что тебя ждёт великое будущее, – еле слышно отвечал Хоттабыч.

– Так почему же ты подыгрываешь «Шайбе», а не «Зубилу»?

– Увы, я не волен над своими поступками, – сокрушённо отвечал Хоттабыч, и крупные слёзы потекли по его загорелому лицу. – Мне очень хочется, чтобы выиграла команда «Шайбы».

XXXII. Обстановка накаляется

– Смотри, – угрожающе заявил тогда Волька, – будет скандал!

– Пусть будет, что будет. – ответил Хоттабыч, и в тот же миг вратарь «Зубила» поскользнулся на совершенно сухом месте и пропустил в ворота третий мяч.

– Ах, так?! – заскрежетал тогда зубами Волька. – Значит, по-хорошему ты не хочешь? Ладно!

Он вскочил на скамью и, указывая пальцем на Хоттабыча, закричал:

– Граждане! Он всё время подыгрывает «Шайбе»! Обратите, граждане, внимание на этот возмутительный факт!

– Кто подыгрывает? Судья подыгрывает? Что вы говорите? Оказывается, судья подыгрывает! – взволновались кругом.

– Да нет же, не судья! – кипятился Волька. – При чём здесь судья?! Это вот этот старичок подыгрывает. Отстаньте от меня, пожалуйста!

Последняя фраза относилась к Серёже и Женьке, которые испуганно дёргали своего приятеля за рукав. Они понимали, что ничего путного из ссоры между ним и стариком не получится. Но Волька не унимался, хотя теперь уже никто не относился серьёзно к Волькиным словам.

– Так ты говоришь, – покатывались все кругом со смеху, – так ты говоришь, что старичок отсюда, из восьмого ряда северной трибуны, почём зря передвигает ворота? Хи-хи-хи! Он, наверно, в кармане такой штепсель особенный имеет, чтобы управлять воротами на расстоянии? Может быть, это он и мячики давеча на поле понакидал?

– Ну да, он! – ожесточённо подтвердил Волька, вызвав новые взрывы смеха.

– А землетрясения, например, тоже его рук дело? Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

– Нет, это не он, – честно разъяснил Волька. – Землетрясение – это от катастрофических сдвигов почвы.

– Ну, вот что, паренёк, – посоветовал Вольке один пожилой болельщик, когда смех немного утих, – ты лучше не лезь в бутылку, не

срамись перед людьми, не говори глупостей и не мешай следить за игрой. Там, брат, сейчас такое делается, что и без тебя тошно.

Гражданин тоже болел за «Зубило». Действительно, до конца тайма оставалось ещё целых одиннадцать минут, а счёт уже был 14:0 в пользу «Шайбы».

С командой «Зубила» происходили всё время какие-то странные вещи. Она как бы разучилась играть: пасовка поражала своей беспомощностью и нелепостью, игроки то и дело падали, как будто они только сегодня научились ходить.

А потом совершенно непонятно повела себя защита. Боевые беки и хавбеки стали при одном виде мяча испуганно шарахаться в сторону, как от бомбы, которая вот-вот должна взорваться.

15:0!

16:0!

18:0!

23:0!

В среднем каждые сорок секунд в ворота «Зубила» падали мячи, как яблоки падают в корзины в саду во время уборки.

Что стало с вратарём? Почему он прижался лицом к боковой штанге и только вскрикивает: «Ой, мама!» – каждый раз, когда бьют по его воротам? Почему он вдруг, ни с того ни с сего, уходит с задумчивым лицом из ворот каждый раз в самый решающий момент?

– Мазила! – кричали ему со всех трибун. – Марала! Как ты играешь?

Но он, прославленный вратарь первого класса, продолжал выходить нетвёрдым шагом из ворот в сторону, лишь только приближались шайбовцы.

– Ты что, очумел, Гришка, что ли? – бесновался за сеткой Егорушка, и вратарь отвечал ему со стоном:

– И верно, очумел. Меня всё время как будто кто за шиворот волочит. Я упираюсь, а он меня толкает из ворот. Я к мячу, а он меня к штанге прижимает так, что не оторваться.

– Ой и худо же тебе, Гриша!

– И не говори!.. Срам-то какой, скандал на всю Европу!

Но вот наконец зубиловцы прорвали фронт нападения и полузащиты «Шайбы» и яростно повели мяч к её воротам.

Защита шайбовцев от долгого бездействия разложилась и не смогла быстро мобилизовать свои силы на борьбу с неожиданной опасностью. А вратарь – тот и вовсе сидел себе спокойно на травке и лузгал дынные семечки.

Пока он, давясь непрожёванными семечками, вскакивал на ноги, зубиловцы ударили по незащищённым воротам, в самый центр.

– Хоттабыч, миленький, дорогой, дай зубиловцам хоть размочить игру! – взмолился в этот момент Волька.

Но Хоттабыч прикинулся, будто ничего не слышит, и мяч, летевший в центр ворот, неожиданно свернул к левой штанге и ударился о неё с такой силой, что пролетел через всё поле, старательно облетая всех встречавшихся на его пути зубиловцев, как если бы он был живой, и плавно и мягко вкатился в многострадальные ворота «Зубила».

24:0!

При игре равных примерно по силе команд этот счёт просто поражал. И тогда Волька совершенно вышел из себя.

– Я требую… я, наконец, категорически приказываю тебе немедленно прекратить это издевательство! – прошипел он, глотая слёзы, Хоттабычу. – А то я навсегда прекращаю с тобой знакомство. Выбирай: я или «Шайба»!

– Ты ведь сам болельщик, о прекраснейший из гневающихся. Так неужели ты не можешь меня понять? – запротестовал Хоттабыч с отчаянием, но, почуяв по Волькиному тону, что на сей раз действительно может прийти конец их дружбе, он простонал: – Я смиренно жду твоих дальнейших приказаний.

– Зубиловцы не виноваты, что ты болеешь за «Шайбу», а ты их опозорил перед всей страной. Сделай так, чтобы все видели, что они не виноваты в своём проигрыше.

– Слушаю и повинуюсь, о юный вратарь моей души.

Ещё не замолкла сирена судьи, извещавшая о конце первого тайма, как все одиннадцать игроков команды добровольного физкультурного общества «Зубило» дружно начали чихать, кашлять и сморкаться. Кое-как построившись в затылок и вяло перебирая ногами, они поплелись унылой рысцой, непрерывно чихая, сморкаясь и кашляя, в свою раздевалку.

Через минуту туда вызвали врача: вся команда чувствовала себя нездоровой. Врач пощупал у всех пульс, предложил всем снять майки, потом осмотрел у всех полость рта и, в свою очередь, вызвал в раздевалку судью.

– Вот что, Лука Евгеньевич: придётся матч отложить, а сегодняшний счёт признать недействительным.

– А позвольте узнать, почему?

– А потому, – растерянно произнёс врач, – что команда «Зубила» не может быть по крайней мере семь дней выпущена на футбольное поле – она вся сплошь больна.

– Больна? Чем?

– Очень странный медицинский случай, Лука Евгеньевич. Все эти одиннадцать вполне взрослых товарищей одновременно заболели детской болезнью – корью. Я бы, Лука Евгеньевич, сам не поверил, если бы только что не осмотрел их всех самым тщательным образом.

Редкий факт, когда одиннадцать взрослых спортсменов вторично в своей жизни и одновременно заболели корью, а на другой день проснулись совершенно здоровыми, был подробно описан в статье известного профессора Л. И. Коклюш, напечатанной в научном медицинском журнале «Корь и хворь». Статья называется «Вот тебе и раз!» и пользуется таким успехом, что в библиотеках номер журнала с этой статьёй совершенно невозможно достать: он всё время находится на руках. Так что вы, дорогие читатели, лучше его и не ищите. Всё равно не найдёте. Только зря время потратите.

XXXIII. Примирение

Облачко, прикрывавшее солнце, за минованием надобности тотчас же уплыло за горизонт. Снова стало жарко и совсем светло. Восемьдесят тысяч человек, население приличного дореволюционного губернского города, медленно расходились со стадиона, с трудом просачиваясь сквозь тесные бетонные проходы. Люди не спешили: каждому хотелось высказать свои соображения по поводу небывалых обстоятельств так странно закончившегося матча. Приводились догадки одна другой оригинальней. Но даже самые горячие головы не могли себе представить что-нибудь, хоть отдалённо напоминавшее действительные причины срыва состязаний.

Только четыре человека не принимали участия в дискуссии. Они покинули северную трибуну, храня полное молчание. Молча влезли в переполненный троллейбус, без единого слова вылезли из него у Охотного ряда и разошлись по домам.

– Прекрасная игра футбол, – осмелился наконец нарушить молчание Хоттабыч.

– М-да-а… – промычал в ответ Волька.

– Сколь сладостен, я полагаю, миг, когда ты забиваешь мяч в ворота противника, – продолжал упавшим голосом старик. – Не правда ли, о Волька?

– М-да-а… – снова промычал Волька.

– Ты всё ещё на меня сердишься, о форвард моего сердца? Я умру, если ты мне сейчас же не ответишь.

– Ты ещё спрашиваешь! – грозно ответил ему Волька и так фыркнул, что прохожие обратили на него внимание. – Ну и заварил ты кашу, старик! Всю жизнь буду помнить. Скажите, пожалуйста, какой болельщик объявился! Не-е-ет, больше мы с тобой на футбол не ходим! И билетов твоих не надо.

– Твоё слово для меня закон, – поспешно отвечал Хоттабыч, очень довольный, что так дёшево отделался. – Мне будет вполне достаточно, если ты мне изредка будешь рассказывать о состязаниях своими словами.

И они продолжали свой путь прежними друзьями.

Недалеко от Волькиного дома они услышали шум, крики и чей-то плач.

– Начинается, – озабоченно сказал Волька. – Опять Вакса Кочерыжкин со своей шайкой никому проходу не даёт. Его имя Васька, но его все ваксой зовут – такой он грязный. Давай лучше перейдём на другой тротуар, а то он и к нам придираться будет.

– Нет, почему же, о Волька? Не лучше ли будет, если мы пойдём здесь? – возразил ему Хоттабыч решительным тоном.

XXXIV. Случай в отделении милиции

Минут через десять после описанного выше разговора в комнату дежурного по районному отделению милиции застенчиво вошли, крепко держась за руки, пять ребят в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет.

– Кто здесь будет дежурный по отделению? – спросил старший из ребят таким убитым голосом, что даже камень не выдержал бы и залился слезами сострадания.

– Я дежурный, – ответил мальчику сержант милиции, сидевший в углу за маленьким, дамским письменным столиком. – В чём дело?

– Мы как раз к вам, товарищ дежурный, – сказал мальчик и направился к письменному столу, волоча за собой за руки всех остальных ребят. – Составьте, пожалуйста, на нас протокол.

– Что-о-о? – удивился дежурный. – Протокол? За что мне прикажете составлять на вас протокол?

– За хулиганство, дяденька! – ответили в один голос ребята, продолжая держаться за руки.

– Идите, идите! – замахал на них сержант досадливо. – Идите**и**не мешайте работать. Тоже шуточку себе придумали! Вот возьму и действительно составлю на вас протокол.

– Мы вас, дяденька, как раз об этом и просим. Честное слово, мы хулиганили.

– В первый раз вижу, чтобы озорники проявляли такую высокую сознательность! – рассмеялся дежурный. – Ну, идите себе подобру-поздорову.

– Да мы не по своей воле пришли, товарищ дежурный. Нас один старичок прислал. Нам обязательно нужно, чтобы вы на нас составили протокол, а то мы так и будем всю жизнь держать друг дружку за руки.

– Это вам кто сказал? – иронически спросил дежурный.

– Тот самый старичок и сказал, дяденька дежурный.

– А ну, разнимите-ка руки, ребята! – строго приказал им сержант.

– Мы не можем, дяденька. Мы уже пробовали, но ничего не получается. Нам и этот старичок сказал, что пока на нас не составят

протокол, у нас руки будут вроде как склеенные. И когда мы снова будем хулиганить, у нас снова будут склеиваться руки. Он нам раньше говорил, чтобы мы не баловали, а мы над ним стали смеяться. Вот он и сказал нам, чтобы мы сами пошли заявить о себе в милицию, а то ему с нами идти некогда. Мы и пришли.

– Ну что ж, – сказал, недоверчиво улыбаясь, дежурный и составил протокол по всей форме, как полагается.

Закончив его, он расписался.

– Всё? – спросил он. – Теперь вы уже можете разнять руки?

– Нет ещё, дяденька, наверное, не всё, – ответил старший из ребят, ходивший, очевидно, в атаманах. – Вы, наверное, что-то забыли сделать.

– И верно, гражданин Кочерыжкин, – согласился дежурный, – я забыл поставить точку.

Он поставил за своей подписью жирную точку, и ребята облегчённо вздохнули, получив долгожданную возможность свободно распоряжаться своими руками.

– Скажите родителям, чтобы завтра обязательно зашли сюда, – сказал он им вдогонку. – Кстати, вы не знаете, как зовут вашего старичка?

– Не знаем, дяденька, он не с нашей улицы. С ним там был один мальчик, так тот называл его каким-то чудным именем, что-то вроде Потапыч, но только не Потапыч.

– Эх, хорошо бы в каждом районе да по одному такому Потапычу! Золотой старичок! – промолвил дежурный и мечтательно затянулся папироской.

XXXV. Где искать Омара?

Прошло несколько дней. Никто не мог бы, посмотрев на цветущую физиономию Хоттабыча, подумать, что совсем ещё недавно он был болен.

Неяркий, но ровный стариковский румянец покрывал его смуглые щёки, шаг его был по-прежнему лёгок и быстр, широкая улыбка озаряла его открытое и простодушное лицо. И только хорошо изучивший Хоттабыча Волька мог заметить, что какая-то затаённая мысль всё время тревожит старого джинна. Хоттабыч часто вздыхал, задумчиво ерошил дремучую бороду, и крупная слеза изредка показывалась на его честных и приветливых глазах.

Волька прикидывался, будто ничего не замечает, и не расстраивал старика бестактными вопросами. Он был убеждён, что в конце концов Хоттабыч обязательно поделиться с ним своими грустными думами. Так оно и случилось.

– Печаль и тоска терзают моё старое сердце, о благородный спаситель джиннов, – тихо произнёс как-то Хоттабыч, когда величественный закат окрасил в ровный розовый цвет тихие вечерние воды Москвы-реки. – Мне не дают покоя мысли о моём бедном пропавшем брате, об ужасной и безвыходной его судьбе. И чем больше я думаю о нём, тем больше я склоняюсь к тому, чтобы как можно скорее отправиться на его поиски. Как ты смотришь на это, о мудрый Волька ибн Алёша? И если ты к этому моему решению относишься благосклонно, то не угодно ли будет тебе осчастливить меня и разделить все радости и невзгоды этих поисков?

– А где ты собираешься искать своего брата? – деловито осведомился Волька, привыкший уже спокойно относиться ко всяким, самым неожиданным предложениям Хоттабыча.

– Не знаю, помнишь ли ты, но я уже рассказывал на самой заре нашего столь счастливого знакомства, что Сулеймановы джинны бросили его, заточённого в медный сосуд, в одно из южных морей, и там, у таинственных берегов знойных стран, и надлежит, на мой взгляд, искать брата моего Омара ибн Хоттаба.

Скажем прямо, перспектива путешествия по южным морям сразу пришлась Вольке по душе.

– Ну что же, – сказал Волька, – я согласен. Я с тобой обязательно поеду. Хорошо бы ещё… – Тут Волька замялся.

Но повеселевший Хоттабыч подсказал ему:

– Захватить с собой наших превосходных друзей Серёжу и Женю. Так ли я тебя понял, о добрый мой Волька?

Волька облегчённо вздохнул и утвердительно кивнул головой.

– В этом не могло быть и тени сомнения, – учтиво ответил Хоттабыч, и тут же было решено, что экспедиция по розыскам несчастного брата старика Хоттабыча отправится в путь не позже чем через два дня.

Но если вопрос о сроках отправления на поиски не вызвал особых споров, то совершенно неожиданно обнаружились довольно серьёзные разногласия по вопросу о том, какими средствами передвижения пользоваться во время экспедиции.

– Давай полетим на ковре-самолёте, – предложил Хоттабыч. – Мы все на нём прекрасно поместимся.

– Не-е-ет, – решительно возразил Волька, – на ковре-самолёте я больше не ездок. С меня хватит полёта в Индию. Не хочу я больше мёрзнуть, как собака!

– Я обеспечу вас всех тёплой одеждой, о благословенный Волька. А если тебе угодно, посреди ковра будет гореть большой костёр, и мы сможем вокруг него греться во время полёта.

– Нет, нет и нет, – отрезал Волька, – о ковре-самолёте не может быть и речи! Давай лучше поедем до Одессы поездом, а из Одессы…

И Волька развил перед слушавшим его с уважением стариком свой план путешествия, безропотно принятый Хоттабычем и впоследствии с восторгом одобренный Серёжей и Женей.

XXXVI. «Давайте останемся»

На вокзал наши путешественники прибыли почти без приключений. А если не считать того, что произошло при посадке в автобус, то и вовсе без приключений.

А случилось при посадке в автобус вот что. Уж и Волька, и Серёжа, и Женя с трудом, правда, но влезли в переполненный автобус, уже торжественно улыбавшийся Хоттабыч занёс свою ногу на подножку автобуса, когда из раскрытого окошка высунулся кондуктор и властным голосом произнёс:

– Граждане, местов больше нет, автобус отправляется!

А так как его слова не оказали, очевидно, никакого впечатления на старичка, то кондуктор специально для него добавил:

– Давайте останемся, гражданин.

Старичок посмотрел на кондуктора с изумлением, убрал свою ногу с подножки и растерянно промолвил:

– Если тебе это доставит удовольствие, о господин мой, то я это только сочту за честь, хотя и очень спешу на розыски моего несчастного брата.

Кондуктор, успевший в это время дать сигнал отправления, вдруг совершенно непонятным образом очутился на мостовой рядом с учтиво поклонившимся ему стариком в канотье и с довольно глупым видом проводил глазами быстро скрывшийся за поворотом автобус.

– Я осмеливаюсь выразить своё глубочайшее убеждение, что мы с вами чудесно проведём здесь время, пока, к нашему обоюдному удовольствию, не прибудет следующий автобус, – вежливо обратился Хоттабыч к оцепеневшему кондуктору. В это время кондуктор пришёл в себя и с пронзительными воплями ринулся вслед за своей осиротевшей машиной.

– Ос-тановите! – кричал он, проворно семеня ногами и придерживая рукой бренчавшую серебром и медяками тяжёлую сумку. – Остановите автобус, граждане!

Хоттабыч, поражённый странным поведением кондуктора, с интересом посмотрел ему вслед, а потом, когда тот скрылся за

поворотом, где стоял задержанный Волькой автобус, легко нагнал его и даже успел взобраться в машину раньше кондуктора.

Вскоре автобус тронулся в дальнейший путь, и Хоттабыч, наклонившись к своим друзьям, зашептал им, неодобрительно поглядывая на всё ещё не пришедшего в себя кондуктора:

– Странный, очень странный человек этот кондуктор. Я его не тянул за язык. Он сам, по собственной воле предложил мне: «Давайте останемся».

– Он вовсе и не собирался оставаться с тобой на мостовой, – попытался Волька разъяснить старику, – он сказал тебе «давайте останемся», а думал в том смысле, что останешься только ты, а он уедет.

Но Хоттабыч понял объяснения Вольки очень своеобразно. Он недружелюбно посмотрел в сторону кондуктора и жёстко сказал:

– Теперь для меня окончательно ясно, что это не только странный, но и очень неискренний человек.

XXXVII. Рассказ проводника международного вагона скорого поезда Москва – Одесса о том, что произошло на перегоне Нара – Малый Ярославец

(Рассказан проводником его сменщику, спавшему во время этого путешествия)

– Нет, ты, Кузьма Егорыч, как хочешь, а я трезвый. Я даже рюмочки со вчерашнего дня не выпил. Нет, уж ты, пожалуйста, не возражай, я всё равно обязательно должен дыхнуть. Ну вот, правда, никакого запаха вина нету?

Я ведь это всё к тому, чтобы ты не подумал, что я тебя разбудил с пьяных глаз. Я тебя, Кузьма Егорыч, потому разбудил, что только что произошёл в нашем вагоне удивительный, совершенно непохожий случай.

Вот что, понимаешь, случилось. Постелил я, как полагается, всем постели и, между прочим, постелил в седьмом купе. А там, понимаешь, едет бородатый старичок в чудной соломенной шляпе и при нём трое парнишек – скорее всего, я так думаю, однолетки. И при них, понимаешь, ни капли багажа. То есть ну ни-ни! Будто они не в Одессу едут, а в театр или там, скажем, в кино.

Тут я соображаю, что скорее всего это воры. А где доказательства, что воры? Таких доказательств у меня нету, что они воры. Ладно, думаю, придётся за ними последить.

А тут ещё один из мальчишек, такой белобрысенький, весь в веснушках, спрашивает:

– Товарищ, – говорит, – проводник, как, – говорит, – пройти в вагон-ресторан?

Я, конечно, моментально отвечаю, что нет у нас в поезде вагона-ресторана, но можно, говорю, утречком предложить вам чаю с сухарями. Тут мальчик смотрит на старика, старик ему глазом моргает, мальчик и говорит:

– Ну ладно, мы и без вашего чаю обойдёмся, раз нет вагона-ресторана.

Интересно, думаю, как это вы до самой Одессы обойдётесь без моего чаю и без вагона-ресторана. И ухожу в наше купе, но двери у нас не захлопываю, а только прикрываю, чтобы оставалась щёлочка.

А уже в вагоне все давно спать улеглись, и уже во всех купе граждане и пассажиры храпят и третьи сны видят. И только в седьмом купе всё «шу-шу, шу-шу» – разговаривают. Что именно говорят, мне не слышно, но только мне определённо слышно, что о чём-то разговаривают.

Потом вдруг открывается ихняя дверь, и из неё высовывается тот самый старичок, того не замечает, что я за ним слежу, снимает с головы свою шляпу эту соломенную… и что бы ты, Кузьма Егорыч, подумал, что этот старичок делает? Слово даю, не вру! Рвёт из своей причёски клок волос! Провалиться мне на этом месте, если вру!

Батюшки, думаю, сумасшедший! Вот уж, что называется, повезло. Принесло сумасшедшего аккурат в моё дежурство. Но, между прочим, молчу и жду, что будет дальше.

А дальше, оказывается, старик нахально рвёт этот самый клок волос на многие части и кидает на пол. А я, между прочим, перед тем только что подметал, и он у меня блестел, как стёклышко. А старик кидает этот мусор на пол и что-то про себя бормочет. Тут я всё больше убеждаюсь, что действительно этот пожилой пассажир – ненормальный и не миновать того, чтобы в Киеве его ссаживать. Уж, думаю, скандалу с ним не оберёшься! Может быть, он даже сию минуту начнёт кидаться на людей, стёкла бить или тому подобное. Смотрю: нет, ни на что не кидается, стоит смирно, бормочет. Побормотав малость, уходит в своё купе.

Скажите, пожалуйста, думаю, как интересно! И приоткрываю чуть побольше нашу дверь, чтобы удобнее было смотреть. Смотрю, смотрю – ничего особенного не вижу.

И вдруг слышу, кто-то по коридору босыми ногами шаркает. Только не впереди, а позади меня. Тогда я понимаю, что кто-то с тамбура прошёл в вагон, и опять-таки страшно удивляюсь, потому что тамбур-то у меня во время движения всегда запертый.

Посмотрел я назад и… Вижу… идут с площадки четыре молодца, здоровые, как быки. Плечи во! Ручищи во! Губы красные, толстые.

Глаза как тарелки. И что самое главное, эти граждане – чёрные-пречёрные, вылитые негры и притом совершенно голые. Только и есть на них одежонки, что тряпочки на бёдрах. Между прочим, босые.

Я ещё не очень удивляюсь. Предполагаю, это какая-нибудь африканская делегация, и они спросонок перепутали – потому, наверное, и голые.

Вылезаю из нашего купе и обращаюсь к ним:

– Граждане! Вы, вероятно, вагоны перепутали. Это, граждане, международный, и у нас тут все купе заняты.

А они хором:

– Молчи, неверный! Мы знаем, куда мы идём. Нам как раз сюда и нужно, куда мы идём.

Тогда я им говорю:

– Извиняюсь, в таком случае, граждане, попрошу ваши билетики.

Они мне опять хором:

– Не морочь нам головы, чужеземец, ибо мы спешим к нашему повелителю и господину.

Я говорю:

– Меня буквально поражает, что вы меня называете чужеземцем. Я советский гражданин. Это раз. А во-вторых, у нас господ давно нет. Когда-то, верно, были, а теперь, извиняюсь, все вышли. Это, говорю, два.

Их старший говорит:

– И мы тоже очень поражаемся, как наш господин не поразил тебя насмерть за твои дерзкие слова.

Я отвечаю:

– Ничего удивительного в этом не замечаю, поскольку в нашей стране если где ещё и застряли отдельные господа, то они молчат себе в тряпочку. А пока что, будьте добры, ваши билеты.

Их старший опять отвечает:

– Тебе должно быть стыдно, неверный! Ты пользуешься тем, что у нас руки заняты и что мы не можем вследствие этого убить тебя за твою безумную наглость. Это, – говорит, – нечестно, что ты этим пользуешься.

Тут я замечаю, что все четыре чёрных гражданина сверх всякой меры загружены всякой снедью. Один в руках держит тяжёлое блюдо, а на блюде жареный барашек с рисом. У другого в руках громадная

корзина с яблоками, грушами, абрикосами и виноградом, хотя обращаю, Кузьма Егорыч, твоё внимание: ещё до фруктового сезона месяца два осталось. Третий на голове держит большую посудину в виде кувшина, и в этом кувшине что-то такое имеется. По запаху полагаю, что типа рислинг. У четвёртого в обеих руках по блюду с пирогами и пирожными. Я, признаюсь, даже рот разинул, а старший говорит:

– Лучше бы ты, неверный, показал нам, где тут седьмое купе, потому что мы должны выполнить поскорее нашу работу, а по неграмотности своей не разберём, где находится наш господин.

Я тогда начинаю догадываться, спрашиваю:

– Как он выглядит, ваш хозяин? Старичок такой с бородкой?

Они говорят:

– Он самый. Это тот, кому мы служим.

Я их веду к седьмому купе и по дороге говорю:

– Придётся с вашего хозяина взыскать штраф за то, что вы без билетов ездите. Давно вы у него служите?

Старший отвечает:

– Мы ему служим три тысячи пятьсот лет.

Я, признаюсь, думаю, что ослышался. Переспрашиваю:

– Сколько, говоришь, лет? Он отвечает:

– Сколько я сказал, столько мы и служим. Три тысячи пятьсот лет.

Остальные трое головами кивают: дескать, правильно старший говорит.

Батюшки, думаю, мало мне одного сумасшедшего, ещё четверо подвалили!

Но разговор продолжаю:

– Что это, говорю, за безобразие! Столько лет служите, а вам хозяин даже спецовки простой не справил. Ходите, в чём мать родила. А сам виноград кушает, барашков жареных. Какая, говорю, жадность с его стороны.

Старший отвечает:

– Мы к спецовке не привыкли. Мы даже не знаем, что это такое.

Я тогда говорю:

– Очень странно мне слышать такие слова. Тем более от человека с таким приличным производственным стажем. Вы, вероятно, нездешние? Вы где постоянно проживаете?

Тот отвечает:

– Мы сейчас из Аравии.

Я говорю:

– Тогда мне всё понятно. Вот седьмое купе. Постучите.

Моментально выходит тот самый старичок, и тут все его чёрные служащие падают на колени и протягивают ему свои кушанья и напитки. А я отзываю старичка в сторону и говорю:

– Гражданин пассажир, это ваши сотрудники? Старик отвечает:

– Да, мои.

Тогда я ему говорю:

– Они без билетов едут, за это с них полагается штраф. Вы как, согласны уплатить?

Старик говорит:

– Согласен хоть сейчас. Вы только скажите сколько.

Я вижу, старичок довольно благоразумный, и шёпотом ему объясняю:

– Тут у вас один сотрудник от вашей неслыханной эксплуатации ума лишился. Он говорит, что служит у вас три с половиной тысячи лет. Согласитесь, что он сошёл с ума.

Старик отвечает:

– Не могу согласиться, поскольку он не врёт. Да, верно – три тысячи пятьсот лет. Даже немножко больше.

Я тогда старику заявляю:

– Бросьте меня разыгрывать! Это довольно глупо в вашем возрасте. Платите немедленно штраф, или я их ссажу на ближайшей станции. И вообще вы мне подозрительны, что ездите без багажа в такой дальний путь.

Старик спрашивает:

– Это что такое – багаж? Я отвечаю:

– Ну, узлы, чемоданы и так далее. Старик смеётся:

– Что же вы, – говорит, – о кондуктор, врёте, что у меня нет багажа! Посмотрите, пожалуйста, на полки.

Смотрю, а на полках полным-полно багажа. Только что смотрел – ничего не было. И вдруг на тебе – масса чемоданов, уйма узлов.

Я тогда говорю:

– Тут, гражданин пассажир, что-то неладно. Платите поскорей штраф, а затем я на следующей остановке приведу сюда главного –

пускай разберётся. Я что-то перестаю понимать, в чём дело.

Старик опять смеётся:

– Какой штраф? За кого платить штраф?

Я тогда стал совсем злой – поворачиваюсь, пальцем показываю на коридор, где стояли эти самые зайцы. А там никого нет! Я нарочно весь вагон обегал, всюду осмотрел. Даже след моих зайцев простыл.

Старик говорит:

– Идите, о кондуктор, ложитесь спать. Я ему отвечаю:

– Раз я на дежурстве, я не имею права спать. Старик говорит:

– Ну и лазить ночью в купе вы тоже не имеете права. Идите, пожалуйста. Яблочка хотите на дорогу?

Смотрю, а на столике корзина с фруктами, жареная баранина, пять бутылок лимонада.

Так я и ушёл. Ухожу и вижу – старик надо мной смеётся и ребятишки тоже надо мной смеются.

Теперь ты понимаешь, Кузьма Егорыч, почему я тебя разбудил? Что? Пахнет вином? Да ну тебя, Кузьма Егорыч, ведь я даже рюмочки со вчерашнего дня не выпил! Что говоришь: рюмочки не выпил, а стаканчика два небось принял? Ай-яй-яй, Кузьма Егорыч, уморил! Давай-ка споём песню… Что? Нельзя петь, пассажиров разбудим? Ладно, ладно, лягу спать. Я, брат Кузьма Егорыч, человек смирный. Лечь спать? Пожалуйста, с удовольствием лягу. Спокойной ночи, Кузьма Егорыч.

За час до прибытия поезда в Одессу проводник пришёл в седьмое купе убирать постели. Хоттабыч его угостил яблоками.

– В Москве, наверное, покупали, в гастрономе? – с уважением спросил проводник и спрятал яблоки в карман для своего сынишки. – Редкая в это время года вещь – яблоки, – продолжал он вежливо. – Большое вам мерси, гражданин.

Было очевидно, что он ничегошеньки не помнил о том, что произошло в его вагоне на перегоне Нара – Малый Ярославец.

Когда он покинул купе, Серёжа восхищённо крякнул:

– А молодец всё-таки Волька!

– Зачем это слово «всё-таки», – отозвался Хоттабыч. – Это слово бесспорно излишне. Волька ибн Алёша явный молодец, и внесённое им тогда предложение достойно всяческих похвал.

Так как читателям нашей повести, возможно, не совсем понятен смысл приведённой только что беседы, спешим разъяснить.

В ту памятную ночь, когда разъярённый и сбитый с толку проводник покинул седьмое купе, Волька, опасаясь, как бы тот не разболтал о происшедшем, обратился к Хоттабычу с вопросом:

– Можешь ли ты сделать так, чтобы этот человек вдруг стал пьяным?

– Это сущий пустяк для меня, о Волька.

– Так сделай это, и как можно скорее. Он тогда завалится спать, а утром проснётся и ничего не будет помнить.

– Превосходно, о умница из умниц! – согласился Хоттабыч и махнул рукой.

Это произошло как раз в тот момент, когда потрясённый проводник в последний раз дыхнул в лицо своему сменщику Кузьме Егорычу.

XXXVIII. Неизвестный парусник

На прогулочной палубе теплохода «Крым», совершавшего очередной рейс из Одессы в Батуми, стояли, опершись на перила и лениво беседуя, несколько пассажиров. Чёрное море в этот поздний час полностью оправдывало своё название – его вода была черна, как дёготь. Тихо громыхали где-то глубоко, в самой середине корабля, мощные дизели, мечтательно шелестела вода, плескавшаяся у высоких бортов теплохода; наверху, над головой, озабоченно попискивала судовая рация.

– Очень обидно, знаете ли, – прервал молчание один из пассажиров, – очень обидно, что почти совершенно исчезли большие парусные суда, эти белокрылые красавцы. С какой радостью я очутился бы сейчас на настоящем парусном судне, на фрегате, что ли! Какое это изумительное удовольствие – наслаждаться видом тугих белоснежных парусов, слушать поскрипывание могучих и в то же время изящных и стройных мачт, восхищённо следить за тем, как по приказу шкипера команда молниеносно разбегается по разным там мачтам, реям, и как их ещё там называют! Хоть бы раз удалось мне видеть настоящий парусник, весело мчащийся под белоснежными парусами! Только чтобы был настоящий парусник. А то в нынешние времена даже какой-нибудь паршивый «дубок» и тот, видите ли, заводит себе моторчик, хотя, обращаю ваше внимание, считается парусным судном.

– Парусно-моторным, – поправил его один из собеседников, гражданин в форме торгового моряка.

– Ну вот видите, – подхватил первый, – парусно-моторный. Идёт этакий «дубок», моторчик трещит, как сорока, а кругом на целую милю бензином воняет, как в гараже.

Снова воцарилось продолжительное молчание. Собеседники задумчиво любовались широкой лунной дорожкой, уходившей вдаль, где можно было только угадывать горизонт, и вдруг увидели в отдалении бесшумно мчавшееся красивое двухмачтовое парусное судно. В голубом лунном сиянии оно казалось видением из какой-то старинной волшебной сказки.

– Посмотрите, – сказал моряк, – какой-то неизвестный парусник.

Но, как бы назло, в это же мгновение луну закрыла большая туча, и стало совсем темно. А когда через несколько времени луна снова выглянула из-за туч, неизвестное судно уже пропало из виду.

Действительно, судно, замеченное с борта теплохода «Крым», не было приписано ни к одному из советских портов Чёрного моря. Не было оно приписано и ни к одному из иностранных портов. Оно вообще нигде и ни к чему не было приписано по той простой причине, что оно появилось на свет и было спущено на воду меньше суток тому назад.

Парусник этот назывался «Любезный Омар» – в честь несчастного брата нашего старого знакомого Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба.

XXXIX. На «Любезном Омаре»

Если бы уже известный нам проводник международного вагона скорого поезда Москва – Одесса каким-нибудь чудом попал на борт двухмачтового парусника «Любезный Омар», то больше всего его поразил бы тот факт, что он знаком со всеми пассажирами и всей командой этого необычного судна.

Старик и его три юных спутника только сегодня утром покинули купе номер семь международного вагона, а экипаж корабля состоял как раз из тех четырёх темнокожих граждан, у которых, как выяснилось из состоявшегося в коридоре того же вагона обмена мнениями, производственный стаж восходил к периоду до нашей эры.

Надо полагать, что вторая встреча с ними надолго уложила бы нашего впечатлительного проводника в постель.

Уж на что и Волька, и Женя, и Серёжа привыкли за последние дни ко всяким неожиданностям, но и те были порядком огорошены, встретив на корабле своих недавних знакомцев, оказавшихся к тому же очень ловкими и опытными матросами.

Вдоволь налюбовавшись быстрыми и точными движениями малочисленной команды «Любезного Омара», беспечно шнырявшей по снастям высоко над палубой, как если бы это был гладкий паркетный пол, ребята пошли осматривать корабль. Он был очень красив, но мал – не больше московского речного трамвая.

Впрочем, Хоттабыч уверял, что даже у Сулеймана ибн Дауда не было такого громадного корабля, как «Любезный Омар».

Всё на «Любезном Омаре» блистало поразительной чистотой и богатством. Его борта, высокий резной нос и корма были инкрустированы золотом и слоновой костью. Палуба из бесценного розового дерева была покрыта коврами, почти не уступавшими по своей роскоши тем, которые украшали собой каюты Хоттабыча и его друзей.

Тем удивительней показалось Вольке, когда в носовой части корабля он вдруг обнаружил тёмную грязную конуру с нарами, на которых валялись груды всяческого тряпья.

Пока он, поборов брезгливость, ознакомился с более чем убогим убранством этого крохотного помещения, подоспели Женя с Серёжей. После недолгой дискуссии было решено большинством двух голосов против одного, что эта неприглядная конура предназначена для тех пиратов, которых они, возможно, изловят в пути.

– Ничего подобного, – настаивал на своей точке зрения Серёжа, – это просто осталось после капитального ремонта. Всегда после ремонта остаётся какой-нибудь заброшенный уголок, где и тряпки валяются, и разный другой мусор.

– Какая может быть речь о капитальном ремонте, раз ещё сегодня утром этого корабля и в природе не существовало? – иронически осведомился Волька.

На этот вопрос Серёжа не мог дать удовлетворительного ответа, и ребята пошли к Хоттабычу, чтобы тот помог им разрешить спор.

Но оказалось, что старик спит. Конечно, ни у кого и мысли не появилось будить его, так что увиделись они с ним только часа через полтора, за обедом.

Они расселись, неумело поджав под себя ноги, на огромном ковре, игравшем изумительно яркими красками. Ни стульев, ни столов не было ни в этих покоях, ни вообще где бы то ни было на этом корабле.

Один член экипажа остался наверху у штурвала, остальные три снова на время превратились в слуг и, сгибаясь в бесчисленных поклонах, внесли и расставили на середине ковра превеликое множество разных блюд, закусок, фруктов и напитков.

Когда слуги, отдав прощальный глубокий поклон, повернулись, чтобы покинуть помещение, Волька, Женя и Серёжа в один голос окликнули их:

– Куда вы, товарищи?

А Волька учтиво добавил:

– Оставайтесь, пожалуйста, с нами обедать. Слуги в ответ только в ужасе замахали руками и, низко кланяясь, попятились к дверям.

– Хоттабыч, – обратился тогда Волька к старику, – объясни им, пожалуйста, что мы их очень просим пообедать с нами.

– А то нам просто неудобно будет одним кушать. Они целый день работали, а мы баклуши били, – пояснил Серёжа.

– Тут всем хватит, – заметил Женя, у которого от морского воздуха разыгрался чудный аппетит.

Хоттабыч явно растерялся и, нервно теребя свою бороду, пробормотал:

– Я, вероятно, недостаточно внимательно слушал вас, о юные мои друзья, и мне показалось, будто вы предлагаете пригласить к нашему столу тех, кто нас обслуживает…

– Ну да, предлагаем, – сказал Волька, а Женя снова подтвердил, что еды хватит на всех.

– Но ведь это слуги, – возразил Хоттабыч таким тоном, точно этими словами вопрос был исчерпан.

Однако, к его удивлению, ребята всё же остались при своём.

– Тем более что слуги, – сказал Волька, – не какие-нибудь спекулянты, а самые настоящие трудящиеся. Да ещё к тому же они по совместительству матросы.

– Тут какое-то прискорбное недоразумение, – заволновался Хоттабыч, смущённый дружным натиском со стороны ребят. – Я вторично прошу вас учесть, что это слуги. Нам не пристало сидеть за трапезой вместе со слугами. Это унизит нас в их глазах.

– Меня нисколько не унизит, – быстро возразил Волька.

– И меня не унизит. Наоборот, будет очень интересно, – сказал, в свою очередь, Серёжа.

– И меня нисколечко не унизит, – присоединился к своим друзьям Женя, с нетерпением поглядывая на дымящуюся жареную индейку. – Зови их скорее, а то индейка остынет!

– Мне что-то не хочется есть, о мои юные друзья. Я буду обедать позже, – хмуро промолвил Хоттабыч и три раза громко хлопнул в ладоши – Эй, слуги!

Слуги явились с низкими поклонами.

– Эти молодые господа милостиво изъявили желание отобедать вместе с вами, недостойными моими слугами.

– О великий и могучий повелитель! – испуганно простонал старший из слуг, падая ниц перед Хоттабычем и стукнувшись лбом о драгоценный ковёр. – Нам же совсем не хочется есть. Мы очень сыты. Мы настолько сыты, что от одной лишь цыплячьей ножки (тут у говорившего и у его товарищей глаза загорелись голодным блеском),

что от одной лишь цыплячьей ножки наши желудки разорвутся на части, и мы умрём в страшных мучениях.

– Врут! – убеждённо прошептал Волька на ухо Серёже. – Голову отдаю на отсечение – врут. Они не прочь пообедать, но боятся Хоттабыча.

– Вот вы говорите, что сыты, – обратился к слугам Серёжа, – а скажите, пожалуйста, когда вы успели пообедать?

– Да будет позволено мне не отвечать на этот вопрос, о юный благородный мой господин, – ответил испуганно, косясь на Хоттабыча, старший слуга.

– Они ни за что не согласятся, – разочарованно сказал Женя. – Придётся, ребята, обедать без них.

Слуги, униженно кланяясь и бросая умильные взгляды на расставленные на столе яства, попятились к дверям и скрылись.

– Что-то у меня, к моему удовольствию, вдруг разыгрался аппетит, – бодро произнёс тотчас же Хоттабыч. – Приступим же поскорее к трапезе.

– Приступим, – ответил за всех Женя, буквально умиравший от голода.

Но приступить к обеду оказалось довольно трудно, ибо к столу не было подано ни одной вилки.

– Вилки? Что это такое: вилки?! – удивился Хоттабыч.

– То есть как это «что такое вилки»? – поразились, в свою очередь, ребята. – Вилки – это то, чем берут… ну хотя бы кусочек вот этой индейки и кладут её в рот.

– Вы хотите сказать, что вилки – это пальцы?

Сколько ребята ни бились, старик так и не понял, что такое вилки и зачем они нужны человеку, раз Аллах наградил его десятью пальцами.

Пришлось кое-как обходиться без вилок.

Обед прошёл скучно. Ребят страшно огорчили барские замашки Хоттабыча. А особенно они опечалились, когда узнали, что обнаруженная Волькой несколько часов тому назад конура предназначена не для пленных пиратов, а всё для тех же чернокожих слуг.

– Они ни за что не захотят перейти в лучшее помещение, уверяю вас, – сказал Хоттабыч, кисло улыбаясь, и никто из ребят даже не

пошёл проверить его слова.

Было ясно, что из боязни перед Хоттабычем слуги обязательно откажутся. У ребят сразу пропало всё удовольствие от путешествия на «Любезном Омаре».

– Мы, слава Богу, не какие-нибудь банкиры или бароны, чтобы соглашаться жить в такой безобразной обстановке. Мне будет стыдно смотреть в глаза команде, – сказал Серёжа на тайном совещании, устроенном ребятами сразу после обеда.

– Нам всем троим будет стыдно, если мы оставим это дело в таком положении, – согласились с ним Женя и Волька.

– Пойдём к Хоттабычу и потребуем, чтобы он изменил порядки на корабле, – предложил Волька.

Но хитрый Хоттабыч, услышав их приближающиеся шаги, прикинулся спящим, чтобы отодвинуть неприятный разговор. Он храпел так неестественно громко, что ребята только огорчённо махнули рукой.

– Всё равно не отвертеться ему от разговора! – нарочно громко сказал Волька.

Между тем на море поднялось сильное волнение, маленькое судно то взлетало на гребень большой волны, то оказывалось в глубоком ущелье между двумя громадными водяными стенами. Волны, гремя и свирепо шипя, перекатывались через палубу и уже давно смыли в море роскошные ковры. Водяные струйки просачивались сквозь двери во внутренние покои. Стало холодно, но жаровню с горячими угольями так швыряло из угла в угол, что во избежание пожара её выбросили за борт. Несчастные слуги-матросы, единственную одежду которых составляли повязки вокруг бёдер, щёлкая зубами, с ожесточением хлопотали у зловеще хлюпавших парусов.

Ещё полчаса – и от «Любезного Омара» осталось бы только печальное воспоминание. Но, к счастью, шторм прекратился так же неожиданно, как и начался. Выглянуло солнце, и наступил полнейший штиль. Паруса безжизненно повисли, и корабль стал покойно покачиваться на затихавшей волне, нисколько не подвигаясь вперёд.

Только тогда Хоттабыч, тщательно избегавший встречи с ребятами, решился выйти на палубу. Вот когда ему представился

удобный случай исправить пошатнувшиеся отношения со своими спутниками. Радостно потирая руки, он сказал:

– Штиль? Штиль – это сущая чепуха. Мы прекрасно обойдёмся без ветра. Сейчас корабль помчится ещё быстрее прежнего. Да будет так. – Он как-то по-особенному щёлкнул при этом пальцами правой руки.

Через какую-нибудь тысячную долю секунды «Любезный Омар» с бешеной быстротой рванулся вперёд, причём паруса, встретив сопротивление воздуха, надулись в направлении, обратном ходу судна.

Однако ни Волька, ни Серёжа, ни Женя, ни Хоттабыч, стоявшие в это время на корме, не успели насладиться этим редчайшим зрелищем, потому что силой инерции их выбросило с кормы в воду. А сразу вслед за этим обе мачты, не выдержав чудовищного сопротивления воздуха, со страшным треском рухнули на то место, где только что стояли наши путешественники.

«Любезный Омар» мгновенно скрылся из виду со всем своим экипажем.

– Сейчас бы очень пригодилась какая-нибудь лодка или хотя бы спасательный круг, – сказал Волька, барахтаясь в воде и отфыркиваясь, как лошадь. – Берегов не видать…

Действительно, куда не кинешь взор, всюду голубело спокойное, безграничное и безбрежное море.

XL. Ковёр-гидросамолёт «ВК-1»

– Куда вы? – крикнул Волька своим приятелям, энергично поплывшим куда-то в сторону. – Всё равно до берега не доплыть, да его и не видно. Не тратьте силы, ложитесь на спину.

Ребята послушались Вольку. Лёг на спину и Хоттабыч, бережно приподняв в правой руке свою шляпу канотье.

Так началось единственное в истории мореходства совещание потерпевших кораблекрушение, на котором ораторы высказывались, лёжа на спине.

– Вот мы и потерпели кораблекрушение, – чуть ли не с удовлетворением произнёс Волька, самочинно взявший на себя функции председателя. – Что ты там делаешь? – спросил он вслед за этим, увидев, что Хоттабыч стал выдёргивать свободной левой рукой волоски из своей бороды.

– Я хочу вернуть назад наш корабль, о Волька.

– Успеешь, – сухо остановил его Волька. – Давай раньше обсудим, хочется ли нам на него возвращаться. Мне, например, лично не хочется. Просто противно смотреть на человеческое неравенство и бесстыдную эксплуатацию человека человеком.

– Прямо не верится, что Хоттабыч уже второй месяц в Советском Союзе, – сказал Серёжа, – а всё ещё не может отвыкнуть от рабовладельческих замашек.

– Кроме того, – добавил практичный Женя, – сейчас штиль, и ещё неизвестно, когда он кончится. Придётся торчать на одном месте без движения. Следовательно, «Любезный Омар» отпадает.

– Бесспорно, отпадает, – согласился Серёжа, поёживаясь. Ему было очень неприятно лежать в воде одетым и обутым.

– Остаётся выяснить, – резюмировал Волька общее мнение, – что ещё может предложить нам Хоттабыч.

– Я могу вас, о друзья мои, взять всех под мышки и полететь.

– Отпадает! – категорически отрезал Волька. – Это очень неудобно, когда ты летишь у кого-то под мышками.

– Не у кого-то, а у меня, – нашёл время и место обидеться Хоттабыч.

– Даже у тебя.

– Тогда я осмелюсь предложить вашему просвещённому вниманию ковёр-самолёт. Превосходнейшее средство передвижения, о благословенный Волька!

– Не сказал бы, что превосходнейшее. Замёрзнешь на нём, как пить дать, да и летишь на нём медленно и без всяких удобств, – задумчиво произнёс Волька и вдруг воскликнул: – Идея! Честное пионерское, идея! – Он немедленно ушёл ключом под воду, так как от волнения и энтузиазма поднял вверх руки, чтобы похлопать в ладоши от полноты чувств.

Волька вынырнул, сопя и отплёвываясь, снова улёгся поудобней на спину и как ни в чём не бывало продолжал:

– Нужно модернизировать ковёр-самолёт: сделать его обтекаемой формы, утеплить, оборудовать койками и поставить на поплавки.

Труднее всего было объяснить Волькино предложение Хоттабычу.

Первым делом, старик не знал, что такое «обтекаемая форма», во-вторых, не представлял себе, что такое поплавки.

Такая, казалось бы, простая вещь – «обтекаемая форма», а объяснять пришлось минут сорок. Наконец догадались сказать, что обтекаемый ковёр-самолёт должен быть похож на огромный огурец, у которого, понятно, выдолблена сердцевина. Кое-как, хотя тоже с превеликими трудностями, растолковали старику и насчёт поплавков.

И вот через час двадцать минут после того, как наши друзья при столь необычайных обстоятельствах очутились за бортом, с места катастрофы взмыл в воздух и лёг на курс на зюйд-зюйд-вест обтекаемый ковёр-гидросамолёт «ВК-1». «ВК-1» означало, в переводе с авиационно-конструкторского языка на обыкновенный, житейский: «Владимир Костыльков. Первая модель».

Похожий на гигантскую сигару, длиной в добрых десять метров, этот крытый ковёр-гидросамолёт имел четыре спальных места и по два окошка, прорезанных в толстой и мохнатой ткани обеих его боковых стенок.

Лётные качества Волькиной конструкции были настолько выше, нежели у обычного ковра-самолёта, что уже через какой-нибудь час после старта они снизились в тихой голубой бухточке, неподалёку от итальянского города Генуи.

XLI. Краткое интервью с юным генуэзцем

– Прежде всего – внимание! – скомандовал Волька, когда все пассажиры ковра-гидросамолёта «ВК-1» выбрались на берег, а сам ковёр-гидросамолёт исчез по мановению руки Хоттабыча. – Ещё неизвестно, куда мы попали.

– Почему это неизвестно? Очень известно, – возразил чуть дрогнувшим голосом Серёжа. – Смотри.

Низко над морем с глухим рокотом пролетел двухмоторный гидроплан с нарисованными на крыльях опознавательными знаками.

– Италия! Мы в Италии! – крикнул Женя. Ребята замахали на него руками, чтобы он вёл себя потише.

– Нам надо ухо держать востро! – предостерегающе сказал Волька. – И, главное, поменьше болтать.

– Да нас всё равно никто не поймёт. Мы же по-итальянски не умеем, – фыркнул Женя.

– Ничего не значит, что не поймут. Это даже, может быть, хуже, что не поймут. Скажут: подозрительные иностранцы.

– Почему же, о друзья мои, вас не поймут? – вступил в разговор Хоттабыч. – Раз я с вами, то и вас поймут, и вы будете понимать язык здешних мест.

– Тем более надо держать ухо востро! – снова подчеркнул Волька, благодарно улыбнувшись старику.

Они покинули бухту и направились к городу, видневшемуся в отдалении.

По красивой широкой дороге, тянувшейся вдоль берега, только изредка с тихим шелестом проносились машины да, мягко постукивая копытцами, брели тяжело нагруженные ослики.

Вскоре показался большой пляж, на котором было много народу. Удивительно, что никто из лежавших на пляже не пользовался красиво раскрашенными удобными кабинками, а все раздевались прямо здесь же и около себя хранили свою одежду. Не менее удивительно было и то обстоятельство, что большинство мужчин на пляже были давно не бриты.

Наши путешественники, не останавливаясь, прошли дальше и спустя некоторое время вошли в город.

Высокие, многоэтажные старинные дома перемежались с не менее древними одноэтажными лачугами. Было жарко и душно. По узким улочкам слонялось без дела много взрослых мужчин и женщин. Они часто останавливались у чьих-нибудь раскрытых окон и, опершись о подоконник, вступали в вялую беседу с высовывавшимися оттуда жильцами.

«Очевидно, сегодня выходной день», – сообразил Серёжа и обратился к мальчику, мастерившему кораблик из фанерной коробки:

– Скажи-ка, мальчик, у вас здесь сегодня выходной день?

Мальчик недоумённо посмотрел на Серёжу и его незнакомых спутников.

– Как ты сказал? Выходной день? Что это такое – выходной день?

– У вас сегодня воскресенье? – поправился Серёжа.

– Будто ты сам не знаешь, что сегодня пятница, – насмешливо ответил юный генуэзец.

– Тогда сегодня, вероятно, какой-то праздник? – продолжал свои расспросы Серёжа.

– С чего это ты так решил? – укоризненно сказал мальчик. – Если бы был праздник, звонили бы в колокола.

– Почему же тогда так много людей гуляет в рабочее время по улицам и валяется на пляже? Неужели это всё прогульщики?

– Ты, наверное, нездешний, – сурово ответил тогда мальчик. – Одно из двух: или ты нездешний, или ты ненормальный.

– Я нездешний, – быстро проговорил Серёжа. – Я вполне нормальный, но я… я из Неаполя.

– А разве у вас в Неаполе нет безработных? – усомнился юный генуэзец и снова принялся мастерить свой кораблик. – Иди, иди подальше. У нас в Генуе мальчики не любят, когда к ним пристают с глупыми вопросами.

– Действительно, уйдёмте-ка отсюда, – нервно сказал Волька, опасливо поглядывая по сторонам. – Давайте, ребята, скорей, а то слишком уж много любопытных собирается.

– Пойдёмте, о друзья мои, к морю, дабы я смог немедленно приступить к поискам моего несчастного брата, – предложил

Хоттабыч, и они направились по прежней дороге, выискивая себе укромное местечко где-нибудь подальше от дороги и жилищ.

XLII. Потерянный и возвращённый Хоттабыч

– Пожелайте мне скорой удачи, ты, о Волька, и ты, о Серёжа, и ты, о Женя! – воскликнул Хоттабыч и, превратившись в рыбу, с плеском нырнул в воду.

Вода была прозрачная, и было хорошо видно, как, быстро работая плавниками, он устремился в открытое море.

В ожидании возвращения Хоттабыча наши друзья раз десять выкупались в ласковой морской воде, вдоволь нанырялись, до одурения жарились на солнце и наконец, сильно проголодавшись, начали беспокоиться.

Хоттабыч подозрительно долго не возвращался, хотя обещал не задерживаться больше часа.

Уже давно село солнце, озарив при этом горизонт закатом невиданной красоты, уже вдали замерцали мириады городских огней, а старика всё ещё не было.

– Неужели пропал? – мрачно промолвил Волька, испытующе взглянув на своих приятелей.

– Не может он пропасть, – убеждённо ответил ему Женя. – Такие старики, брат, не пропадают.

– Его мог проглотить кит, – прошептал Серёжа.

– В этих местах киты не водятся, – возразил ему Волька, хотя твёрдо в этом убеждён не был.

– А мне, ребята, что-то есть захотелось, – чистосердечно признался Женя.

В это время неподалёку с тихим плеском причалила лодка. Из неё вышли трое рыбаков. Один из них принялся раскладывать костёр из сухих сучьев, а остальные стали чистить рыбу и кидать её в котелок с водой.

– Пойдём попросим у них чего-нибудь покушать, – предложил Женя. – Свои ведь люди – трудящиеся. Они не откажут.

Ребята согласились.

– Добрый вечер, синьоры! – вежливо поклонился Женя, обращаясь к рыбакам.

– Подумать только, как много за последние годы развелось в нашей бедной Италии бездомных детей! – произнёс простуженным голосом один из рыбаков, седой и тощий. – Джованни, дай-ка им поесть чего-нибудь.

– Хлеб есть, луковиц хватит, а соли имеется даже более, чем надо! – весело откликнулся курчавый парень, чистивший рыбу для ужина. – Присаживайтесь, ребята, скоро будет готова вкуснейшая похлёбка из когда-либо сваренных в Генуе и её окрестностях.

То ли курчавый Джованни действительно был поваром-самородком, то ли очень уж ребята проголодались, но им показалось, что они сроду не пробовали такого вкусного блюда. Они ели с такой жадностью, то и дело причмокивая от удовольствия языком, что рыбаки, наблюдая за ними, только посмеивались.

– Если хотите ещё, – сказал, потягиваясь Джованни, – варите сами – наука нехитрая. А мы пока приляжем отдохнуть. Только крупную рыбу не берите. Крупная пойдёт утром на продажу, чтобы нам было чем уплатить налоги. Вы, наверное, знаете: синьоры всё время заботятся, чтобы у нас в кошельке не завалялись лишние денежки.

Серёжа с Женей тотчас же начали хлопотать у костра, а Волька, засучив штаны, пробрался по воде к лодке, заваленной уснувшей рыбой.

Набрав сколько надо на суп, он хотел уже возвращаться на берег, когда взор его случайно упал на сложенные возле мачты рыболовные сети. Одинокая рыбка билась в них, то замирая, то с новой силой возобновляя свои бесплодные попытки освободиться.

«Пригодится для ухи», – подумал Волька и извлёк присмиревшую на миг рыбку из ячейки сетей. Но в его руках она вновь забилась с такой силой, что Вольке вдруг стало очень жалко, и он, оглянувшись, как бы не заметили рыбаки, бросил её за борт лодки.

Рыбка еле слышно шлёпнулась о тёмную воду бухты и тотчас же превратилась в сияющего от радости Хоттабыча.

– Да будет благословен день твоего рождения, о добросердечный сын Алёши! – растроганно провозгласил старик, стоя по пояс в воде. – Ты снова спас мне жизнь. Ещё несколько мгновений – и я задохся бы в сетях, в которые я столь беспечно попал в поисках моего несчастного брата.

– Хоттабыч, дорогой, ну какой ты молодец, что оказался живой! – сказал счастливый Волька. – Мы тут так волновались за тебя.

– А меня терзала мысль, что ты, о многократный мой спаситель, и наши юные друзья остались без меня голодные и одинокие в чужой стране.

– Мы совсем не голодные, нас тут рыбаки здорово накормили.

– Да будут благословенны эти добрые люди! – с жаром произнёс Хоттабыч. – Они, наверное, бедные люди?

– Очень бедные.

– Они не будут, уверяю тебя, больше страдать в тисках нищеты. Люди, которые так бескорыстно помогли моим друзьям в столь тяжёлую минуту, не должны ни в чём терпеть недостатка. Пойдём же скорее, и я их достойно отблагодарю.

– Я думаю, что так делать не годится, – сказал, немножко подумав, Волька. – Поставь себя на их место: вдруг ночью из воды вылезает какой-то мокрый старик. Нет, так не годится, это получится очень подозрительно.

– Ты прав, как всегда, о мудрейший из мальчиков, – согласился Хоттабыч. – Возвращайся же на берег, а я не замедлю прийти к вам.

Волька добрался до берега и, отозвав своих друзей в сторонку, поделился с ними радостной вестью.

Спустя короткое время вздремнувших было рыбаков разбудил приближавшийся конский топот. Вскоре у слабо потрескивавшего костра остановился необычный всадник.

Это был старик в дешёвом полотняном костюме и жёсткой шляпе канотье. Его величественная борода развевалась по ветру, открывая для всеобщего обозрения вышитую украинскую сорочку. Ноги его в расшитых золотом и серебром туфлях с причудливо загнутыми кверху носками упирались в золотые стремена, усыпанные алмазами и изумрудами.

Седло, на котором он восседал, было столь великолепно, что само по себе составляло целое состояние. Под седлом играла лошадь неописуемой красоты.

В обеих руках старик держал по большому кожаному чемодану.

– Могу ли я увидеть благородных рыбаков, столь великодушно приютивших и накормивших трёх голодных отроков? – торжественно обратился он к Джованни, возившемуся у костра.

Не дожидаясь ответа, он слез с лошади и с облегчением поставил на песок чемоданы.

– А в чём дело? – ответил осторожный Джованни вопросом на вопрос– Вы их разве знаете, этих ребят?

– Мне ли не знать моих юных друзей! – воскликнул Хоттабыч, обнимая по очереди подбежавших к нему Вольку, Женю и Серёжу.

Потом, обратившись с поклоном к растерянно глядевшим на него рыбакам, он произнёс:

– Поверьте, о достойнейшие из рыбаков, я не знаю, как отблагодарить вас за ваше драгоценное гостеприимство и добросердечие.

– А за что нас благодарить? – искренне удивился седой рыбак. – За похлёбку, что ли? Она нам не дорого стала, поверьте мне, синьор.

– Я слышу слова поистине бескорыстного мужа, и тем глубже чувство моей благодарности. Позвольте же мне отплатить вам хотя бы этими скромными дарами, – сказал Хоттабыч, протянув оторопевшему Джованни оба чемодана.

– Тут, очевидно, какая-то ошибка, уважаемый синьор, – пролепетал тот, обменявшись недоуменными взглядами с обоими своими товарищами. – За эти два чемодана можно купить, по крайней мере, тысячу таких похлёбок, какой мы накормили ребятишек. Вы не думайте, что это была какая-то особенная, дорогая похлёбка. Мы люди бедные.

– Это ты ошибаешься, о бескорыстный рыбак. В этих чемоданах заключены богатства, в тысячи тысяч раз превышающие стоимость вашей похлёбки, и всё же они, на мой взгляд, не будут достаточной оплатой за неё, ибо нет на всём свете более дорогого, чем бескорыстное гостеприимство и милосердие к нуждающимся.

Он раскрыл чемоданы, и все увидели, что чемоданы доверху заполнены блестящими золотыми монетами.

– Только, прошу вас, не возражайте, – сказал Хоттабыч, видя, что рыбаки пытаются протестовать. – Уверяю вас, тут нет никакого недоразумения. Да будет безмятежна ваша жизнь и да будут ваши сердца и впредь столь же бескорыстно открыты к страданиям нуждающихся людей! Прощайте!

– Прощайте, синьор! Прощайте, ребятишки! – сказали рыбаки, глядя вслед нашим путешественникам, поминутно оглядывавшимся и

приветственно махавшим им руками.

Когда старик со своими спутниками скрылся вдали, Джованни сказал, разводя руками:

– Убейте меня, друзья, но я ничего не понимаю.

– М-да, – согласились остальных два рыбака.

– Ежели это даже не золото, а обыкновенные медяшки, и то тут наберётся, худо-бедно, до пятисот лир меди. Это уже не говоря о чемоданах, которые тоже стоят далеко не одну лиру, – говорил Джованни, перебирая руками монеты. – Во всяком случае, будет чем заплатить старые и новые налоги и на что починить сети. Скорее всего, это всё-таки не золото, а медяшки, – продолжал свою мысль Джованни. – Впрочем, завтра проверим.

XLIII. Пять золотых монет

В шесть часов утра в Генуе встают только рабочие. В это очаровательное летнее утро в Генуе в такой ранний час проснулись два человека, которых не беспокоила мысль о хлебе насущном.

Первым из них был Хоттабыч. Он бодро вскочил с постели и разбудил своих друзей, спавших в соседнем номере той же гостиницы.

– Друзья мои, – сказал он сладко позёвывавшим ребятам, – простите меня, что я нарушил ваш крепкий отроческий сон, но я сейчас отправляюсь вторично в море на розыски моего несчастного брата. Не беспокойтесь за меня. Я буду осторожен и, уверяю вас, ни в какие сети больше не попадусь. Через два-три часа я вернусь. За этот срок я надеюсь обследовать всё это море, которое, по вашим словам, называется Средиземным. Спите, друзья мои, я разбужу вас, вернувшись.

– Нет, – сказал Волька. – Мы не согласны спать в такой серьёзный момент. Мы будет тебя ждать на берегу моря. Правильно я говорю, ребята?

– Правильно, – подтвердили Серёжа и Женя, причём Женя, потягиваясь, добавил: – В крайнем случае, мы вздремнём на берегу моря. На песочке.

На том наши путешественники и порешили. Быстро одевшись, они отправились в знакомую бухточку, которую незадолго до этого покинули гостеприимные рыбаки.

Вторым из людей, кого меньше всего волновала забота о хлебе насущном и кто, несмотря на это, проснулся в шесть часов утра, был его высокопревосходительство синьор Джузеппе Аттолино.

Дело в том, что ему не давали спать служебные заботы. Из Рима каждый день поступали целые вороха бумаг из Министерства внутренних дел, из Министерства финансов и всяких других учреждений, которые синьор губернатор привык уважать и которых он – что греха таить! – привык бояться.

И все эти бумаги твердили одно: деньги, деньги, деньги. Подавайте, синьор губернатор, побольше денег. Выколачивайте

побольше налогов, синьор губернатор, или вас придётся считать плохим губернатором.

А из кого выколачивать налоги? Всё население Генуи и губернии делится на две неравные части. Первая – меньшая часть генуэзцев – имеет чем платить, но всячески старается не платить, вторая – большая часть населения – не имеет чем платить налоги, даже если бы хотела это делать.

Вот поэтому синьору губернатору, любившему свою должность нежной и крепкой любовью, не спалось в это очаровательное раннее утро. Он проворочался на своей постели до девяти часов, и только в девять часов утра, утомившись, он забылся в тяжёлом сне.

Как раз в это время в один из самых больших ювелирных магазинов Генуи вошёл необычный для такого рода магазинов посетитель – бедно одетый курчавый парень.

Робко сняв шляпу ещё у самого входа, парень приблизился к роскошному прилавку, за которым стоял изнывающий от безделья продавец.

– Вон из магазина! – сказал продавец, брезгливо осмотрев парня с головы до ног. – Ты обознался, милейший: здесь не харчевня, а ювелирный магазин.

– Прошу прощения, синьор, – ответил, нисколько не обижаясь, посетитель, – я хотел бы только узнать, золото это или медяки?

Сказав это, он вынул из кармана штанов и положил на прилавок пять золотых монет. Давненько уже в Италии не видели золотых монет. Продавец с интересом взглянул на их владельца и, подозрительно хмыкнув, произнёс:

– Подожди минуту, я ещё не разбираюсь в таких вещах, я спрошу у управляющего.

– Знаем мы эти фокусы, – промолвил управляющий, выслушав сообщение продавца. – Этого парня подослали. Стоит нам только купить у него эти кругляшки, как нас привлекут к суду за скупку золотых монет, которые уже давным-давно следовало сдать в казначейство. Хозяина нашего посадят в тюрьму, а всё его имущество конфискуют. Наивные штучки. Нет, мы их перехитрим, этих господ. Мы им донесём на их собственного агента.

Он снял трубку телефона и, набрав нужный номер, сказал:

– К нам пришёл в магазин человек продавать золотые монеты. Если это вас интересует, можете прислать за ним, а мы его пока задержим разговорами.

Так случилось, что нашего знакомца, весёлого курчавого рыбака Джованни, прямо в ювелирном магазине арестовали и препроводили в полицию.

– Откуда у тебя эти монеты? – спросили там Джованни.

– Мне их подарили, – ответил Джованни.

– Ах, подарили? – иронически повторил следователь. – Так прямо и подарили?

– Ну да, – простодушно подтвердил Джованни.

– И кто тебе, мой милый, подарил сразу пять монет?

– Один старик подарил.

– Как его зовут?

– Не знаю.

– И где он проживает, ты тоже не знаешь?

– Нет, не знаю.

– И чем он занимается, тоже тебе неизвестно?

– Нет, неизвестно, – отвечал Джованни, не подозревая о нависшей над его головой опасности.

– И давно ты знаком с этим неизвестным тебе человеком?

– Часов десять тому назад я его увидел в первый и последний раз.

– И он сразу тебе подарил пять золотых монет?

– Сразу, синьор начальник. Только он мне не пять подарил, а…

Тут Джованни понял, что сболтнул лишнее, и замолчал. И сколько следователь ни бился, он не мог больше заставить Джованни говорить.

– Мне всё ясно, – сказал наконец следователь. – Никто тебе этих денег не дарил. Ты их просто украл.

– Как ты смеешь называть меня вором! – полез на него с кулаками Джованни. – Я никогда в жизни не брал чужого!

– Ах, ты, оказывается, не только вор, но ещё и хочешь меня убить! – с удовольствием констатировал следователь и, распорядившись, чтобы Джованни отвели в тюрьму, сел писать протокол.

По ряду деталей допроса он сделал заключение, что у арестованного где-то должно храниться ещё золото, может быть, даже

очень много золота. Синьор следователь понимал, что никогда он ещё не был так близок к служебному успеху, как в это утро.

XLIV. Сосуд с Геркулесовых столбов

На этот раз Хоттабыч оказался точным. Он обещал вернуться через два-три часа, и действительно – без четверти девять его сияющая физиономия вынырнула из воды. Старик был счастлив.

Он быстро выбежал на берег и, размахивая высоко над головой каким-то очень большим, в полчеловеческого роста, металлическим сосудом, покрытым водорослями, заорал:

– Я нашёл его, о друзья мои! Я нашёл сосуд, в котором столько веков томится мой несчастный брат Омар Юсуф ибн Хоттаб, да не померкнет солнце над его головой! Я обшарил всё море и уже начал отчаиваться, когда у Геркулесовых столбов* увидел в зелёном полумраке вод этот волшебный сосуд.

– Чего же ты медлишь? Открывай поскорее! – азартно промолвил Женя, первым подбежавший к изнемогавшему от счастья Хоттабычу.

– Я не смею открывать его, ибо он запечатан Сулеймановой печатью. Пусть Волька ибн Алёша, освободивший меня, выпустит из заточения и моего несчастного брата. Вот он, сосуд, в мечтах о котором я провёл столько бессонных ночей! – продолжал он кричать, потрясая своей находкой. – Возьми его, Волька, и открывай, на радость мне и моему брату Омару.

Прислушавшись на мгновение, он радостно захохотал:

– Ого-го, друзья мои! Омар подаёт знаки изнутри сосуда.

Теперь уже и ребята слышали какое-то тихое тиканье, похожее на тиканье будильника.

Серёжа с Женей не без зависти смотрели, как старик передал сосуд явно польщённому Вольке, вернее, положил его перед ним на песке, потому что сосуд оказался очень тяжёлым.

– Что же ты, Хоттабыч, говорил, что Омара заперли в медном сосуде, когда сосуд, совсем наоборот, железный? Да ладно уж! Где тут печать? Ах, вот она где! – сказал Волька, осматривая сосуд со всех сторон.

Вдруг он весь побелел, затрясся от ужаса и изо всех сил крикнул:

– Ложись! Ложитесь! Хоттабыч, сию же минуту кидай сосуд обратно в море!

– Ты с ума сошёл! – возмутился Хоттабыч. – Столько лет мечтать о встрече с Омаром и найти его только для того, чтобы снова бросить в море!

– Швырни его подальше!.. Там нет твоего Омара! Швыряй скорей, или мы все погибнем! – молил его между тем Волька, и, так как старик колебался, он отчаянно завопил: – Я приказываю тебе!

Недоумённо пожав плечами, Хоттабыч поднял тяжёлый сосуд и, размахнувшись, забросил его метров за двести от берега.

Не успел Хоттабыч обернуться к стоявшему рядом с ним Вольке, как на месте падения сосуда раздался страшный грохот, большой водяной столб поднялся над спокойной гладью бухты и с шумом рассыпался.

Тысячи оглушённых и убитых рыб всплыли животами кверху на поверхность воды.

Откуда-то бежали к берегу озабоченные люди, привлечённые взрывом.

– Скорей удирать отсюда! – скомандовал Волька, и наши друзья поспешно выбрались на дорогу и зашагали к городу.

Позади всех шёл, всё время оглядываясь назад, расстроенный Хоттабыч. Он всё ещё сомневался, нужно ли было ему слушаться Волькиного приказа.

– Что ты такого прочитал на этой штуке? – спросил Женя, догоняя далеко ушедшего вперёд Вольку.

– Это была мина! – сказал Волька. – Мина, понимаешь? Подводная мина.

Хоттабыч печально вздохнул.

XLV. «Вот он, этот старик!»

– Будем считать, что всё в порядке, – подвёл итоги Волька. – С одной стороны, Омара не нашли. Это, конечно, жалко. Зато, с другой стороны, чуть не погибли, но спаслись. Это уже хорошо.

– Теперь в самый раз пойти позавтракать, – сказал запыхавшийся от быстрой ходьбы Женя.

Остальные путешественники нашли Женино предложение в высшей степени разумным.

Проходя мимо мрачного здания тайной полиции, они увидели, как оттуда вышел под конвоем двух полицейских их вчерашний знакомец, весёлый рыбак Джованни.

Джованни тоже узнал их и возбуждённо закричал, указывая на Хоттабыча:

– Вот он, этот старый синьор, который подарил мне золото! Он кому угодно подтвердит, что я не вор, а честный рыбак!

– В чём дело, о Джованни? – осведомился Хоттабыч, когда рыбак, которого крепко держали за руки полицейские, поравнялся с нашими друзьями.

– О синьор, – чуть не плача, отвечал бедный рыбак, – мне не верят, что вы подарили нам золотые монеты! И вот у меня забрали монеты и сказали, что я вор. Сейчас меня ведут в тюрьму. Помогите, синьор, объясните следователю, что я не вор!

– Кто смел обвинить этого благородного рыбака в воровстве?! Кто этот негодяй, который посмел забрать у него золото, подаренное мною, Гассаном Абдуррахманом ибн Хоттабом?! Идём к этому человеку, и я ему всё скажу в глаза, – закончил Хоттабыч.

Через несколько минут следователь, не успевший ещё составить протокол, удивлённо поднял голову, услышав, что кто-то вошёл в его кабинет.

– Это ещё что такое?! – произнёс он зловеще, увидев, что арестованный рыбак вместе со своими конвоирами снова очутился перед его столом. – Вы должны были уже к этому времени доставить арестованного в тюрьму.

– Синьор следователь! Вот он, этот старик, который подарил мне вчера эти проклятые монеты! – победоносно произнёс Джованни, указывая на вошедшего вслед за ним Хоттабыча. – Он вам подтвердит все мои слова.

– Интересно, очень интересно, – протянул следователь, и коварная улыбка появилась на его жёлтом гладко выбритом лице. – Значит, этот… как его… Джованни не врёт? Вы действительно подарили ему пять золотых монет?

– Не пять, а по меньшей мере пятнадцать тысяч таких монет подарил я ему вчера, – хвастливо сказал Хоттабыч, не замечая предостерегающих знаков всполошившегося Джованни.

Но было уже поздно. Следователь взволнованно потирал сухие ладони.

– Прошу прощенья, почтеннейший синьор, – произнёс он, не сводя глаз со своего престарелого собеседника, – прошу прощенья, но я не верю вашим словам.

– Не хочешь ли ты, о лукавый следователь, сказать, что я лгун?! – побагровел Хоттабыч.

– Посудите сами, синьор: вы более чем скромно одеты и заявляете, что вы так просто, за здорово живёшь, подарили почти незнакомому рыбаку пятнадцать тысяч золотых…

– Не за здорово живёшь, а за то, что он накормил моих юных друзей, – нетерпеливо прервал его Хоттабыч.

– Пятнадцать тысяч золотых за один обед…

– За ужин, – поправил его Хоттабыч.

– Это всё равно в данном случае. Пятнадцать тысяч золотых за ужин! Не кажется ли это вам несколько дорогой платой? – иронически продолжал следователь, убеждённый, что старик врёт. – Я лично за двадцать пять лир всегда получаю превосходный ужин.

– Нет, не кажется! – запальчиво отвечал Хоттабыч. – За хорошее дело, за подлинную услугу я всегда плачу щедро.

Следователь понял последнюю фразу как намёк на возможную взятку, и у него заблестели от жадности глаза.

– У вас, вероятно, много золота?

– У меня его нет ни одного зёрнышка, но достать его могу сколько угодно.

– Сколько угодно? – ядовито переспросил следователь. – Даже миллион золотых?

– Стоит мне только захотеть – и я заполню золотом весь этот дом, в котором мы сейчас находимся, и ещё тысячи таких домов, – ответил ему Хоттабыч, презрительно улыбнувшись и пощипывая бороду.

– Не могу поверить, – сказал следователь, устало откидываясь на спинку своего кресла.

– А это что? Что ты, о маловерный следователь, скажешь об этом? – снисходительно произнёс Хоттабыч и принялся извлекать из карманов своих брюк золотые монеты целыми пригоршнями.

Уже на столе ошеломлённого следователя высилась солидная горка монет, когда старик заметил наконец знаки, которые подавал ему Джованни. Тогда он перестал выкладывать золото и простодушно обратился к следователю:

– Теперь ты, надеюсь, убедился, что этот благородный рыбак не лгун и тем более не вор? Отпусти же его немедленно, дабы он мог насладиться свободой и покоем.

– Увы, синьор, теперь я вижу, что Джованни не вор, – с лицемерной грустью произнёс следователь и приподнялся из-за своего стола, – и именно поэтому я не могу его отпустить.

– Что такое?! – грозно спросил Хоттабыч.

– Прошу прощенья, синьор, но я теперь склонен верить, что вы ему вчера действительно подарили пятнадцать тысяч золотых. Пять монет мы у него только что конфисковали. Теперь я арестую этого… как его… э-э-э… Джованни за сокрытие от итальянского казначейства остального золота. Это очень тяжёлое преступление с его стороны.

– Я просто не успел ещё сдать это золото, – соврал Джованни.

– Всё равно мы бы тебя арестовали, – нагло осклабился следователь. – Возник бы вопрос, откуда у рыбака Джованни столько золота. Признайся сам, что это очень подозрительно. Откуда в нашей счастливой Италии может быть золото у простого рыбака? Будем надеяться, что ты отделаешься только конфискацией всего имущества и долголетним тюремным заключением. Впрочем… – Тут следователь на минуту замялся, кивком головы приказал конвойным удалиться из кабинета и продолжал твёрдым голосом: – Впрочем, есть и другой, более приятный выход из этого неприятного положения.

– Какой? – спросили в один голос Джованни и Хоттабыч.

– Взятка, мои уважаемые синьоры. Да, да, взятка. Семья моя столь велика, а жалованье столь незначительно…

– Ни слова больше, о презренный взяточник! Мне противно и стыдно слышать такие речи. Сейчас я пойду и сообщу об этом твоему главному начальнику! – вскричал с непередаваемым презрением в голосе Хоттабыч.

– Вы этого не сделаете по двум причинам, уважаемый синьор, – отвечал ему, нисколько не повышая голоса, следователь. – Во-первых, вам придётся, в таком случае, дать взятку и ему, а во-вторых, – и это самое главное, – вы не выйдете из моего кабинета иначе как под конвоем.

– Почему? – удивился Хоттабыч.

– Потому что я должен арестовать и вас.

– Меня?! Арестовать?! За что? Не ослышался ли я?

– Во-первых, потому, что вы нарушили закон, предписывающий сдавать в казначейство все кольца, изготовленные из драгоценных металлов (тут следователь указал на хапугинское серебряное кольцо, красовавшееся на безымянном пальце правой руки Хоттабыча), а во-вторых… Вы не женаты?

– Да я никогда и не был женат, о коварный следователь!

– Ну вот-вот. А дозвольте узнать, внесли ли вы налог, причитающийся с вас как с холостяка?

– В мои годы? – поразился Хоттабыч.

– Значит, вы не выполнили долг перед возрождённой Италией и уклонились от уплаты налога на холостяков, – с удовлетворением заключил следователь. – Я, к великому своему сожалению, вынужден арестовать вас. Впрочем, есть и другой, более приятный выход…

– Взятка? – догадался Хоттабыч, и следователь утвердительно кивнул головой, не обратив внимания на то, что старик один за другим выдернул из своей бороды несколько волосков.

– Мне хотелось бы вам указать, – прервал следователь наступившую тишину, – что в нашей тюрьме вам придётся очень несладко. Вас будут кормить солёным, а пить давать не будут. Каждый день я буду навещать вас с этим вот графином, наполненным прохладной вкусной водой, и вам так будет хотеться пить, что вы в конце концов всё равно отдадите всё своё золото и будете ещё очень благодарны, если мы вас оставим в живых.

– А почему ты украл пять золотых, которые ты отобрал у Джованни? – спросил Хоттабыч, бросив при этом на пол разорванные волоски из бороды.

– Я никогда не ворую вещественные доказательства, – обиделся следователь, – вот они…

Он выдвинул ящик своего письменного стола и… не обнаружил там никаких монет. Он перерыл все ящики, переворошил все бумаги, лежавшие на столе, но ни пяти монет, отобранных у Джованни, ни кучи монет, которые только что извлёк из своих карманов Хоттабыч, он нигде не нашёл. Пропал также составленный им протокол допроса Джованни.

– Это ты украл, проклятый старик! Ты и этот тихоня рыбак! Но ничего, я вас живо заставлю всё вернуть! – завизжал от злобы следователь.

Он позвонил в колокольчик, и сразу вошли четыре жандарма с необыкновенно свирепыми физиономиями.

– Обыщите их! – приказал он, указав на Хоттабыча и Джованни.

Но обыск не дал никаких результатов.

– Куда девались монеты и протокол?! – взревел следователь.

Хоттабыч молчал. Джованни беспомощно развёл руками:

– Не знаю, синьор следователь.

– А ну-ка, заставьте старика заговорить! – приказал следователь и в предвкушении приятного зрелища уселся поудобнее в кресле.

Жандармы молча козырнули и неожиданно для следователя и самих себя вдруг с силой вышибли из-под него кресло и принялись нещадно избивать.

– Что вы делаете, негодяи?! – вопил следователь, воя от нестерпимой боли. – Ведь я вам приказал обработать арестованных, а не меня!

– Так точно, синьор следователь! – молодцевато отвечали жандармы и продолжали наносить ему удары до тех пор, пока он наконец не затих.

Убедившись, что следователь потерял сознание, жандармы, как по команде, тяжело вздохнули и принялись тузить друг друга до тех пор, пока один за другим не попадали на паркет в полнейшем изнеможении.

– Ну, теперь, о драгоценный мой Джованни, всё как будто в порядке, – удовлетворённо произнёс Хоттабыч. – Уйдём же поскорее из этого негостеприимного дома.

С этими словами он взял Джованни за руку и спокойно, как сквозь двери, провёл его сквозь толстую каменную стену дома на улицу, где их поджидали обеспокоенные их долгим отсутствием Волька, Серёжа и Женя.

Километра два они прошли, не проронив ни единого слова. Потом Хоттабыч задумчиво сказал:

– Насколько я сейчас понимаю, о досточтимые мои спутники, золото, которое я вчера подарил Джованни и его друзьям, ничего, кроме горя, не может им принести. Я теряюсь в догадках, чем бы мне их всё-таки отблагодарить…

– Прошу вас, синьор, не дарите нам ничего! – взмолился с ужасом в глазах Джованни. – Мы и так вам очень благодарны. Золото мы сохраним до лучших времён, а чемоданы мы продадим сегодня же и выручим за них достаточно денег.

– Золотых денег? – спросил Хоттабыч.

– Нет, обыкновенных, бумажных.

– А как они выглядят, эти обыкновенные бумажные деньги?

Джованни показал Хоттабычу мятую бумажку достоинством в пять лир.

Старик внимательно осмотрел её и, ничего не сказав, вернул рыбаку обратно.

У берега моря наши путешественники горячо распрощались с Джованни, и он ушёл, довольный, что избавился от тюрьмы и что так здорово досталось на орехи негодяю следователю.

Весело посвистывая, он приблизился к месту, где сегодня утром оставил лодку со своими товарищами, и увидел, что перед рыбаками на корме лодки лежит большая груда бумажных денег.

Это были настоящие деньги, каждая бумажка достоинством в пять лир, и самый привередливый чиновник из казначейства не обнаружил бы в них ничего подозрительного, пока не обратил бы внимания на номера.

Все десять тысяч бумажек, неожиданно очутившихся в лодке, были за одним и тем же номером. Это был тот самый номер, который

стоял на бумажке, показанной Джованни незадолго до этого Хоттабычу.

Распрощаемся теперь с нашими гостеприимными рыбаками, которым пятьдесят тысяч лир пришлись очень кстати, и вернёмся к нашим друзьям, дружно шагавшим в это время по шоссе. Хоттабыч только что закончил рассказ о том, что произошло в кабинете следователя.

– Эх, – сказал Волька и в сердцах стукнул себя кулаком по коленке, – я бы этому подлецу ещё такое бы устроил, чтобы он всю жизнь об этом помнил!

– Ты прав, как всегда, Волька ибн Алёша, – серьёзно согласился Хоттабыч, и в ту же минуту за четыре километра от наших друзей, в известном уже нам кабинете, произошло нечто, от чего один из жандармов, первым пришедший в себя, тут же снова упал без памяти: следователь, только что лежавший на полу, вдруг, сильно сократившись в размерах, очутился в стеклянном графине, стоявшем на его столе.

Так он и по сей день томится в стеклянном графине. Все попытки освободить его оттуда кончаются безрезультатно, потому что графин этот вдруг стал твёрже алмаза и разбить его никак не удаётся.

Что же касается наших друзей, то Хоттабыч, убедившись, что в Средиземном море Омара ему не найти, предложил отправиться на берега Атлантического океана. Само по себе предложение было в высшей степени заманчивое. Однако неожиданно против этого возразил Волька, заявивший, что ему нужно завтра же обязательно быть в Москве, по причинам, которые он не считает возможным сообщить. Но причины, мол, очень важные.

Тогда Хоттабыч решил временно отложить дальнейшие поиски Омара Юсуфа ибн Хоттаба. Через пятнадцать минут, когда ещё не все избитые жандармы пришли в себя, взвился в воздух и мгновенно скрылся за горами ковёр-гидросамолёт «ВК-1», имея на своём борту Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, Владимира Костылькова, Сергея Кружкина и Евгения Богорада.

Ещё через три часа ковёр-гидросамолёт благополучно снизился у пологого берега Москвы-реки.

XLVI. Самая короткая глава

В жаркий июльский полдень от Красной пристани Архангельского порта отчалил ледокольный пароход «Ладога», имея на своём борту большую группу экскурсантов-стахановцев. Духовой оркестр на пристани беспрерывно играл марш. Провожающие махали платками, кричали: «Счастливого плавания!»

Пароход осторожно выбрался на середину Двины и, оставляя за собой белоснежные облачка пара, поплыл мимо множества океанских и речных судов, держа курс на Белое море. Бесчисленные катера, моторные лодки, карбасы, гички и нескладные, громоздкие плоты бороздили спокойную гладь великой северной реки.

Толпившиеся на спардеке экскурсанты на целый месяц прощались с Архангельском и Большой землёй.

– Волька! – крикнул один из экскурсантов другому, озабоченно шнырявшему у капитанской рубки. – Куда девались Серёжка с Хоттабычем?

Из этих слов наблюдательные читатели могут сделать безошибочный вывод, что среди экскурсантов находились и наши старые знакомые.

XLVII. Мечта о «Ладоге»

Тут нам необходимо сделать некоторое отступление и рассказать, как они очутились на «Ладоге».

Надеюсь, что читатели не забыли о том, как Волька позорно, провалился на испытаниях по географии. Такое событие трудно забыть. Помнил об этом, конечно, и Волька, помнил и тайно от Хоттабыча тщательно готовился к переэкзаменовке. Как раз на другой день после возвращения из Италии он должен был пойти пересдавать географию.

Между тем было совершенно ясно, что Вольке нельзя было даже заикнуться о том, куда он сегодня должен пойти. Старик обязательно захотел бы сопровождать его в школу и опять сотворил бы что-нибудь несуразное. Нужно было срочно придумать какой-нибудь выход из создавшегося положения, и Волька, пораскинув мозгами, нашёл наконец повод для того, чтобы на время освободиться от мешавшего ему старика.

– Вот что, старик, – сказал он невидимому Хоттабычу, тихо посапывавшему на своём обычном месте под Волькиной кроватью, – нам нужно серьёзно поговорить о твоём образовании.

– Я тебя не совсем понимаю, – отвечал ему, сладко потягиваясь, Хоттабыч.

– А тут и понимать-то особенно нечего. Помнишь, как ты осрамился в метро, перед автоматом? Ты же абсолютно неграмотный: не умеешь ни читать, ни писать. Это очень стыдно. В нашей стране все учатся, ты тоже должен обязательно подналечь на грамоту.

– Но я уже так немолод… Пристало ли в мои годы заниматься такими делами? – жалобно спрашивал Хоттабыч.

– Пристало, – сурово ответил ему Волька. – А то мне просто стыдно, что среди моих друзей имеется совершенно неграмотный.

– Меньше всего я настроен ставить тебя в неловкое положение, о прелестный Волька, – ответил со вздохом Хоттабыч. – Приказывай мне, когда начинать моё образование и с чего.

– Вот это деловой разговор! – обрадовался Волька. – Мы начнём с тобой немедленно.

С этими словами он быстро разыскал среди своих книжек старый, замусоленный букварь, по которому давным-давно обучался грамоте, и, наспех позавтракав, повёл Хоттабыча на берег реки, подальше от нескромных взоров.

Хоттабыч оказался на редкость старательным и способным учеником. Он схватывал всё буквально на лету и уже через какой-нибудь час с наслаждением читал несколько нараспев:

– «Мо-я ма-ма лю-бит ме-ня». «Вот я вы-ра-сту большой, по-ступ-лю я в шко-лу». «Я мо-ю уши мы-лом». «Де-душ-ка, го-луб-чик, еде-лай мне свисток».

– Знаешь, Хоттабыч, у тебя прямо-таки неслыханные способности! – без конца поражался Волька, и каждый раз лицо старика заливал густой румянец смущения.

– Ну, а теперь, – сказал Волька, когда Хоттабыч совсем бегло прочёл весь букварь от начала до самого конца, – теперь тебе нужно научиться писать. Только вот, жалко, почерк у меня неважный. Ты оставайся здесь, а я сбегаю позвоню Женьке – у него чудесный почерк. Ты пока что попробуй почитать эту газетку.

И, сунув старику в руки свежий номер газеты, который он сам ещё не успел прочесть, Волька спешно позвонил Жене, велел ему прийти к Хоттабычу, захватив с собой всё необходимое для обучения письму, а сам поехал в школу, где спустя небольшое время и сдал без особых приключений на «отлично» испытания по географии.

– Молодец! – одобрил Вольку директор. – Прекрасно ответил. Теперь видно, что тебя не зря учили.

Волька хотел было в ответ на эти слова похвастать перед директором своими педагогическими успехами, но вовремя удержался.

К тому времени, когда он вернулся на речку, старик под руководством Жени уже научился писать не хуже любого третьеклассника и теперь, удобно устроившись в тени под большим дубом, читал Жене вслух газету.

– Сдал. На «отлично», – шёпотом сообщил Волька своему приятелю и прилёг около внятно читавшего Хоттабыча, испытывая одновременно три удовольствия: первое – от того, что он лежал в холодке, второе – от того, что он сдал на «отлично» испытания, и

третье и самое главное удовольствие – гордость учителя, наслаждающегося результатами своих трудов.

Между тем старик перешёл к отделу «Спортивные новости». Первая же заметка заставила Вольку и Женю грустно и завистливо вздохнуть.

– «В средних числах июля, – писалось в этой заметке, – из Архангельска отправляется в Арктику-зафрахтованный Центральным экскурсионным бюро ледокольный пароход „Ладога“, на котором проведут свой отпуск шестьдесят восемь лучших стахановцев Москвы и Ленинграда. Рейс обещает быть очень интересным».

– Вот это да! – произнёс мечтательно Волька, не встретив абсолютно никаких возражений со стороны Жени. – Вот это поездочка! Всё отдай – не жалко!

– Только прикажите, о превосходнейшие мои друзья, и вы поедете, куда только захотите! – пылко сказал Хоттабыч, горевший желанием отблагодарить чем-нибудь своих юных учителей.

Но Волька вместо ответа только ещё раз вздохнул. А Женя пояснил тут же старику причину этого безнадёжного вздоха:

– Нет, Хоттабыч, нам на «Ладогу» не попасть. На неё, брат, только знатные люди могут рассчитывать попасть.

XLVIII. Переполох в центральном экскурсионном бюро

В тот же день в канцелярию Центрального экскурсионного бюро пришёл старичок в белом полотняном костюме, шляпе канотье и причудливых, расшитых золотом и серебром туфлях с загнутыми кверху носками. Он вежливо осведомился, имеет ли он счастье находиться в покоях высокого учреждения, дарующего людям благоуханную радость путешествий. Получив от удивлённой таким витиеватым вопросом секретарши утвердительный ответ, старичок так же изысканно справился, где сидит тот достойный всяческого уважения муж, от которого зависит поездка на ледокольном пароходе «Ладога».

Ему указали на сотрудника, сидевшего за обширным письменным столом, заваленным грудами писем.

– Только, гражданин, учтите: мест на «Ладоге» уже нет, – добавили ему при этом.

Но старик ничего не ответил, поблагодарил кивком головы, молча подошёл к сотруднику, молча отвесил ему глубокий, но полный достоинства поклон, молча вручил ему завёрнутый в газетную бумагу круглый пакет, снова поклонился и так же молча повернулся и ушёл, провожаемый недоуменными взглядами всех сотрудников, бывших свидетелями этой необычной сцены.

Сотрудник развернул газетную бумагу, и взору его предстало странное письмо. Это был желтоватый пергаментный свиток с болтавшейся на золотистом шёлковом шнурке большой зелёной восковой печатью.

– Видали вы когда-нибудь что-либо подобное? – громко спросил сотрудник, с которого мигом сошла сонная одурь. Он развернул свиток так, чтобы никто, кроме него, не смог прочитать, что там написано, и, издав удивлённое восклицание, побежал немедленно докладывать о свитке начальнику сектора особо дальних экскурсий. Тот сразу, бросив все текущие дела, помчался вместе с ним к самому директору.

– В чём дело? – недовольно встретил их директор. – Разве вы не видите – я занят.

Вместо ответа заведующий сектором молча развернул перед ним свиток.

– Что это? – спросил директор. – Из музея?

– Нет, из текущей почты, Матвей Касьяныч.

Матвей Касьяныч всегда старался показать своим подчинённым, что он ничему не удивляется. Но на этот раз он всё же не смог удержаться от удивлённого восклицания:

– Из почты? А что в нём написано?.. Ну, знаете ли, – сказал он, ознакомившись с содержанием пергаментного свитка, – всё со мной бывало, а такого письма я в жизни не получал. Это, наверное, писал сумасшедший.

– Если и сумасшедший, Матвей Касьяныч, то, во всяком случае, очень зажиточный, – отозвался заведующий сектором особо дальних экскурсий. – Попробуйте-ка достать пергамент: это вам станет в хорошую копеечку.

– Нет, вы послушайте только, что здесь написано, – продолжал между тем Матвей Касьяныч, совершенно забыв, что его собеседники раньше его ознакомились с содержанием этого послания. – Это ведь типичный бред. «Досточтимому начальнику удовольствий, неподкупному и высокопросвещённому заведующему сектором особо дальних путешествий, да славится имя его среди почтеннейших и благороднейших граждан города Москвы», – прочитал Матвей Касьяныч и подмигнул заведующему сектором: – Это вам, Иван Иваныч. Иван Иваныч смущённо хмыкнул.

– «Я, Гассан Абдуррахман, – продолжал между тем читать Матвей Касьяныч, – могучий джинн, великий джинн, прославленный своей силой и могуществом в Багдаде и Дамаске, в Вавилоне и Сумире, сын Хоттаба, великого царя злых духов…

Моим благословенным деяниям возрадовался Аллах и благословил меня, Гассана Абдуррахмана, джинна, чтущего его. Все цари, сидящие во дворцах всех четырёх стран света, от Верхнего моря до Нижнего, – все вместе принесли мне свою тяжёлую дань в Багдаде.

Проведал я, о почтеннейший из заведующих секторами, что вскоре имеет отплыть из города Архангельска без парусов идущий корабль, именуемый „Ладога“, на котором совершат увеселительное

путешествие знатные люди разных городов. И вот желательно мне, чтобы среди них были и три юных моих друга, коих достоинства столь многочисленны, что даже краткий их перечень не может уместиться на этом свитке.

Я, увы, не осведомлён, как велика должна быть знатность человека, дабы он мог удостоиться этого прекрасного путешествия. Но сколь бы высоки ни были эти требования, мои друзья всё равно полностью и даже с лихвой им удовлетворят. Ибо в моих силах, поверьте мне, сделать их князьями или шейхами, царями или королями, знатнейшими из знатных, богатейшими из богатых, могущественнейшими из могущественных.

Семь и семь раз к стопам твоим припадая, шлю я тебе свой привет, о мудрый заведующий сектором, и прошу сообщить, когда явиться мне со своими юными друзьями на борт упомянутого корабля, да минуют его бури и бедствия в его далёком и опасном пути!

К сему подписался Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб – могучий джинн». В самом низу был приведён для ответа адрес Вольки Костылькова.

– Бред, – заключил Матвей Касьяныч, свёртывая свиток. – Бред сумасшедшего. В архив – и делу конец.

– Всё-таки лучше ответить. А то этот свихнувшийся старичок будет к нам ходить по пяти раз в день справляться, как обстоят дела насчёт его ходатайства. Работать нельзя будет, уверяю вас, – возразил Иван Иваныч и через несколько минут лично продиктовал машинистке необыкновенно тактичный и вежливый ответ.

Так, впрочем, надлежит отвечать всем, но особенно сумасшедшим.

XLIX. Кто самый знатный?

Конечно, Хоттабыч поступил страшно неосмотрительно, дав для ответа Волькин адрес. Это ведь была чистая случайность, что Волька встретил почтальона на лестнице. А что было бы, если бы этой счастливой встречи не произошло? Письмо Центрального экскурсионного бюро попало бы тогда в руки родителей, и начались бы расспросы, и заварилась бы такая каша, что даже подумать о ней неприятно. Костыльков-младший не так уж часто получал письма на своё имя: не то три, не то четыре раза – за всю свою жизнь. Поэтому он, узнав от почтальона, что на его имя есть письмо, очень удивился. А увидев на конверте штамп Центрального экскурсионного бюро, он совсем оторопел, тщательно осмотрел его со всех сторон, даже неизвестно зачем понюхал его, но почувствовал только сладковатый запах гуммиарабика. Тогда он дрожащими руками вскрыл конверт и несколько раз, ничего не понимая, перечитал коротенький, но вежливый ответ Ивана Иваныча:

> Многоуважаемый гражданин Г. Абдуррахманов!
>
> К великому нашему сожалению, Вы несколько запоздали со своим ходатайством. Все места на «Ладоге» уже запроданы. Привет вашим принцам и шейхам.
>
> Зав. сектором особо дальних путешествий
>
> *Ив. Домоседов*.

«Неужели старик хлопотал, чтобы нас взяли да „Ладогу“? – догадался наконец Волька и растрогался: – Какой наш Хоттабыч всё-таки чудесный парень! Вот только непонятно, каким это принцам и шейхам товарищ Домоседов передаёт привет. Впрочем, сейчас узнаем».

– Хоттабыч, а Хоттабыч, – крикнул он, прибежав вскоре на реку, – можно тебя на минутку?

Старик, дремавший в тени под раскидистым дубом, услышав Волькин голос, встрепенулся, вскочил на ноги и мелкой стариковской рысцой подбежал к Вольке.

– Я здесь, о вратарь души моей, – сказал он, чуть задыхаясь. – Приказывай, я жду твоих приказаний.

– Признавайся, ты писал в Центральное экскурсионное бюро?

– Писал, о стадион моих мечтаний. Я хотел сделать это для тебя сюрпризом, – смутился Хоттабыч. – А что, разве уже пришёл ответ?

– Конечно, пришёл. Вот он, – ответил Волька и показал старику письмо.

Хоттабыч буквально выхватил из Волькиных рук бумажку, прочитал дипломатичный ответ Ивана Иваныча, мгновенно побагровел, задрожал мелкой дрожью, глаза его налились кровью, и он в бешенстве с треском рванул вышитый ворот своей рубахи.

– Прошу прощения, – еле выдавил он из себя, – прошу прощения. Я вынужден покинуть тебя на несколько минут, чтобы достойно наказать этого презренного Домоседова. О, я знаю, что я с ним сделаю! Я его уничтожу! Или… Нет, я его не уничтожу, ибо он не заслуживает столь милосердной казни. Я его лучше превращу в грязную тряпку, и об него будут в осенние ненастные дни вытирать свою грязную обувь перед тем, как войти в помещение. Или… Нет, нет, и этого слишком мало, чтобы отплатить ему за его дерзкий отказ…

С этими словами старик взметнулся в воздух, но Волька властным голосом крикнул быстро улетавшему Хоттабычу:

– Назад! Немедленно назад!

Старик послушно вернулся, обиженно насупив свои дремучие брови.

– Фу-ты, в самом деле! – набросился на него Волька, не на шутку перепугавшийся за заведующего сектором особо дальних путешествий. – С ума ты сошёл, что ли? Разве он виноват, что мест больше нет? Ведь корабль не резиновый… И, кстати, о каких это шейхах и принцах идёт речь в ответе товарища Домоседова?

– О тебе, о Волька ибн Алёша, о тебе и о твоих друзьях Серёже и Жене, да продлит Аллах ваши годы. Я написал этому худшему из заведующих секторами, что за знатностью вашей дело не станет, ибо, сколь бы знатны ни были прочие пассажиры «Ладоги», я смогу сделать вас, друзья мои, ещё знатней. Я написал этому скудному умом Домоседову, да забудет о нём Аллах, что он может вас уже за глаза считать шейхами, или царями, или принцами.

Волька расхохотался так громко, что с ближайшего дерева с шумом снялись и, возмущённо оглядываясь, улетели несколько галок.

– Позволь, позволь!.. Значит, это выходит, что я принц? – помирал со смеху Волька.

– Я не понимаю, сознаюсь, причины твоего смеха, – отвечал уязвлённый Хоттабыч, – но если говорить по существу, то я титул принца намечал для Серёжи. Ты заслуживаешь, на мой взгляд, королевского звания.

– Ой, уморил, ей-богу, уморил! Значит, Женька был бы шейхом?

– Если тебе, о Волька, будет угодно, я могу сделать и его принцем.

– Нет, подумать только, какая политическая безграмотность! – ужаснулся Волька, перестав наконец смеяться. – Нечего сказать, знатные люди – принц да король!

– Никогда не поверил бы твоим словам, – произнёс тогда со вздохом Хоттабыч, – если бы не знал тебя как исключительно честного и правдивого отрока.

Помолчав немного, Хоттабыч горячо заговорил:

– Но я, о Волька, объят желанием устроить и тебе и твоим друзьям поездку на «Ладоге». И поверь мне, я это сделаю.

– Только, пожалуйста, без буянства, – предусмотрительно подчеркнул Волька. – И без очковтирательства. То есть без обмана. Не вздумай, например, выдавать меня за отличника учёбы. У меня по трём предметам только «хор», а с одним совсем получился конфуз.

Из деликатности Волька не сказал, что конфуз получился у него с географией и как раз из-за вмешательства Хоттабыча.

– Твои пожелания для меня закон, – сказал в ответ Хоттабыч и низко поклонился.

Старик честно выполнил своё обещание. Он даже пальцем не тронул кого-нибудь из работников Центрального экскурсионного бюро, не выдал наших юных друзей, а тем более себя, за стахановцев или отличников учёбы. Он просто устроил так, что когда все четыре наших героя явились на борт «Ладоги», их очень хорошо встретили, предоставили им две превосходные каюты и ни разу не поинтересовались, по какому, собственно говоря, праву они попали в состав экспедиции. Хоттабыч уж так устроил, что этот вопрос просто

ни разу не возникал в уме ни у кого из весёлых и дружных обитателей «Ладоги».

Вот теперь, когда читатели ознакомились с тем, как наши друзья очутились на «Ладоге», мы можем со спокойной совестью продолжать своё повествование.

L. Что мешает спать?

Погода благоприятствовала «Ладоге». Три дня пароход шёл чистой водой. Только к концу третьих суток он вошёл в полосу однолетних и разреженных льдов.

Ребята как раз играли в шашки в кают-компании, когда туда вбежал, придерживая правой рукой свою неизменную соломенную шляпу, взбудораженный старик Хоттабыч.

– Друзья мои, – сказал он, широко улыбаясь, – вы можете мне не поверить, и я нисколько не обижусь. Я бы сам не поверил, если бы не увидел это собственными глазами. Удостоверьтесь, прошу вас: всё море, насколько можно охватить его взором, покрыто сахаром и алмазами!

Все находившиеся в кают-компании бросились на палубу и увидели, как навстречу «Ладоге» бесшумно приближались громады белоснежных льдин, ослепительно блестевших под яркими лучами полуночного солнца. Вскоре под закруглённым стальным форштевнем парохода заскрежетали и загремели первые льдины.

Поздно ночью экскурсанты заметили в отдалении группу островов. В первый раз они увидели величественную и угрюмую панораму архипелага Земли Франца-Иосифа. Впервые они увидели голые, мрачные скалы и горы, покрытые сверкающими ледниками. Ледники были похожи на светлые острогрудые облака, крепко прижатые к суровой земле.

– Пора на боковую, – сказал Волька, когда все уже вдоволь насладились необычайными видами далёких островов. – И делать, собственно говоря, нечего, а спать никак не хочется. Вот что значит не привыкли спать при солнечном свете.

– А мне, о благословеннейший, представляется, что спать мешает не солнце, а совсем другое, – смиренно высказал своё мнение Хоттабыч, но никто, к сожалению, не обратил на его слова никакого внимания.

Некоторое время после этого разговора ребята ещё бесцельно слонялись по верхней палубе. Народу становилось всё меньше и меньше. Наконец отправились в свои каюты и наши друзья. Вскоре на

всей «Ладоге» остались бодрствовать только те, кто был занят на вахте. Но и они то и дело ловили себя на том, что их убаюкивает шум машин, плеск волн, шлёпавшихся о борта судна, беспокойное шипенье воды за кормой и монотонный грохот льдин, попадавших под форштевень.

Тишина и покой воцарились на «Ладоге». Из всех кают доносились мирный храп и сонное посапывание, как будто дело происходило не на большом пароходе, затерявшемся в двух с половиной тысячах километров от Большой земли, в суровом и коварном Баренцевом море, а где-нибудь под Москвой, в тихом и уютном доме отдыха, во время мёртвого часа. Здесь даже были, так же как и в палатах домов отдыха, задёрнуты шторы на иллюминаторах, чтобы не мешал уснуть яркий солнечный свет.

LI. Риф или не риф?

Впрочем, очень скоро выяснилось, что между «Ладогой» и домом отдыха всё же существует большая разница. В самом деле, если не считать крымского землетрясения, старожилы домов отдыха не запомнят случая, когда кого-нибудь сбросило бы с кровати во время сна. Между тем не успели ещё экскурсанты заснуть в своих каютах, как раздался сильный толчок, и они посыпались со своих коек на пол, как спелые плоды. В то же мгновение прекратился ровный гул машин. В наступившей тишине послышалось хлопанье дверей, топот ног экскурсантов, выбегавших из кают, чтобы узнать, что случилось. С палубы доносились громкие слова команды.

Волька свалился со своей верхней койки очень удачно. Он тотчас же вскочил на ноги, машинально потирая рукой ушибленные места. Не разобрав спросонок, в чём дело, он решил, что свалился по собственной неосторожности, и собрался снова залезть к себе наверх, но донёсшийся из коридора гул встревоженных голосов убедил Вольку, что причина его падения, очевидно, значительно серьёзьней, чем он предполагал.

«Неужели мы наскочили на подводную скалу?» – подумал он, поспешно натягивая на себя штаны, и тут же поймал себя на том, что эта мысль не только не испугала его, но даже доставила какое-то странное, жгучее чувство тревожного удовлетворения.

«Как это здорово! – пронеслось у него в голове, пока он лихорадочно зашнуровывал ботинки. – Вот я и попал в настоящее приключение. Красота! На тысячи километров кругом ни одного ледокола. У нас, может быть, и радиостанция не работает?»

Вмиг он нарисовал романтическую картину: корабль терпит бедствие, запасы пресной воды и продовольствия иссякают, но все экскурсанты и команда «Ладоги» держат себя мужественно и спокойно. По-прежнему продолжаются на «Ладоге» научные работы (по совести говоря, ни одного научного работника на пароходе не было). Но лучше всех ведёт себя, конечно, он – Волька Костыльков. О, Владимир Костыльков умеет мужественно смотреть в глаза опасности! Он всегда весел, он всегда внешне беззаботен, он

подбадривает унывающих. А когда от нужды и лишений заболевает капитан «Ладоги» – Степан Тимофеевич, он, Волька, по праву берёт руководство экспедицией в свои руки…

– Какова причина, нарушившая сон, столь необходимый твоему не окрепшему ещё организму? – прервал его сладостные мечты позёвывавший со сна Хоттабыч.

– Сейчас, старик, узнаю, ты только не беспокойся, – подбодрил Волька Хоттабыча и побежал наверх.

На спардеке, у капитанской рубки, толпилось человек двадцать полуодетых экскурсантов, о чём-то тихо переговаривающихся. Чтобы поднять их настроение, Волька сделал весёлое, беззаботное лицо и покровительственно произнёс.

– Спокойствие, товарищи, прежде всего спокойствие! Для паники нет никаких оснований!

– Вот это верно сказано – насчёт паники. Золотые слова, молодой человек. Вот ты и возвращайся к себе в каюту и спокойненько ложись спать, – ответил ему, улыбнувшись, один из экскурсантов. – А мы тут, кстати, как раз и не паникуем.

Все рассмеялись, и только Волька почувствовал себя как-то неловко. Кроме того, на воздухе было довольно свежо, и он решил на минутку сбегать в каюту, чтобы накинуть пальтишко.

– Прежде всего спокойствие, – сказал он дожидавшемуся его внизу Хоттабычу, – никаких оснований для паники нет. Не пройдёт и десяти дней, как за нами придут на каком-нибудь мощном ледоколе и преспокойно снимут нас с мели. Можно было бы, конечно, сняться и самим, но слышишь: машины не шумят. Что-то в них испортилось, а что именно, никто разобрать не может. Конечно, нам придётся испытать кое-какие лишения, но будем надеяться, что никто из нас не заболеет и не умрёт.

Волька с гордостью слушал самого себя. Он и не предполагал, что умеет так легко успокаивать людей.

– О, горе мне! – неожиданно засуетился старик, бестолково засовывая босые ноги в свои знаменитые туфли. – Если вы погибнете, я этого не переживу. Неужели мы напоролись на мель? Увы мне! Уж лучше бы шумели машины. А я хорош! Вместо того чтобы использовать своё могущество на более важные дела, я…

– Хоттабыч, – строго сказал тогда Волька, – докладывай немедленно, что ты там такое натворил?

– Да ничего особенного я не натворил, о справедливейший Волька ибн Алёша. Просто, заботясь о твоём спокойном сне, я позволил себе приказать машинам не шуметь.

– Ты с ума сошёл! – ужаснулся Волька. – Теперь я понимаю, что случилось. Ты приказал машинам не шуметь, а работать без шума они не могут. Поэтому ледокол так внезапно и остановился. Сейчас же отменяй свой приказ, а то ещё, того и гляди, котлы взорвутся.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал дрожащим голосом Хоттабыч.

В ту же минуту машины вновь зашумели, и «Ладога» как ни в чём не бывало тронулась в путь, оставив капитана, судового механика и всё остальное население парохода теряться в догадках о причине внезапной и необъяснимой остановки машин и столь же загадочного возобновления их работы.

Только Хоттабыч и Волька знали, в чём дело, но по вполне понятным соображениям никому об этом не рассказали. Даже Серёже и Женьке.

LII. Обида старика Хоттабыча

К утру «Ладога» вошла в полосу густых туманов. Она медленно продвигалась вперёд, каждые пять минут оглашая пустынные просторы мощным рёвом своей сирены. Так полагалось по законам кораблевождения. В туманную погоду корабли должны подавать звуковые сигналы, всё равно, находятся ли они на самых бойких морских дорогах или в пустыннейших местах Северного Ледовитого океана.

Сирена «Ладоги» нагоняла на её пассажиров тоску и уныние. На палубе было неинтересно и сыро, в каютах было скучно. Поэтому все кресла и диваны в кают-компании были заняты экскурсантами. Одни играли в шахматы, другие – в шашки, третьи – в подкидного дурачка. Неожиданные таланты в этой игре вдруг проявил Серёжа, неизменно выходивший победителем и к обеду завоевавший грозное звание «заслуженного мастера подкидного дурака».

Помногу раз переиграли все патефонные пластинки, перепели хором и в одиночку все знакомые песни. Потом изъявил желание спеть старик Хоттабыч, вызвав шумное и весёлое одобрение собравшихся.

Он сразу сделался серьёзным, снял пиджак, уселся, поджав под себя ноги, прямо на ковре, покрывавшем пол кают-компании, и многозначительно откашлялся. Со всех сторон посыпались заказы:

– «Коробочку» спой!

– «Хаз-Булат удалой»!

– Тамбовскую какую-нибудь, постаринней! Но Хоттабыч окинул аудиторию проникновенным взором и заявил:

– Я вам сейчас, с вашего позволения, спою весёлую песенку про то, как проводил своё время знаменитый калиф Гарун аль Рашид.

– Просим, просим! – подбодрили его окружающие.

Хоттабыч, блаженно закрыв глаза, пронзительно запел.

Сразу все удивлённо переглянулись.

Старик пел с большим чувством, и это было ужасно. Вполне возможно, что несколько тысяч лет тому назад этот дикий набор звуков был самой модной и весёлой песенкой. Возможно.

Но сейчас экскурсанты, тактично сдерживая зевоту, с трудом дослушали до конца сольный номер, которым Хоттабыч собирался пленить слух своих слушателей. Старик заметил это, обиделся и, присев на краешек стула около Вольки, сражавшегося в шашки с третьим помощником капитана, мрачно насупился.

Незаметно проходили дни путешествия по малоизведанным морям и проливам, мимо суровых островов, на которые не ступала или почти никогда не ступала нога человеческая. Экскурсанты высаживались на острова, где их торжественно встречали мужественные зимовщики, и на совершенно необитаемые одинокие скалы. Вместе со всеми остальными экскурсантами наши друзья лазили на ледники, бродили по голым, как камни в банной печи, базальтовым плато, скакали с льдины на льдину через метровые полыньи, охотились на белых медведей. Одного из них бесстрашный Хоттабыч собственноручно привёл за холку на «Ладогу». Медведь под влиянием Хоттабыча сразу сделался ручным и ласковым и впоследствии доставил немало весёлых минут экскурсантам и команде парохода. Этого медведя сейчас показывают в цирках, и многие из наших читателей его, вероятно, видали. Его зовут Кузя.

LIII. «Селям алейкум, Омарчик!»

После посещения острова Рудольфа «Ладога» повернула в обратный путь. Экскурсанты уже порядком устали от множества впечатлений, от солнца, светившего круглые сутки, от частых туманов и почти непрестанного грохота льдин, ударявшихся о форштевень и борта судна. Всё меньше и меньше находилось охотников высаживаться на пустынные острова, а под конец только наши друзья да ещё два-три неутомимых экскурсанта не упускали ни одной возможности посетить негостеприимные скалистые берега.

– Ну что ж, – сказал как-то утром Степан Тимофеевич, – в последний раз высажу вас – и баста! Никакого расчёта нет останавливать пароход из-за каких-нибудь шести-семи человек.

Поэтому Волька сговорился со всеми отправившимися вместе с ним на берег по-настоящему проститься с Землёй Франца-Иосифа и не спешить с возвращением на «Ладогу». Тем более что Хоттабыча, торопившего обычно с возвращением, с ними в этот раз не было – он остался играть в шахматы со Степаном Тимофеевичем.

– Ребята, – таинственно сказал своим приятелям Серёжа, когда они через три часа, усталые, поднялись наконец по шторм-трапу на борт парохода, – айда ко мне в каюту! Я вам покажу кое-что интересное… Ну вот, смотрите, – продолжал он, плотно притворив за собой дверь каюты, и извлёк из-под полы своего пальтишка какой-то продолговатый предмет. – Что вы на это скажете? Я нашёл эту посудину на другом конце острова, у самого берега.

В руках у Серёжи находился позеленевший от морской воды, а может быть, и от времени, небольшой, размером со столовый графин, медный сосуд.

– Его нужно сейчас же сдать Степану Тимофеевичу! – возбуждённо сказал Волька. – Это, наверно, какая-нибудь экспедиция вложила в него письмо и нарочно бросила в воду, чтобы те, кто его выловит, узнали о её бедственном положении.

– Правильно, – подтвердил со своей стороны Женя.

– Я тоже сначала так решил, – отвечал Серёжа, – но потом сообразил, что ничего страшного не случится, если мы раньше сами

вскроем эту посудину и первые посмотрим, что там внутри. Это же очень интересно. Правильно я говорю, ребята?

– Правильно! Конечно, правильно! – загалдели Волька с Женей.

Серёжа, побледнев от сознания важности момента, довольно быстро соскрёб с горлышка сосуда смолистую массу, которой оно было наглухо замазано. Под смолой оказалась массивная свинцовая крышка, покрытая какими-то письменами. Серёжа с трудом отвинтил её.

– А теперь, – сказал он, опрокидывая сосуд над своей койкой, – посмотрим, что там…

Он не успел закончить эту фразу, как из сосуда валом повалил густой чёрный дым, заполнивший всю каюту так, что стало темно и нечем было дышать. Однако через несколько секунд дым собрался, сжался и превратился в малопривлекательного старика со злобным лицом и глазами, горящими, как раскалённые угли.

Первым делом он упал на колени и, истово колотясь лбом о пол каюты, возопил громовым голосом:

– Нет бога, кроме Аллаха, а Сулейман пророк его!

После этих слов он ещё несколько раз молча стукнулся лбом об пол с такой силой, что вещи, висевшие на стенах каюты, закачались, как во время сильной качки. Потом он снова вскричал:

– О, пророк Аллаха, не убивай меня!..

– Разрешите справочку, – прервал его стенания перепуганный и в то же время заинтригованный Волька. – Если я не ошибаюсь, речь идёт об иудейском царе Соломоне?

– Именно о нём, о презренный отрок, о нём, о Сулеймане ибн Дауде, да продлятся дни его на земле!

– Это ещё большой вопрос, кто из нас презренный, – тактично возразил незнакомцу Волька. – А что касается вашего Сулеймана, то заявляю вполне официально: дни его ни в коем случае продлиться не могут. Он, извините, умер.

– Ты лжёшь, несчастный, и дорого за это заплатишь!

– Напрасно злитесь, гражданин. Он умер три тысячи лет назад. Об этом даже в энциклопедии написано.

– Кто открыл сосуд? – деловито осведомился тогда старичок, приняв, очевидно, к сведению Волькину справку.

– Я, – скромно отозвался Серёжа, замирая от гордости. – Я. Но не стоит благодарности.

– Радуйся, о недостойный мальчишка!

– А чего это мне радоваться? – удивился Серёжа. – Это вас спасли из заточения, вы и радуйтесь. А мне-то чему радоваться, чудак вы старичок?

– А тому, что я убью тебя сию же минуту злейшей смертью!

– Ну, знаете ли, – возмутился Серёжа, – это просто неблагодарность! Ведь я вас освободил от этой медной посудины. Если бы не я, кто знает, сколько бы ещё тысяч лет вы в ней проторчали в дыму и копоти!

– Замолчи! – сердито прикрикнул незнакомец. – Пожелай, какой казнью будешь казнён. У-у-у-у!..

– Попрошу без запугиваний. И вообще, в чём, собственно говоря, дело? – вконец рассердился Серёжа.

– Знай же, о недостойный юнец, что я один из джиннов, ослушавшихся Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими!. И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и тот привёл меня насильно, ведя меня в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, призвал против меня на помощь Аллаха и предложил мне принять его веру и войти под его власть, но я отказался. И тогда он велел принести этот кувшин и заточил меня в нём…

– Правильно сделал, – тихо прошептал Женя на ухо Вольке.

– Что ты там шепчешь? – подозрительно спросил старик, прервав свои слова.

– Ничего, просто так, – поспешно отвечал Женя.

– То-то! – мрачно сказал старик. – А то со мною шутки плохи… Итак… Он заточил меня в этот сосуд и отдал приказ джиннам, и они понесли меня и бросили в море. И я провёл там сто лет и сказал в своём сердце: всякого, кто освободит меня, я обогащу навеки. Но прошло сто лет, и никто меня не освободил. И надо мной прошло ещё четыреста лет, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я исполню три желания. Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: всякого, кто освободит меня сейчас, я убью, предложив раньше выбрать, какою смертью умереть.

И вот ты освободил меня, и я тебе предлагаю выбрать, какою же смертью тебе желательней было бы умереть.

– Но ведь это просто нелогично – убивать своего спасителя! – горячо возразил Серёжа. – Нелогично и неблагодарно.

– Логика здесь совершенно ни при чём! – жёстко отрезал джинн. – Выбирай себе наиболее удобный вид смерти и не задерживай меня, ибо я ужасен в гневе…

– Можно вам задать вопрос? – вмешался в этот страшный разговор Волька, но джинн в ответ так цыкнул на него, что не только у Вольки, но и у молчавшего Жени от страха подкосились ноги.

– Ну, а мне, мне-то вы разрешите один только единственный вопрос? – взмолился Серёжа с таким отчаянием в голосе, что джинн ответил ему:

– Хорошо, тебе можно. Но смотри, будь краток.

– Вот вы утверждаете, что провели несколько тысяч лет в этом медном сосуде, – произнёс тогда Серёжа дрожащим голосом, – а между тем он настолько мал, что не вместит даже одной вашей руки. Как же вы, извините за бестактный вопрос, в нём умещались целиком?

– Так ты что же, не веришь, что я был в этом сосуде? – вскричал джинн, обращаясь к Серёже.

– Никогда не поверю, пока не увижу вас в нём собственными глазами, – твёрдо отвечал Серёжа, подмигнув Вольке, который при этих словах еле удерживался от радостного восклицания.

– Так смотри же и убеждайся! – заревел джинн, встряхнулся, стал дымом и начал постепенно вползать в кувшин под тихие аплодисменты обрадованных ребят.

Уже больше половины дыма скрылось в кувшине, и Серёжа, затаив дыхание, схватил крышку, чтобы снова запечатать в нём джинна, когда тот, видимо раздумав, снова вылез наружу и опять принял человеческий образ.

– Но-но-но! – сказал он, хитро прищурившись и помахивая пальцем перед лицом Серёжи, поспешно спрятавшего крышку в карман. – Но-но-но! Ты свои штучки брось, о презренный молокосос? Проклятая память! Я чуть не забыл, что тысячу сто девятнадцать лет тому назад меня точно таким способом обманул один рыбак. Он задал мне тогда тот же вопрос, и я легковерно захотел доказать ему, что я находился в кувшине, и превратился в дым и вошёл в кувшин, и этот

рыбак поспешно схватил тогда пробку с печатью и закрыл ею кувшин и бросил его в море. Не-ет, больше этот фокус не пройдёт!

– Да я и не думал вас обманывать, – ответил дрожащим голосом Серёжа, чувствуя, что теперь-то он уже окончательно пропал.

– Выбирай же поскорее, какой смертью тебе хотелось бы умереть, и не задерживай меня больше, ибо я устал с тобой разговаривать.

– Хорошо, – сказал Серёжа, немного подумав, – но обещай мне, что я умру именно этой смертью, которую я сейчас выберу.

– Клянусь тебе в этом! – торжественно обещал джинн, и глаза его загорелись дьявольским огнём.

– Так вот, – сказал Серёжа и судорожно глотнул воздух, – так вот: я хочу умереть от старости.

– Вот это здорово! – воскликнули в один голос Волька с Серёжей.

А джинн, побагровев от злобы, воскликнул:

– Но ведь старость твоя очень далека! Ты ведь, увы, ещё так юн!

– Ничего, – ответил мужественно Серёжа, – я могу подождать.

Услышав Серёжин ответ, ребята радостно засмеялись, а джинн, беспрестанно выкрикивая какие-то ругательства на арабском языке, стал метаться взад и вперёд по крошечной каюте, расшвыривая в бессильной злобе всё, что ему попадалось на пути. Так продолжалось по крайней мере пять минут, пока он не пришёл наконец к какому-то решению. Он захохотал тогда таким страшным смехом, что у ребят мороз пошёл по коже, остановился перед онемевшим от ужаса Серёжей и торжествующе произнёс:

– Спору нет, ты хитёр, и я не могу тебе в этом отказать! Но Омар Юсуф ибн Хоттаб хитрее тебя, о презренный…

– Омар Юсуф ибн Хоттаб?! – в один голос воскликнули поражённые ребята.

Но джинн, дрожа от злобы, заорал:

– Молчать, или я вас всех немедленно уничтожу! Да, я – Омар Юсуф ибн Хоттаб, и я хитрее этого мальчишки. Я выполню его просьбу, и он действительно умрёт от старости. Но, – он окинул ребят победным взглядом, – но старость у него наступит раньше, чем вы успеете сосчитать до ста!

– Ой! – воскликнул Серёжа звонким мальчишеским голосом. – Ой! – воскликнул он через несколько секунд басом. – Ой, – захрипел

он ещё через несколько секунд дребезжащим, стариковским голосом, – ой, умираю!

И его друзья с тоской взирали на то, как Серёжа с непостижимой быстротой превратился на их глазах сначала в юношу, потом в зрелого мужчину с большой чёрной бородой, как затем его борода быстро – поседела, а сам он стал пожилым человеком, а затем дряхлым, лысым стариком. Ещё несколько секунд – и всё было бы кончено, если бы Омар Юсуф, злорадно наблюдавший за быстрым угасанием Серёжи, не выкрикнул при этом с тоской:

– О, если бы со мною был сейчас мой несчастный брат! Как он насладился бы моим торжеством!

– Постойте! – закричал тогда изо всех сил Волька. – Скажите только: вашего брата звали Гассан Абдуррахман?

– Как ты дознался до этого? – поразился, в свою очередь, Омар Юсуф. – Не напоминай мне о нём, ибо сердце у меня разрывается на части при одном лишь воспоминании о несчастном Гассане. Да, у меня был брат, которого так звали, но тем хуже будет тебе: ты разбередил мою кровоточащую рану!

– А если я вам скажу, что ваш брат жив? А если я вам покажу его живым и здоровым, тогда вы пощадите Серёжу?

– Если бы я увидел моего дорогого Гассана, тогда твой приятель остался бы жить до тех пор, пока он не постареет по-настоящему! И это тогда случится, уверяю тебя, очень не скоро. Но если ты обманываешь меня… О, клянусь, тогда никто из находящихся здесь не спасётся от моего справедливого гнева!

– Подождите, в таком случае, одну, только одну минуточку! – обрадованно воскликнул Волька, рванул дверь каюты и через несколько секунд ворвался в кают-компанию, где Хоттабыч азартно сражался в шахматы со Степаном Тимофеевичем.

– Хоттабыч, миленький, – взволнованно залепетал Волька, – беги скорее со мною в Серёжину каюту, там ждёт тебя очень большая радость…

– Для меня нет большей радости, чем сделать мат высокочтимому моему другу Степану Тимофеевичу, – степенно отвечал Хоттабыч, задумчиво изучая положение на доске.

– Хоттабыч, не задерживайся здесь ни на одну минуту, я тебя очень и очень прошу немедленно пойти со мною вниз!

– Хорошо, – отвечал Хоттабыч и сделал ход ладьёй. – Шах!.. Иди, о Волька, я приду, как только выиграю, а это, по моим расчётам, произойдёт не позже как через два-три хода.

– Это мы ещё посмотрим, – бодро возразил Степан Тимофеевич, – это ещё бабушка надвое сказала. Вот я сейчас немножко подумаю и…

– Думай, думай, Степан Тимофеевич, – иронически ухмыльнулся старик. – Всё равно ничего не придумаешь. Почему не подождать? Пожалуйста.

– Некогда ждать! – воскликнул с отчаянием Волька и смахнул рукой фигуры с доски. – Если ты сейчас со мною не спустишься бегом вниз, то и я, и Серёжа, и Женя погибнем мучительной и страшной смертью! Бежим!

– Ты себе слишком много позволяешь! – недовольно пробурчал Хоттабыч, но побежал вместе с Волькой вниз.

– Значит, «ничья»! – торжествующе крикнул им вслед Степан Тимофеевич, очень довольный, что так счастливо выскочил из совершенно безнадёжной для него партии.

– Ну нет, какая там «ничья»… – запротестовал Хоттабыч, порываясь вернуться назад, но Волька примирительно воскликнул:

– Конечно, «ничья», типичная «ничья»! – и изо всех сил втолкнул недоумевающего Хоттабыча в каюту, где бесновавшийся Омар Юсуф уже собирался привести в исполнение своё зловещее обещание.

– Что это за старик? – осведомился Хоттабыч, увидев лежавшего на койке, жалобно стонавшего старца, бывшего ещё несколько минут назад тринадцатилетним мальчиком Серёжей. – И это что за старик? – продолжал он, указывая на Омара Юсу-фа, но тут же побледнел и, не веря своему счастью, сделал несколько неуверенных шагов вперёд и тихо пробормотал: – Селям алейкум, Омарчик!

– Это ты, о дорогой мой Гассан Абдуррахман? – вскричал, в свою очередь, Омар Юсуф, и оба брата заключили друг друга в столь долгие объятия, что для людей со стороны это даже показалось бы странным, если не знать, что братья были в разлуке без малого три тысячи лет.

В первые секунды Волька был так растроган этой драматической встречей двух братьев среди льдов Арктики и настолько рад за Хоттабыча, что совсем забыл про несчастного Серёжу. Но еле

слышный хрип, донёсшийся с койки, напомнил Вольке о необходимости срочных мер.

– Стойте! – закричал он и бросился разнимать обоих сынов Хоттаба, продолжавших обнимать друг друга. – Прекратите целоваться! Тут человек погибает, а они милуются!

– Ой, помираю! – как бы в подтверждение Волькиных слов прохрипел дряхлый старец Серёжа, и Хоттабыч с удивлением осведомился:

– Кто этот убелённый сединами старик и как он попал сюда, на постель нашего друга Серёжи?

– Да это и есть Серёжа! – с отчаянием воскликнули в один голос Волька и Женя. – Спаси его, Хоттабыч!

– Прошу прощения, о дражайший мой Гассанчик, – не без раздражения промолвил Омар Юсуф, обращаясь к своему вновь обретённому брату, – мне придётся прервать столь приятные мгновения нашей встречи, чтобы выполнить данное мною обещание.

С этими словами он подошёл к койке и, дотронувшись жёсткой ладонью своей правой руки до Серёжиного плеча, прошипел:

– Проси скорее прощения!

– Прощения? У кого? – удивлённо спросил старец Серёжа.

– У меня, о презренный отрок!

– За что?

– За то, что ты пытался провести меня.

– Это ты у меня должен просить прощения! – запальчиво возразил Серёжа. – Я тебя спас, а ты меня за это собирался убить. Не буду просить прощения!

– Ну и не надо! – ехидно сказал Омар Юсуф. – Но учти, что тогда ты через несколько мгновений умрёшь.

– И умру! И прекрасно! – гордо прошептал обессилевший Серёжа, хотя, по совести говоря, ничего прекрасного в этой перспективе не видел.

– Омарчик, – ласково, но твёрдо вмешался в эту трагическую беседу Хоттабыч. – Не омрачай нашей долгожданной встречи нечестным поступком. Ты должен немедленно и без всяких предварительных условий выполнить обещание, данное моему драгоценному другу Вольке ибн Алёше. Учти к тому же, что и этот достойный Серёжа – мой лучший друг.

Омар Юсуф в бессильной злобе заскрежетал зубами, но всё же взял себя в руки и промолвил:

– Встань, о дерзкий Серёжа, и будь таким, каким ты был раньше…

– Вот это совсем другое дело, – удовлетворённо заметил Серёжа, и все присутствующие в каюте насладились невиданным доселе зрелищем – превращением умирающего старца в тринадцатилетнего мальчишку.

Сперва на его морщинистых впалых щеках появился румянец, потом его лысый череп стал быстро покрываться белыми волосами, которые вскоре почернели так же, как и его густая борода. Окрепший Серёжа молодцевато вскочил с койки, весело мигнув при этом своим друзьям. Перед ними был полный сил коренастый мужчина, на вид казавшийся лет сорока, но отличавшийся от своих сверстников тем, что его борода сама по себе становилась всё короче и короче, пока наконец не превратилась в еле заметный пушок, который затем тоже пропал. Сам же он становился всё меньше ростом и всё уже в плечах, пока не приобрёл обычный вид и рост Серёжи Кружкина.

Так Серёжа стал единственным в мире человеком, который может сказать: «Когда я ещё был стариком», с таким же правом, как многие миллионы пожилых людей говорят: «Когда я ещё был юным сорванцом».

LIV. Омар Юсуф показывает свои коготки

– Одно мне непонятно, – задумчиво произнёс через несколько мгновений Омар Юсуф, поёживаясь от холода, – я ведь явственно слышал, как Сулеймановы джинны сказали: «Давайте сбросим его (то есть меня) в волны Западно-Эфиопского моря». Вот я и думал, что если мне когда-нибудь посчастливится снова увидеть землю и солнечный свет, то это будет у знойных берегов Африки. Но это, – он показал на видневшийся в иллюминаторе быстро удалявшийся остров, – это ведь совсем не похоже на Африку. Не правда ли, о братик мой Гассан?

– Ты прав, любезный моему сердцу Омар Юсуф: мы находимся совсем у иных и очень отдалённых от Африки берегов, – отвечал ему Хоттабыч. – Мы сейчас…

– Понял! Честное пионерское, понял! – прервал беседу обоих братьев Волька и торжествующе заплясал по каюте. – Вот это здорово! Понял! Понял!

– Что ты понял? – брюзгливо осведомился Омар Юсуф.

– Я понял, как это вы очутились в Арктике.

– О дерзкий и хвастливый отрок, сколь неприятна мне твоя непонятная гордыня! – произнёс с отвращением Омар Юсуф. – Как ты можешь понять то, что остаётся тайной даже для меня – мудрейшего и могущественнейшего из джиннов? Ну что ж, говори своё мнение, дабы мы с моим дорогим братом могли вдоволь над тобою посмеяться.

– Это как вам угодно. Хотите – смейтесь, хотите – нет, но только всё дело здесь в Гольфстриме.

– В чём, ты говоришь, дело? – иронически переспросил Омар Юсуф.

– В Гольфстриме, в тёплом течении, которое и принесло вас от берегов Африки сюда, в Арктику.

– Какая чепуха! – хмыкнул презрительно Омар Юсуф, обращаясь за поддержкой к своему брату. Но тот дипломатично промолчал.

– И совсем не ерунда… – начал Волька, но Омар Юсуф поправил его:

– Я сказал не «ерунда», а «чепуха».

– И совсем это не ерунда и не чепуха! – раздражённо продолжал Волька. – Я как раз за Гольфстрим получил «отлично» по географии.

– Я что-то не помню такого вопроса на испытаниях, – озабоченно сказал Хоттабыч.

И Волька, во избежание обид со стороны Хоттабыча, соврал, будто бы про Гольфстрим он сдавал ещё в прошлом году. Этот ответ вполне удовлетворил нашего старого друга, который искренне огорчился бы, узнав, что Волька скрыл от него свою переэкзаменовку.

Так как Женя и Серёжа поддержали Волькину научную гипотезу, к ней присоединился и Хоттабыч. Омар Юсуф, оставшись в единственном числе, сделал вид, что согласился насчёт Гольфстрима, но затаил против Вольки и его приятелей злобу.

– Я устал от спора с тобою, о учёный отрок, – произнёс он, деланно зевая. – Я устал и хочу спать. Достань же поскорее опахало и обмахивай меня от мух, покуда я буду предаваться сну.

– Во-первых, тут нет мух, а во-вторых, какое право вы имеете отдавать мне приказания? – не на шутку возмутился Волька.

– Сейчас будут мухи, – надменно процедил сквозь зубы Омар Юсуф.

И действительно, в ту же минуту в каюте загудело великое множество мух.

– Здесь можно прекрасно обойтись без опахала, – примирительно заявил Волька, делая вид, что не понимает издевательского характера требований Омара Юсуфа. С этими словами он раскрыл сначала дверь, а потом иллюминатор, и сильный сквозняк моментально вынес жужжащие рои мух из каюты в открытое море.

– Всё равно ты будешь обмахивать меня опахалом, – капризно проговорил Омар Юсуф, не обращая внимания на все попытки Хоттабыча успокоить его.

– Нет, не буду! – запальчиво ответил Волька. – Ещё не было человека, который заставил бы меня выполнять издевательские требования.

– Значит, я буду первым.

– Нет, не будете!

– Омарчик… – попытался вмешаться в разгоравшийся скандал Хоттабыч, но Омар Юсуф, позеленевший от злобы, только свирепо отмахивался от него.

– Я лучше погибну, но ни за что не буду выполнять ваши прихоти! – мрачно выкрикнул Волька.

– Значит, ты очень скоро погибнешь. Не позже заката солнца, – с удовлетворением констатировал, отвратительно улыбаясь, Омар Юсуф.

– В таком случае, трепещи, о презренный джинн! – вскричал Волька самым страшным голосом, каким только мог. – Ты меня вывел из себя, и я вынужден остановить солнце. Оно не закатится ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Трепещи и пеняй на себя!

Это был очень рискованный шаг со стороны Вольки. Если Хоттабыч успел уже рассказать своему брату, что в Арктике солнце в это время года светит круглые сутки, то всё пропало. Но Омар Юсуф в ответ на Волькины слова только глумливо возразил:

– Бахвал из бахвалов, хвастун из хвастунов! Я сам люблю иногда похвастать, но даже в минуты самой большой запальчивости я не обещался остановить ход великого светила. Этого не мог сделать даже Сулейман ибн Дауд – мир с ними обоими!

Волька понял, что он спасён. И не только спасён, но и может прибрать к рукам неприятного братца старика Хоттабыча. Кстати, Хоттабыч одобрительно подмигнул Вольке, а о Серёже и Жене и говорить не приходилось: они догадались о Волькином замысле и сейчас буквально стонали от восторга, предвкушая близкое посрамление Омара Юсуфа.

– Не беспокойтесь, Омар Юсуф. Раз я сказал, что остановлю солнце, то можете быть уверены: оно сегодня не закатится.

– Мальчишка! – презрительно бросил Омар Юсуф.

– Сами вы мальчишка! – столь же презрительно возразил ему Волька. – За солнце я отвечаю.

– А если оно всё же закатится? – давясь от смеха, спросил Омар Юсуф.

– Если закатится, то я буду всегда выполнять самые нелепые ваши приказания.

– Не-ет! – торжествующе протянул Омар Юсуф. – Нет! Если солнце, вопреки твоему самоуверенному обещанию, всё же закатится – а это, конечно, будет так, – то я тебя попросту съем. Съем вместе с костями и волосами.

– Хоть вместе с тапочками, – мужественно отвечал Волька. – Зато, если солнце сегодня не уйдёт за горизонт, будете ли вы тогда во всём меня слушаться?

– Если солнце не закатится? Пожалуйста, с превеликим удовольствием, о самый завистливый и самый ничтожный из магов. Только этому не суждено осуществиться.

– Это ещё очень большой вопрос, – сурово ответил Волька.

– Смотри же! – предостерегающе помахал пальцем Омар Юсуф. – Судя по положению солнца, оно должно закатиться часов через восемь-девять. Мне даже чуть-чуть жаль тебя, о бесстыжий молокосос, ибо тебе осталось жить меньше полусуток.

– Пожалуйста, оставьте вашу жалость при себе. Вы лучше себя пожалейте.

Омар Юсуф пренебрежительно хихикнул, открыв при этом два ряда мелких жёлтых зубов.

– Какие у тебя некрасивые зубы, – сочувственно промолвил Хоттабыч. – Почему бы тебе, Омар, не завести золотые, как у меня?

Омар Юсуф только сейчас заметил необычные зубы Хоттабыча, и его душу наполнила самая чёрная зависть.

– По совести говоря, братец, я не вижу особенного богатства в золотых зубах, – сказал он как можно пренебрежительней. – Уж лучше я заведу себе бриллиантовые.

И точно, в ту же секунду тридцать два прозрачных алмаза чистейшей воды засверкали в его ехидно улыбающемся рту. Посмотревшись в маленькое бронзовое зеркальце, которое этот франтоватый старик, оказывается, хранил у себя за поясом, Омар Юсуф остался очень доволен. Он определённо обогнал своего добродушного брата.

Только три обстоятельства несколько омрачали его торжество. Во-первых, Хоттабыч не выказал никаких признаков зависти к нему. Во-вторых, его бриллиантовые зубы сверкали, только если на них падал свет. Если же свет на них не падал, то рот производил впечатление беззубого. В-третьих, бриллиантовые зубы в первую же минуту до крови расцарапали ему язык и губы. В глубине души он даже пожалел о том, что так пожадничал, но не подал и виду, чтобы не подорвать своего авторитета.

– Нет, нет! – хитро подмигнул он, заметив, что Волька собирается покинуть каюту. – Тебе не удастся покинуть помещение до самого заката. Я тебя прекрасно понимаю: ты хочешь скрыться от меня, чтобы избежать своей заслуженной гибели. Я не намерен рыскать потом по всему судну в поисках тебя.

– Пожалуйста, – спокойно согласился Волька, – я могу остаться в каюте, сколько вам угодно. Это даже будет лучше. А то разыскивай вас по всему пароходу, если солнце не закатится. Сколько мне, по-вашему, придётся ждать?

– Не больше девяти часов, о юный бахвал, – ответил, отвесив издевательский поклон, Омар Юсуф, как-то по-особому щёлкнул большим и указательным пальцами левой руки, и на столике, стоявшем под самым иллюминатором, немедленно появились громоздкие водяные часы. – Не успеет вода дойти до этого вот деления, – добавил он, щёлкнув ногтем по стенке часов, – как солнце зайдёт, и это будет одновременно часом твоей смерти.

– Хорошо, – сказал Волька, – я подожду.

– И мы подождём, – решили также Серёжа, Женя и Хоттабыч.

Восемь часов прошли почти незаметно, так как Серёжа не смог отказать себе в удовольствии и предложил самоуверенному Омару Юсуфу научить его играть в подкидного дурачка.

– Только я тебя всё равно обыграю, – обещал ему Омар Юсуф и согласился.

За эти восемь часов Серёжа оставил сварливого старика в дураках несметное число раз. Омар Юсуф страшно злился, пробовал мошенничать, но его каждый раз хором изобличали, и он начинал новую партию с тем же печальным для него исходом.

– Ну, вот и прошло уже назначенное время, Омар Хоттабович, – сказал наконец Волька и победоносно глянул на увлёкшегося игрой Омара Юсуфа.

– Не может быть! – откликнулся Омар Юсуф, бросил взгляд на водяные часы и побледнел.

Он взволнованно вскочил с койки, на которой играл в карты с Серёжей, подбежал к иллюминатору, высунул из него голову наружу и застонал от бессильной злобы: солнце, как и восемь часов назад, высоко стояло над горизонтом.

Он повернулся затем к торжествующему Вольке и скучным голосом произнёс:

– Я, наверно, ошибся немного в своих расчётах. Подождём ещё часочка два.

– Хоть три! – великодушно отвечал Волька, еле сдерживая улыбку. – Только это тебе всё равно не поможет. Как я сказал, так и будет: солнце не закатится ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра.

Через четыре с половиной часа Омар Юсуф в двадцатый раз выглянул в иллюминатор и, к ужасу своему, убедившись, что солнце и не думает уходить за горизонт, страшно побледнел, задрожал мелкой трусливой дрожью и тяжело бухнулся на колени.

– Пощади меня, о могучий отрок! – воскликнул он жалким голосом. – Не гневайся на меня, недостойного твоего слугу, ибо, крича на тебя, я не знал, что ты сильнее меня!

– А если я слабее, тогда можно на меня кричать? – спросил Волька.

– Конечно, можно, – убеждённо ответил Омар Юсуф.

– Ну и братец же у тебя! – шепнул Женя на ухо Хоттабычу. – Ты меня, пожалуйста, извини, но он пренеприятный, завистливый и злобный старикашка.

– Да, – печально отозвался, потупив глаза, Хоттабыч, – братец у меня не сахар.

– Да встаньте вы, наконец! – сказал Волька Омару Юсуфу, продолжавшему стоять на коленях.

– Каковы будут твои приказания? – угодливо спросил Омар Юсуф, потирая свои сухонькие ладошки и поднимаясь на ноги.

– Пока что только одно: не смей без моего разрешения покидать ни на секунду эту каюту.

– С огромным наслаждением, о мудрейший и могущественнейший из отроков! – льстиво ответил Омар Юсуф, со страхом и благоговением глядя на Вольку.

Как Волька сказал, так и было. Ни в тот день, ни на другой, ни на третий солнце не скрывалось за горизонтом. Придравшись к какому-то мелкому факту непослушания Омара Юсуфа, Волька продлил круглосуточное пребывание дневного светила на небе вплоть до особого распоряжения. Только узнав от Степана Тимофеевича, что «Ладога» наконец вступила в широты, где день на короткое, правда,

время уступит место ночи, Волька сообщил об этом Омару Юсуфу как об особой своей милости к недостойному и сварливому джинну.

Омар Юсуф вёл себя тише воды, ниже травы, ни разу, ни на минуту не покинул каюту и покорно влез в медный сосуд, когда «Ладога» под звуки оркестра и крики «ура» пришвартовалась наконец к той самой пристани Архангельского порта, от которой она отчалила сорок два дня назад.

Конечно, Омару Юсуфу страшно не хотелось возвращаться даже на время в медную посудину, где он провёл в одиночестве столько безрадостных веков. Но Волька торжественно обещал выпустить его оттуда, как только они вернутся домой.

Не скроем, у Вольки, покидавшего с медным сосудом под мышкой гостеприимную палубу «Ладоги», было очень большое желание швырнуть его в воду. Но не дав слово – крепись, а дав – держись. И, тяжело вздохнув, Волька сошёл на пристань, подавив в себе искушение.

В поезде наши друзья читали газеты, пели песни, без конца закусывали и, конечно, играли в подкидного дурака. Словом, проводили время так, как его обычно проводят во время длительных поездок по железной дороге.

Только одно событие и приключилось в поезде. На одной из маленьких станций, не доезжая Вологды, какой-то жулик польстился на сосуд, в котором томился Омар Юсуф, схватил его, выскочил из вагона и что есть силы помчался по дощатой платформе, где и был задержан подоспевшим милиционером.

Сосуд возвратили Вольке по принадлежности, а жулика, даже не подозревавшего, от какой грозной опасности избавил его милиционер, отвели в отделение милиции.

После этого случая Волька решил принять меры предосторожности и спрятал сосуд вместе с томившимся в нём неприятным братом Хоттабыча на самое дно своего чемодана.

Если никто на «Ладоге» ни разу не заинтересовался, по какому, собственно говоря, праву Хоттабыч и его друзья участвуют в экспедиции, то ясно, что Хоттабычу не стоило никакого труда проделать примерно такую же комбинацию и с родителями и знакомыми наших героев.

Во всяком случае, и родители и знакомые восприняли как должное факт отъезда ребят в Арктику, совершенно не задаваясь вопросом, какими таинственными путями они устроились на «Ладогу». Родители торжественно встретили наших героев. Отлично пообедав, ребята часа два рассказывали своим близким, почти не привирая, о различных своих приключениях в Арктике, благоразумно не упоминая, впрочем, обо всех событиях, связанных с проделками Хоттабыча. Только Серёжа, увлёкшись, чуть не проболтался. Описывая вечера самодеятельности, происходившие в кают-компании во время туманов, он проговорился:

– А тут, понимаешь, вылезает вперёд Хоттабыч и говорит…

– Что за странное такое имя – «Хоттабыч»? – удивилась Татьяна Ивановна.

– Это тебе, мама, показалось. Я не говорил «Хоттабыч», я сказал «Потапыч». Это нашего боцмана так звали, – не растерялся Серёжа, хотя и очень покраснел.

Впрочем, на последнее обстоятельство никто не обратил никакого внимания. Все с завистью смотрели на Серёжу, который ежедневно и запросто встречался с настоящим, живым боцманом.

Зато у Вольки едва не произошло несчастье с медным сосудом. Он сидел в столовой на диване, с большим знанием дела объяснял родителям разницу между ледоколом и ледокольным пароходом и не заметил, как из комнаты исчезла бабушка. Она пропадала минут пять и затем вернулась, держа в руках… сосуд с Омаром Юсуфом.

– Это что такое? – с любопытством осведомился Алексей Алексеевич. – Откуда ты это, мама, достала?

– Представь себе, Алёша, у Воленьки в чемодане. Я стала разбирать вещи – вижу, лежит вполне приличный кувшин. Пригодится для наливок. Его только почистить надо. Уж больно он позеленел.

– Это совсем не для наливок! – вскрикнул побледневший Волька и выхватил сосуд из бабушкиных рук. – Это меня просил помощник капитана передать его знакомому. Я обещал сегодня же отнести.

– Очень занятный кувшин! – одобрительно отозвался Алексей Алексеевич, большой любитель старинных предметов. – Дай-ка, Воля, посмотреть… Эге, да он, оказывается, со свинцовой крышкой! Интересно, очень интересно.

С этими словами он попытался открыть сосуд, но Волька, не помня себя от ужаса, ухватился за кувшин обеими руками и залепетал:

– Его нельзя открывать… Он даже вовсе не открывается… Он совсем-совсем пустой… Я обещал помощнику капитана не открывать… чтобы крышка не испортилась…

– Скажите, пожалуйста, как он разволновался. Ладно, бери свою посудину, – сказал Алексей Алексеевич, не без сожаления возвращая сыну сосуд.

Волька в изнеможении уселся на диван, крепко прижимая к себе страшный сосуд. Но разговор уже больше не клеился, и вскоре Костыльков-младший встал со своего места и, сказав как можно непринуждённее, что он пойдёт отдавать кувшин, почти бегом покинул комнату.

LV. К чему приводят иногда успехи оптики

На берегу Вольку давно уже ждали Серёжа, Женя и Хоттабыч. Кругом было тихо. Необъятное ночное небо простиралось над головами наших друзей. Полная луна лила с высоты свой неживой голубоватый свет.

Женя догадался взять с собою свой большой морской бинокль и с наслаждением смотрел сейчас через него на Луну.

– Дай мне посмотреть, ну дай, чего тебе стоит, – монотонно клянчил Серёжа, и Женя, давая ему на минутку бинокль, каждый раз не упускал случая пройтись насчёт «некоторых граждан, которые имеют собственные бинокли, а всё норовят пользоваться чужими».

– А ну, товарищи, прекращайте свои занятия астрономией! – сказал, приближаясь, Волька. – Следующим номером нашей обширной программы – торжественный выпуск на волю всем нам хорошо знакомого Омара Юсуфа! Музыка, туш!

– Этот злючка и без туша не заболеет, – сурово отозвался Серёжа, дорвавшийся наконец до бинокля. Чтобы подчеркнуть своё презрение к ненавистному джинну, он повернулся к кувшину спиной и изучал в бинокль Луну так долго, пока не услышал скрипучий голос Омара Юсуфа:

– Да позволено будет твоему покорнейшему слуге, о могучий Волька, осведомиться, чему служат чёрные трубки, в которые вперил свои благородные очи мой горячо любимый господин, а твой друг Серёжа?

– Кому Серёжа, а вам – Сергей Александрович! – задорно подал голос Серёжа, не оборачиваясь.

– Это бинокль. Это чтобы ближе видно было, – попытался объяснить Волька. – Серёжа смотрит на Луну в бинокль, чтобы лучше видеть. Чтобы она крупнее выглядела.

– О, сколь приятно, я полагаю, это времяпрепровождение! – подхалимски заметил Омар Юсуф. – Я не могу без похвалы говорить об этом высокополезном ночном светиле, которое я лично ставлю куда выше солнца. Что солнце? Солнце светит днём, когда и без него светло. А что бы мы с вами делали, если бы ночью не светила Луна?

Он вертелся вокруг Серёжи, норовя хоть краешком глаза заглянуть в бинокль, но Серёжа нарочно отворачивался от него, и самовлюблённый джинн был уязвлен этой непочтительностью до глубины души. О, если бы здесь не было могущественнейшего Вольки, одним словом своим остановившего на несколько дней движение солнца! Тогда Омар Юсуф знал бы, как рассчитаться с непокорным мальчишкой! Но Волька стоял рядом, и взбешённому джинну не оставалось ничего другого, как обратиться к Серёже с униженной просьбой дать ему возможность посмотреть на великое ночное светило через столь заинтересовавший его бинокль.

– И я прошу тебя оказать моему брату эту милость, – поддержал его просьбу Хоттабыч, хранивший до сих пор полное молчание.

И только тогда Серёжа нехотя протянул Омару Юсуфу бинокль.

– Презренный отрок заколдовал магические трубки! – вскричал через несколько мгновений Омар Юсуф, со злобой швырнув бинокль на землю. – Они уже сейчас не увеличивают, а наоборот, во много раз уменьшают лик Луны! О, когда-нибудь я доберусь до этого юнца!

– Вечно зря кидаешься на людей! – сказал Волька. – При чём тут Серёжа, раз ты смотришь в бинокль не с той стороны?

Он поднял бинокль с травы и подал его злобствовавшему джинну.

– Надо смотреть через маленькие стёклышки. Омар Юсуф недоверчиво последовал Волькиному совету и вскоре произнёс с сожалением:

– Увы, я был лучшего мнения об этом светиле. Оказывается, оно щербатое, с изъеденными краями, как поднос самого последнего подёнщика. Уж куда лучше звёзды! Они хоть и во много крат меньше Луны, но зато, по крайней мере, без видимых изъянов.

– Дай-ка мне, о брат мой, удостовериться в правильности твоих слов, – сказал тогда заинтересовавшийся Хоттабыч и, посмотрев в бинокль, с удивлением согласился: – На этот раз мой брат как будто бы прав.

По тону и словам Хоттабыча видно было, что авторитет Омара Юсуфа уже давно был в его глазах очень сильно поколеблен.

– Какая дикость! – поразился Серёжа. – Пора бы вам знать, что Луна во много миллионов раз меньше любой из звёзд.

– Не-ет, я больше не в состоянии выдержать постоянных издевательств этого мальчишки! – взревел Омар Юсуф и схватил

оторопевшего Серёжу за шиворот. – Уж не будешь ли ты меня уверять, что песчинка больше горы? С тебя это станется. Не-ет, сейчас-то уж я с тобой расправлюсь окончательно!

– Остановись! – крикнул ему Волька. – Остановись, или я на тебя немедленно обрушу Луну, и от тебя даже мокрого места не останется! Мне это, брат, раз плюнуть. Ты ведь меня знаешь.

Омар Юсуф нехотя отпустил не на шутку перепугавшегося Серёжу.

– Ты и на этот раз совершенно напрасно так разозлился, – сказал Волька. – Серёжа прав на все сто. Присядь, и я тебе всё постараюсь разъяснить.

– Нечего мне разъяснять, я всё сам прекрасно знаю! – кичливо возразил Омар Юсуф, но ослушаться Вольки не посмел и уселся вместе со всеми остальными на траве.

На астрономические темы Волька мог говорить часами. Это был его конёк. Он перечитал все популярные книги по вопросам мироздания и с увлечением излагал их содержание всем, кто хотел его слушать. Но Омар Юсуф явно не хотел его слушать. Он всё время презрительно хмыкал и, наконец, не выдержав, проворчал:

– Никогда не поверю твоим словам, пока не удостоверюсь в них на деле.

– То есть как это «на деле»? – удивился Волька. – Уж не хочешь ли ты полететь на Луну, чтобы убедиться, что это не маленький диск, а огромный шар?

– А почему бы и не слетать? – заносчиво спросил Омар Юсуф. – Вот возьму и сегодня же слетаю.

– Но ведь Луна страшно далеко!.

– Омара Юсуфа не пугают большие расстояния. Тем более что я сильно, прости меня, сомневаюсь в справедливости твоих слов.

– Но ведь путь к ней лежит в безвоздушном пространстве, – добросовестно старался Волька переубедить Омара Юсуфа.

– Я могу прекрасно обходиться без воздуха.

– Пускай летит! – свирепо шепнул Серёжа Вольке. – А то мы ещё с ним хлебнём горя.

– Конечно, пускай летит, – тихо согласился Волька. – Но всё-таки я считаю, что мой долг предупредить его о том, что его ждёт в пути.

Учти, Омар Юсуф, – продолжал он, обращаясь к чванливому джинну, – учти, что там страшно холодно.

– Я не боюсь холода. До скорого свиданья! – сказал небрежно Омар Юсуф. – Улетаю.

– Так послушай же, в таком случае! – строго произнёс Волька. – Если ты уж во что бы то ни стало решил слетать на Луну, то хоть в одном послушайся меня. Обещаешь ли ты беспрекословно подчиниться моим словам?

– Так и быть, обещаю, – надменно отвечал джинн, явно начинающий выходить из-под Волькиного влияния.

– Ты должен вылететь с Земли со скоростью не меньше чем одиннадцать километров в секунду. В противном случае ты, уверяю тебя, никогда не доберёшься до Луны.

– С радостью и удовольствием, – сухо ответил Омар Юсуф. – А скажи мне, о могучий Волька, сколь велик километр, ибо я не знаю такой меры длины.

– Ну, как тебе объяснить… – призадумался Волька. – Ну вот: километр – это примерно тысяча четыреста шагов.

– Твоих шагов? – спросил джинн. – Значит, моих шагов в километре не больше тысячи двухсот.

Омар Юсуф был явно преувеличенного мнения о своём росте. Он был одного роста с Волькой, но переубедить его так и не удалось.

– Смотри не разбейся о небесную твердь, – заботливо напутствовал брата Хоттабыч, сам не шибко поверивший Волькиным рассказам о строении Вселенной.

– Ладно, не учи учёного, – холодно ответил ему Омар Юсуф и со страшной быстротой взвился в воздух, мгновенно раскалившись добела. Он тот час же исчез из виду, оставив за собой длинный огненный след.

– Подождём, пока он вернётся, – робко предложил Хоттабыч, чувствовавший себя виноватым перед своими друзьями за неприятности, доставленные им Омаром Юсуфом.

– Нет, теперь уж жди его не жди, всё равно не дождёшься! – сердито возразил Волька. – Он не послушался моего совета, основанного на научных данных, и никогда уже не вернётся на Землю. Раз твой Омар вылетел со скоростью меньше чем одиннадцать километров в секунду, он теперь будет всё время вращаться вокруг

Земли, как неприкаянный. Он сейчас, если хочешь знать, превратился в спутника Земли.

– Я всё-таки немножко подожду, – пробормотал Хоттабыч, – всё-таки он мне брат.

Поздно ночью Хоттабыч незаметно проскользнул в Волькину комнату и, превратившись в золотую рыбку, тихо шлёпнулся в аквариум. Он всегда устраивался на ночь не под кроватью, а в аквариуме, когда был чем-нибудь сильно расстроен. На этот раз он был особенно расстроен. Он прождал Омара Юсуфа добрых пять часов, но так и не дождался.

Когда-нибудь, когда учёные изобретут такие точные приборы, которые позволят им учитывать самое ничтожное притяжение, испытываемое Землёй от прохождения около неё крохотных небесных тел, какой-нибудь астроном, бывший, может быть, в детстве читателем нашей повести, установит в результате долгих и кропотливых расчётов, что где-то, сравнительно недалеко от Земли, вращается небесное тело весом в шестьдесят восемь с половиной килограммов. И тогда в объёмистый астрономический каталог будет внесён под каким-нибудь многозначным номером Омар Юсуф, сварливый и недалёкий джинн, превратившийся в спутника Земли исключительно вследствие своего несносного характера и невежественного пренебрежения к данным науки.

Кто-то, узнав из наших уст поучительную историю, приключившуюся с братом Хоттабыча, серьёзно уверял, что как-то ночью он якобы видел на небе быстро промелькнувшее светило, по форме своей напоминавшее старика с развевающейся длинной бородой. Что касается автора этой повести, то он приведённому выше заявлению не верит.

LVI. Роковая страсть Хоттабыча

Несколько дней Хоттабыч тосковал по брату, отсиживаясь в аквариуме, а потом привык, и всё пошло прежним чередом.

Как-то раз, незадолго до окончания летних каникул, наши друзья тихо беседовали с Хоттабычем, который по случаю раннего утра ещё продолжал нежиться под кроватью.

– Возможны осадки, – авторитетно заявил Серёжа, взглянув из окна на улицу.

Вскоре действительно всё небо покрылось тучками и начался противный, не по сезону холодный дождик.

– Может быть, послушаем? – спросил Волька с деланно небрежным видом, кивнув на новенький радиоприёмник – подарок родителей за успешный переход в шестой класс, – и с видимым удовольствием включил радио.

Мощные звуки симфонического оркестра заполнили комнату.

Удивлённый Хоттабыч высунул свою голову из-под кровати и осведомился:

– Где находится это множество людей, столь сладостно играющих на различных музыкальных инструментах?

– Ах, да! – обрадовался Женя. – Ведь Хоттабыч не знает радио!

Как это ни странно, на «Ладоге» из-за спешки упустили из виду приобрести приёмник для кают-компании.

Часа два ребята наслаждались, наблюдая за Хоттабычем. Старик был совершенно потрясён достижениями радиотехники. Волька ловил для него Владивосток и Анкару, Тбилиси и Лондон, Киев и Париж. Из динамика послушно вылетали звуки песен, гремели марши, доносились речи на самых разнообразных языках. Потом ребятам надоело радио. На улице проглянуло солнышко, и они ушли на воздух, оставив очарованного Хоттабыча у приёмника.

Именно к этому времени относится таинственная история, по сей день не разгаданная Волькиной бабушкой.

Дело в том, что она вскоре после ухода ребят пришла выключить приёмник и услышала в совершенно пустой комнате чьё-то

стариковское покашливание. Затем она увидела, как сама по себе передвигается по шкале приёмника воронёная стрелка вариометра.

Перепуганная старушка благоразумно решила самой не дотрагиваться до приёмника, а бежать за Волькой. Она поймала его у автобусной остановки. Волька страшно заволновался, сказал, что он совершенствует радиоприёмник, автоматизирует его и очень просит бабушку не рассказывать об этом родителям, потому что он-де готовит для них сюрприз. Отнюдь не успокоенная его словами, бабушка всё же обещала хранить тайну.

До вечера она с трепетом прислушивалась, как в пустой комнате изредка раздавалось странное приглушённое стариковское бормотанье.

В этот день приёмник не отдыхал ни минуты. Около двух часов ночи он, правда, замолк. Но оказалось, что старик просто забыл, как принимать Лондон. Он разбудил Вольку, расспросил его и снова приблизился к приёмнику…

Случилось непоправимое: старик до самозабвения увлёкся радио.

Эпилог

Если кто-нибудь из читателей этой глубоко правдивой повести, проходя в Москве по улице Разина, заглянет в приёмную Главсевморпути, то среди многих десятков граждан, мечтающих о работе в Арктике, он увидит старичка в твёрдой соломенной шляпе канотье и вышитых золотом и серебром туфлях. Это старик Хоттабыч, который, несмотря на все свои старания, никак не может устроиться радистом на какую-нибудь полярную станцию.

Особенно безнадёжным становится его положение, когда он начинает заполнять анкету. На вопрос о своём занятии до 1917 года он правдиво пишет: «Джинн-профессионал». На вопрос о возрасте – «3732 года и 5 месяцев». На вопрос о семье Хоттабыч простодушно отвечает: «Круглый сирота. Холост. Имею брата по имени Омар Юсуф, который до прошлого месяца проживал на дне Северного Ледовитого океана в медном сосуде. Сейчас работает в качестве спутника Земли». И так далее и тому подобное.

Прочитав анкету, все решают, что Хоттабыч сумасшедший, хотя читатели нашей повести прекрасно знают, что старик пишет сущую правду.

Конечно, ему ничего не стоило бы превратить себя в молодого человека, приписать себе любую приличную биографию или, на худой конец, проделать ту же комбинацию, что и перед поездкой на «Ладоге». Но в том-то и дело, что старик твёрдо решил устроиться на работу в Арктике честно, без малейшего обмана.

Впрочем, в последнее время он всё реже и реже наведывается в приёмную Главсевморпути. Он задумал подзаняться теорией радиотехники, чтобы научиться самостоятельно конструировать приёмники.

При его способностях это не такое уж трудное дело. Вся остановка за учителями. Хоттабыч хочет, чтобы его преподавателем был кто-нибудь из его юных друзей. А единственное, что они могли ему обещать, – это проходить с ним изо дня в день то, чему их обучают в шестом классе. Хоттабыч пораскинул мозгами и решил, что, в конце концов, это не так уж плохо.

Таким образом, и Волька, и Серёжа, и Женя учатся сейчас очень старательно, на круглые «отлично». У них уже решено с Хоттабычем, что он при их помощи и одновременно с ними закончит курс средней школы. А потом и ему и им прямая дорога – в вуз. Но тут их пути разойдутся. Женя, если вы помните, давно уже выбрал для себя медицинскую карьеру, Волька собирается поступать в геологический институт, а вот у Серёжи те же замыслы, что и у Хоттабыча. Он мечтает стать радиоконструктором и, уверяю вас, будет не последним человеком в этом трудном, но увлекательном деле.

Нам остаётся только проститься с четырьмя героями этой смешной и трогательной истории и пожелать им успехов в учёбе и дальнейшей жизни. Если вы когда-нибудь встретите кого-либо из них, передайте им, пожалуйста, привет от автора этой повести, который выдумывал их с любовью и нежностью.